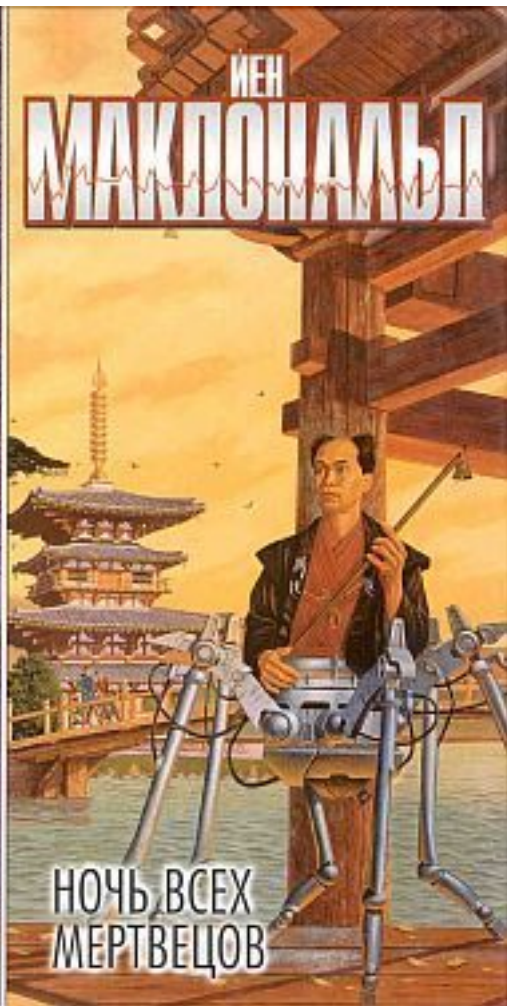

МЕН
МАКДОНАЛД

НОЧЬ ВСЕХ
МЕРТВЕЦОВ

Йен Макдональд

Камень, ножницы, бумага

Сканирование – Машиа, вычитка – Яна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160272

Ночь всех мертвецов: АСТ; Москва; 2003

ISBN 5-17-016659-1

Оригинал: IanMcDonald, "Scissors Cut Paper Wrap Stone"

Перевод:

Елена Александровна Моисеева

Аннотация

«Камень, ножницы, бумага» рассказывает о человеке, который едет через Японию 21 века по 88 священным местам буддизма, надеясь забыть прошлое и найти убежище от болезненных воспоминаний. Когда-то он с товарищами изобрел Фракторы – супермощные психологические изображения-образы, которые могут гипнотизировать, излечивать, ослеплять и даже убивать на месте. Его заставили использовать свое изобретение для убийств...

Макдональд Йен

Камень, ножницы, бумага...

Микрочип-переводчик у меня в черепе легко справляется с идиоматикой сленга Токийской бухты, но молитва странников-пилигримов, по древности сравнимая с длиной бесконечного паломничества, не приемлет простого перевода: «дань Кобо Дайцы, источнику духовных устремлений, проводнику и наперснику нашего гостя». Насколько изящнее и проще это звучит по-японски: «наму Дайцы хеньо конго» – слова просто оживают на моих губах, когда я опускаюсь на колени перед образом в Зале Дайцы для подготовительной церемонии. Мантры, истертые бесконечным повторением, проскальзывают меж сутью грешного тела и духом, умиротворяя мучительное самосознание слишком высокого, слишком нездешнего европейца. С рыжими волосами. У чужого алтаря.

Первое, что изменяет молитва, – это молящийся. Так говорит Масахико – товарищ, проводник, напарник в тысячемильном паломничестве. И последнее – тоже. На это я и надеюсь. Об этом молюсь.

В Первом храме больше нет жрецов. Огромное неосинтоистское святилище вклинилось в комплекс древнего буддийского храма, как кукушонок в гнездо воробья. Здешний священник ухаживает за лужайками и зданиями из чувства

исторического и архитектурного благоговения, но, опасаясь оскорбить духов, он не возлагает на себя ответственность за религиозные процедуры. Наши альбомы – паспорта пилигримов, где появятся яркие пятна киновари – официальные печати каждого из восьмидесяти восьми святых мест, проштампованы роботом: брось в прорезь монетку – получишь печать. Бедную тварь давно пора покрасить. Зловещего вида зооморф, слизнеобразный, блестящий, желтый, с волочащимися синими щупальцами, паразитирующий на блоке мышц, оставляет спиральный след серебристой слизи. Ярко-красная печать на пронзительной белизне бумаги выглядит такой земной, очевидной, почти грубой, вид ее внушает уверенность: все, решение принято! Назад пути нет. Наше предназначение ждет. Весь мир знает пословицу, что самое длинное путешествие начинается с первого шага. Но мало кто знает, что этот первый шаг приходится совершать здесь, в Первом храме. Здесь же надлежит сделать и последний, после тысячи миль дороги и восьмидесяти восьми святых мест. Подобно детской развивающей игре, паломничество по Сикоку являет собою замкнутый круг, без начала и без конца. Цель – это ложная ценность, только проделанный Путь имеет смысл.

Мы помедлили у ворот храма, где оставили свои велосипеды, чтобы поклониться синтоистскому святилищу. Тут толчея. Молитвы и просьбы обо всем: об излечении, о помощи, о мелких киберчудесах, о прощении грехов, об отведе-

нии несчастий. Нельзя оскорблять фантомы предков. Связанные через матрицу страховой компании с международной информационной сетью, они могут наворотить на твоём пути горы препятствий. Религии, как и паломничества, развиваются по кругу. Сейчас, спустя двенадцать веков после Кобо Дайцы, святого, по чьим стопам мы в буквальном смысле идем, после поражения и поглощения примитивного синто-буддизма девятого века, картина все та же. Возрожденный техно-синто эпохи моделирования личности и клапанов для душ столкнул буддизм в, казалось бы, окончательный упадок. Что могут противопоставить хилые радости нирваны современным технологиям записи и хранения памяти, опыта, эмоций, когда есть надежна со временем полностью и абсолютно достоверно восстановить личность?

Молящиеся рассматривают нас, пока мы приближаемся к стойке с множеством миниатюрных телеэкранов, и на каждом – лик одного из дорогих усопших, вызванных из информационного лимба – ада забвения для смертных. К полкам с телевизорами прикреплены фотографии, сувениры, амулеты, игрушки – мелочи и побрякушки живых. Гостеприимный, обволакивающий дух Зала Дайцы поколеблен; с удвоенной силой возвращается мой страх оказаться чужим среди чужаков. Масахико успокаивает меня. Это наши белые мантии и камышовые шляпы – знаки паломников, пилигримов, хенро – привлекают внимание. В наши дни они стали редкостью. В былые времена тысячи людей совершали па-

ломничество каждый год, а теперь если к храму прибывает транспорт с пятьюдесятью старцами, то это расценивается как знак духовного возрождения масс. Когда-то прах умерших отправляли по Внутреннему морю в префектуру Вакайяма, в Маунт Койя – самое святое место Сингона, чтобы наверняка обеспечить покойным место в чистой стране богини Аматэрасу на западе. Теперь люди, застрахованные крупными корпорациями, раз в год приходят на престольный праздник к местному алтарю, их память, эмоции и опыт, накопленные в течение года, выгружаются из духовного клапана в биоядро.

Я трижды хлопаю в ладоши, не снимая перчаток, и провожу кредитной картой с суммой в иенах сквозь одного из считывателей, которые свисают на стропах с нижних ветвей кедров. В начале, когда все, что угодно, может показаться предзнаменованием, требуется вся благоприятная карма, какая у вас только есть. Мае говорит, что население Японии постоянно уменьшается с тех пор, как ввели в практику технологию духовных клапанов. Интересно, может быть, страховые компании каким-то образом случайно создали нехватку духов и их просто недостает для реинкарнации?

Пока мы идем к выходу из святилища, сквозь толпу проталкивается какая-то женщина и сует нам в руки мелкие монетки. Настаивает, чтобы мы непременно взяли. Я не хочу, но Масахико советует принять. Это саттаи – подаяние пилигримам, традиция делать хенро скромные дары стара, как

само паломничество. Несколько монет, фрукты по сезону, чашку риса, другую еду. Иногда могут просто помассировать спину. Если отказываешься – это гордыня. Смирение духа – вот Путь пилигрима. Многие из древних, и не таких уж древних, хенро просили милостыню на всем тысячемильном пути. В соответствии с этикетом мы дали старушке полоски с напечатанными именами. Имя Маса вызвало настоящий ажиотаж. На полоске интельпластика оказалось имя Дандзуро Девятнадцатого – знаменитого актера кабуки, alter ego которого в классическом театре – образ самого знаменитого японского борца со злом. Мое более скромное подношение принимается с неменьшей благодарностью. Старуха рассказывает нам, что потолок в комнате ее мужа оклеен полосками с именами хенро. Их собирали несколько десятилетий. Она приписывает свою необыкновенную жизненную силу исключительно их духовному воздействию.

За воротами храма мы отпираем свои велосипеды. Я проверяю сумки. Меня не убеждает заявление Маса, что никто не посмеет воровать под неусыпным взглядом божественных стражей, изображенных по обе стороны ворот. Демонический ящик лежит там, где я его оставил, нетронутый и в полной сохранности. Он цел. Ну, разумеется, как же иначе... Однако почему свидетель жениха на свадьбе каждые двадцать минут хватается за карман, проверяя, на месте ли кольца?

Городок вокруг монастыря Рёзен-дзы охвачен повседневно-

ной суетой. Узенькие улочки увешаны неоновыми вывесками и рваными пластиковыми транспарантами с рекламой европейской бытовой электроники, запружены грузовиками и пикапами. Часть работает на углеводороде, а часть на мускульной силе. Нарядные рыночные лотки и киоски уличных торговцев забиты длинными, яркими овощами. Выращенные на нечистотах и искусственном освещении, они невероятно огромны и красивы и напоминают, что, несмотря на недостроенные бараки для беженцев из гибнущих внутренних конклавов, это все-таки аграрная страна. Мы прокладываем извилистый курс между шныряющими вокруг мопедами на биотяге, их седоки бросают на нас мрачные взгляды из-под шлемов и масок, защищающих от смога. Массивные, медлительные машины – помеси тракторов и трейлеров ползут вдоль дороги, угрожая смести придорожные киоски и притулившиеся к ним палатки уличных торговцев. Даже в этой среде мы вызываем любопытство, головы то и дело оборачиваются в сторону наших флуоресцентных одеяний: белых паломнических ряс длиной до бедер и шляп в форме перевернутых чаш, какие носят хенро; их мы натянули прямо на защитные шлемы. Камышовые шляпы разделены на четверти и расписаны словами очень древнего и очень-очень буддийского стихотворения. Городской протяжный говор моего чипа не справляется со стилем японской классики, и Масахико переводит:

Для темных – иллюзия мира,
Для просвещенных – познание,
Но все суета сует.
Раз нет ни запада, ни востока,
К чему искать север и юг?

Так что делай выводы, пилигрим. В былые времена Хенро путешествовали с посохом, колокольчиком и орарем, однако мы решили обойтись без них. Вместо этого у нас мощные – с двадцатью четырьмя скоростями – велосипеды, которые Масахико вручную расписал молитвами и поговорками, охраняющими странников. Тяжелый физический труд и близость к природе – неперемное условие паломничества: божественный дух во всем сущем – вот смысл буддизма по Дайцы – той его ветви, что развилась в высокогорных монастырях Японии. Потому-то от веку считалось, что пешее паломничество – самый подходящий способ обойти все восемьдесят восемь святынь. Однако в постиндустриальной Японии второго десятилетия третьего тысячелетия буддизм пришел в упадок, древняя дорога во многих местах стала непроходимой, а опасность повстречать на пути бандитов и оснащенных лучевым оружием акира, отбившихся от местных охранных компаний, увеличивается с каждым годом. Исходя потом на своих равнинных велосипедах, мы тем не менее можем воздать должное принципам просветления, следуя тропю Дайцы там, где она еще сохранилась.

Тропа Дайцы. Догио Нинин. Еще одна поговорка палом-

ников. Мае написал ее на передних и задних амортизаторах. Мы Двое. Пилигримы. Товарищи в Пути. Традиция говорит, что Кобо Дайцы всегда сопутствует пилигримам, шествуя бок о бок с ними, иногда незримо, а иногда воплощаясь в различные образы и формы, но время от времени он является во всем блеске и славе своего просветления. Догио Нинин. Если честно, то идеограммы на наших вилках должны читаться иначе: Мы Трое, Пилигримы, Товарищи в Пути. Но сейчас на месте Дайцы невидимым спутником идет другой человек. И дело не в ее добродетельной просветленности или особых духовных качествах. Дело в том, кто она и какая она.

Последний раз я встретил ее, свою невидимую спутницу, в Кейптауне.

– Мы все время попадаемся на пути друг другу, а, Эт? Кармический цикл, Эт. Нашим жизненным путям предназначено без конца пересекаться. Мы вечно ходим по кругу. Должно быть, в прежней жизни мы были Томом и Джерри. – Ее лицо ни за что не назовешь просто красивым. Слишком много индивидуальности. Крупные, плоские черты. Словно прорисованные детской рукой. Уродливо прекрасные, прекрасно уродливые. И этот дурацкий, попугайский хохолок черных волос, который всегда, всегда, всегда лезет ей в глаза. – Господи, забери меня отсюда, все здесь такие красивые, остроумные, веселые. Так не хватает твоей бескомпромиссной приземленности фермера.

Мы брели вдоль пляжа, подалее от чопорной скуки курзала. Она сбросила туфли, прицепила их к поясу и шла, касаясь босыми ступнями теплого, ласкового песка. Длинные океанские волны набегали и отступали, снова набегали и снова откатывались прочь с бесконечного пляжа.

– Это Атлантический или Индийский, а, Эт? Интересно, где точно кончается Атлантика и начинается Индийский океан? Вот если плыть в лодке и пересечь эту линию, почувствуешь или нет?

Тогда казалось, что вся ее жизнь состоит из таких вопросов и размышлений, не о главном, о всяких второстепенных свойствах явлений.

– Давно видел Маса? – спросила она.

Я рассказал ей, что Дандзуро Девятнадцатый, актер кабуки, победитель ронин, акира, восставших роботов и якудзы, Меч Праведного Возмездия и так далее и тому подобное, занят сейчас на пятнадцати каналах кабельного телевидения Тихоокеанского побережья.

– Да, он высоко взлетел, помнишь его первые роли? Живые предметы, тайный ночной голос греха... – вспомнила она.

– Он зовет меня в какое-то сумасшедшее тысячемильное буддистское паломничество, – продолжал я. – Говорит, что это нужно моей душе.

– Вероятно, он прав.

– Скорее всего, – отозвался я. Еще до Кейптауна, до –

встречи с ней, я решил, что пойду с Масом. Именно для души.

Она поднесла к глазам мои ладони и пристально их разглядела.

– Перестал возиться с ними, а, Эт?

– Да. Синтетическая кожа. И выглядит лучше. Снимается, как перчатки.

– Вот это меня и пугает, Эт.

Она выпустила мои руки, сжала ладонями мое лицо и впилась взглядом в глаза. Мягко, но решительно она стала шлепать меня по левой щеке, произнося в ритм ударам:

– Глупый, глупый, глупый мальчишка. В голове одни герои и ангелы, а, Эт?

Повернулась и величественной походкой направилась к огням курзала.

В небе над Столовой горой как раз наступал самый пик праздника в честь Международного съезда пиротехников, совпавшего с представлением Цирка Трех рингов из Европы.

– Черт тебя подери, Эт! Ты того не стоишь! Всегда, всегда был только ты! Разве этого мало?

Утром я прямо в номере получил по факсу задание и спустился к портье оставить ей прощальную записку. В вестибюле отеля было полно чернокожих бизнесменов, все торопились позавтракать. Белая девушка, портье, сообщила, что она уехала еще до рассвета.

В первый день паломничества мы двигались вверх по до-

лине Иошимо, осматривая каждый из храмов. На ночлег остановились в Десятом храме, где настоятелем был родственник родственника одного из друзей Маса. Благодатная там земля! Плодородная, многоцветная. Поля желтого спелого рапса, темно-красного клевера, стрельчатая зелень рисовых побегов. Но в основном мы продвигались по узеньким тропинкам и тракторным колеям меж высоких шелестящих рощ сахарного тростника. Возле Третьего храма мы увидели большую фабрику по производству папки. Такое впечатление, что японская деревня быстрее и полнее свыклась с биомеханической революцией, чем чудовищные, разлагающиеся мегаполисы. Дома, которые нам попадались, маленькие аккуратные хутора, новые деревушки – все были крыты зеленью; выращенная инженерным способом трава создавала впечатление теплоты и безыскусной естественности, только она никогда не потребует замены. Несколько сохранившихся железных крыш выглядели вопиюще грубыми и жесткими.

Разумеется, мое описание, создающее иллюзию пасторали, вовсе не передает реальной картины. Эти причудливые поселения и деревни – самая сердцевина постиндустриальной революции: на каждой зеленой крыше торчит спутниковая тарелка – пусть молодежь, двое-трое подростков в любом доме, не отрываются от орбитальных каналов MTV и круглосуточных спортивных программ. По всей долине строительные бригады больших телекоммуникационных компаний прокладывают новые оптико-волоконные кабели. Мир

телекомма. Все эти кое-как одетые фермеры, что приветливо машут рукой, когда мы проносимся мимо на своих велосипедах, это новая каста юристов, врачей, бухгалтеров, дизайнеров, инженеров, менеджеров, работников околоземного пространства, глубоководников. Когда Масу потребовалось удалить жировик на спине, то единственное человеческое существо, которое он увидел во время операции, была сестра из приемного покоя. Кисту удалял телеуправляемый робот, а хирург, который им руководил, находился в трехстах километрах, в загородном доме среди мягких зеленых лужаек и полей для гольфа префектуры Судзуока.

– Агностиков лечат верой, – так назвал всю процедуру Мае. Когда он вновь посетил госпиталь для профилактического осмотра, то даже в приемном покое не встретил людей, их заменило интерактивное устройство.

– Когда дело дойдет до лечения пациентов иглоукалыванием их голографических фантомов, вот это будет настоящая кибернетическая макамба.

Ну, что же, в каждом Эдеме должен быть свой змий. По статистике, среди работоспособных профессионалов типа А, мужского пола, в возрасте от тридцати пяти до пятидесяти лет самой частой причиной смерти является самоубийство, а второй по значению – заболевания сердца от переутомления на тренировках. Смерть от волейбола. Думаю, если бы я был Адамом и жил в прекрасном, совершенном райском саду, где любое желание, любая фантазия тотчас бы удовле-

творялись, и так во веки веков, у меня скорее всего развилась бы страстная любовь к яблокам.

Ложное божество. В буддизме вся дрянь, какая с тобой приключается, происходит от твоего собственного поведения. Учение сингонской школы Кобо Дайцы сводится к тому, что каждый может достичь просветления в этой жизни, а не после бесконечной череды тысяч мучительных инкарнаций. Японцы всегда были расой оптимистов. Ты сам творишь свою карму.

Подъем из долины к Десятому храму очень крут. Мышцы ноют от боли. После долгого дня в седле нам это совсем ни к чему. Как будто предстоящий путь испытывает наши силы и решимость: дорога станет только тяжелее, готов ли ты, пилигрим?

Пилигрим переключается на низшую скорость, крепче вцепляется в руль, всю налегает на педали. Думаю, я готов; думаю, я готов; думаю, я готов...

Я знаю, что я готов.

В зале Дайцы Десятого храма, в алтаре хранятся два образа – обе статуи боддhisатвы милосердия. Храмовая легенда гласит, что первая была высечена самим Дайцы из живого дерева; перед каждым ударом топора святой трижды кланялся. Вторая представляет собой женщину-ткачиху, скрывшуюся из дворца в Киото из-за какой-то интриги. Она дала святому кусок ткани, чтобы он мог сменить изорванные одежды. Отсюда и взялось название храма – Кирихата-дзы,

Храм Одеяния. В благодарность за сочувствие на женщину опустилось алое облако, принесшее с собой просветление, и ткачиха обратилась в статую. После молитв священник Мицуно показывает нам оба образа. Я издаю приличествующее случаю восхищенное бормотание, хотя обе статуи очень примитивны, просто бревна, обработанные несколькими ударами топора. Полагаю, смотреть следует сквозь призму веры. Смысл изображений в том, что каждый, включая женщин – а в те времена это звучало страшной ересью: считалось, даже собаки способны скорее достичь нирваны, – может сподобиться просветления.

Освежившись и приняв душ, мы обедаем вместе с молодежью семьи священника. Два его сына, десяти и двенадцати лет, вежливо помалкивают в присутствии Дан-дзуро Девятнадцатого, актера кабуки! Наверняка полоски интелльпластика, подаренные Масом, станут для них не меньшей святыней, чем образы Дайцы в алтаре. После чая миссис Мицуно объявляет, что наши ванны готовы. Так я и думал. Этого я и боялся. Отговорившись волдырями, я возвращаюсь в нашу комнату и в спешке бросаюсь искать синтеплоть. Несколько мучительных секунд не могу найти ее среди носков, трусов, футболок и ветровок, но тут мой палец сжимается на коротком цилиндре. Какое облегчение! Это средство высыхает в течение пятнадцати секунд и создает гибкую, пористую, гладкую поверхность, – уверяет реклама концерна «Хоффманн Гельветика Химия». Глаза плотно закрыты. Я сдер-

гиваю левую перчатку, ладонью ощущаю прохладный аэрозоль. На всякий случай накладываю двойную дозу, так спокойнее. Тринадцать гиппопотамов, четырнадцать гиппопотамов, пятнадцать гиппопотамов... Готово! Быстро открываю глаза, осматриваюсь – не вошел ли кто, – снова закрываю глаза, повторяю процедуру для правой руки, выхожу и присоединяюсь к Масу и Мицуно, который оказался фанатом соул-блюзов. Сидя по грудь в горячей, с мандариновым ароматом воде, мы на три голоса хрипло распеваем всю старую классику. Миссис Мицуно говорит, что она давненько так не забавлялась.

Комната для хенро полна прохлады, воздуха, запахов и звуков поздней весны в долине Иосимо. В такой комнате сон – легкий гость: несколько секунд – и я засыпаю сном праведника.

Проснувшись от крика, я не могу одно долгое, кошмарное мгновение сообразить, где нахожусь. Чувствую, как мои пальцы скребут искусственную кожу на ладони правой руки. Нет! Нет! Наму Дайцы Хенро. Я сражаюсь с демонами оружием доброго пилигрима. Кошмар отступает.

Масахико сидит в кровати. Глаза широко раскрыты. Выпрямленное тело напряжено и дрожит. Я вижу, что он пребывает глубоко под поверхностью своего подсознания.

Я становлюсь на колени возле его кровати.

– Мас... – мягко касаюсь его плеча.

– Нет! Нет! – кричит он. – Оставь ее!

– Мас? Ответа нет.

– Мас?

Нет ответа. Я сижу и жду, пока душевный шторм, чем бы он ни был, не утихает и Мае не погружается в спасительный сон. Нас двое. Мы пилигримы. Я присоединяюсь к Масу и сплю теперь уже до рассвета без всяких снов.

Вокруг сияет теплый солнечный день. Мы вброд переходим реку Иосино и древней тропой хенро поднимаемся вверх. У Десятого храма кончается буддийская долина, начинаются буддийские горы. Дзен – дух долины, Сингон – дух горных вершин. И как дух Дзен отличается от духа Сингона, так и теплый солнечный свет долин отступает перед более суровым климатом гор. С запада наплывают серые махины туч, через час уже льет холодный дождь. Дождь и грязь. Эта парочка близнецов-братьев – настоящее проклятие для хенро. Ноги заляпаны, велосипеды отяжелели от мокрых комьев, лица и руки онемели от студеной струи. Дождь стекает с наших пластиковых накидок и паломнических шляп. Дорога крутая и скользкая, целый час едем на самой низкой скорости, частенько приходится тащить наших коней волоком. Вперед, вперед, сквозь ветер и налетающий дождь. Полная концентрация сил. Абсолютное изничтожение бытия. Одиннадцатый храм пребывает в заброшенности и запустении, разрушается от вандализма акира. Среди исчерканных ими стен мы видим остатки костров, на которых готовили пищу,

кучи банок из-под пива, серебряную фольгу от готовой еды, презервативы, иглы, гниющие биодвигатели и батареи, пустые патроны.

– Мне это не нравится. – Мас явно поражен. Целая стая голубей вылетает из-под карниза разрушенного зала Дайцы. Я заметил, что на некоторых прилипли паразитические зооморфы. Посчитав все это дурным предзнаменованием, мы снова налегли на педали.

От Одиннадцатого до Двенадцатого храма полдня пути, тропа пилигримов ведет мимо еще двух храмов, но они не считаются Святыми местами. Оба они, как и Одиннадцатый, заброшены и разорены. Вперед. Все время в гору. Мой разум туманится. Чувственный мир тает, его раздражители уже не касаются мозга. В памяти всплывают образы. Я больше не чувствую дождя и студеного ветра, не ощущаю боли в икрах. Я вспоминаю.

Вспоминаю его жизнь.

Я называю его «он», хотя у него то же лицо, то же имя, тело и разум, что и у меня, но он мертв. Очевидно и бесспорно. Мертв. Убит. Не пулей и не ножом. Не тонкой проволокой-удавкой толщиной в одну молекулу в каком-нибудь безымянном городке в Центральной Европе. Не наркотиками и не ядом. Он убит чувством вины. То, что осталось от него, пустая обертка, жмет сейчас на педали прихотливо раскрашенного велосипеда на склоне японской горы. Шелуха. Горстка праха.

Я вспоминаю.

В день, когда был зачат Этан Ринг, Западная Германия выиграла Кубок мира. Из приемника в грузовичке компании «Саут Миммз Сервис», припаркованного у шоссе М25, неслись сладкие звуки Nessun Dorma в исполнении Лючано Паваротти, а Никки Ринг, двадцати с чем-то лет, безработный и без всякой надежды на работу, сливался в бурном пятиминутном коитусе с голландкой, водительницей грузовика.

В день, когда Этан Ринг родился, в багдадское подземное убежище попала бронебойная интельбомба, разорвавшая в клочки пятьсот мужчин, женщин и детей, а в это время Бет Мидлер пел, что Господь смотрит на нас неотступно.

В день, когда Этан Ринг в первый раз поцеловал девочку на заднем дворе школы мисс МакКонки (Роберта Каннингэм, второй класс Р), Европа тихо и незаметно, без суеты, путаницы и суматохи – никто в общем-то ничего не заметил – объединилась в единое государство.

В день, когда Этан Ринг пригласил свою первую девушку (Анжела Элиот, тринадцати лет) в местную пиццерию, где угостил двойным чизбургером, диетической кока-колой и облапыванием коленок под столом, ученые компании «Хьютсдорп» в новой, уважаемой, полностью интегрированной и расово благополучной Южной Африке получили Нобелевскую премию в области биологии за создание искусственных организмов, которые перерабатывали сахара в полезную электроэнергию – для неспециалиста Этана и его

ровесников – живые батареи.

Слишком высокий, со слишком ранним развитием – всего слишком много, – социально неадаптированный из-за прыщей и робости, Этан Ринг непременно заработал бы подростковый невроз, но ему повезло, он нашел приют, поддержку и понимание в Девятнадцатом Доме родового сообщества. Из моральных руин девяностых годов, усыпанных обломками иссохших родственных связей, рождалась новая социальная форма, рождалась из групп одиноких женщин, брошенных, вдовеющих, разведенных, просто никогда не состоявших в браке. Они объединялись под одной крышей, чтобы противостоять морю свободно дрейфующих по жизни мужчин. Родовое сообщество: средний размер – пять целых три десятых человеческих единиц; три целых две десятых добывают средства к существованию, содержат себя и две целых одну десятую убежденных матерей, которые рожают детей. Мужчины приходят и уходят, вступая в индивидуальные связи с отдельными членами, но их никогда не рассматривают как членов семейного сообщества. 2003 год – родовое сообщество добилось легального статуса в Европейском суде. 2012 год – одна треть всех семейных союзов является родовыми сообществами. 2013 год – Никки Ринг присоединяется к Девятнадцатому Дому, выиграв этим шагом телеком-дизайнера европейских сельскохозяйственных журналов, оператора по доставке на дом сэндвичей, ювелира, комбимать, которая с облегчением бросила торговлю фьючерсами и отдалась де-

лу деторождения, не заботясь о последствиях, двух новых дочерей, одного нового сына, жилище на южном побережье (тот самый Девятнадцатый Дом) с залитой солнцем террасой и общим с соседями бассейном, мир, стабильность, любовь, безопасность. Его ответный вклад состоял из Этана Ринга. Этан Ринг выиграл семейные корни. Семью обрел ребенок, чей предыдущий опыт обитания в Новой Европе сводился к доплеровскому красному пятну габаритных огней, перемешанных с десятью тысячами мелодий из встроенных радиоприемников, к запаху пережаренного подсолнечного масла в бесконечной череде меблированных комнат (завтрак входит в счет). Благодатная почва сообщества способствовала развитию в нем дремлющего таланта визуализации – внутри своего глазного яблока он, как на экране, видел разнообразные мысли и идеи и помогал увидеть их другим. Этот талант, взлелеянный его экс-фьючерной комбиматерью, позволил ему продержаться в общеобразовательной школе, окончить ее и оказаться в художественном колледже одного из сумрачных северных городков, чтобы изучать графические коммуникации. Он мучительно переживал акклиматизацию и социальную адаптацию. Он метался, думая, не уйти ли. Не отравиться ли, проглотив полторы бутылочки парацетамола. Но в свое время нашел друзей: студента-японца, прибывшего по обмену и тайно обожавшего анимационные комиксы; темноволосого компьютерного фаната с севера, который быстренько обучил Этана необходимым премудростям

бытия – выпивке, наркотикам, знакомствам с девушками; ну и подружку, конечно, однокашницу по колледжу и графическим взаимодействиям, эта последняя выглядела так, будто ее имя должно оканчиваться на «и», но на самом деле ее звали иначе.

В день, когда Этан Ринг встретил Луку Касиприадин, в Леконте Био в Лайонсе изобрели технологию, позволяющую считывать человеческую память, эмоции, опыт с помощью имплантированного в мозг биопроцессора, загружать их в матричную несущую структуру и создавать интерактивную модель умершей личности. Первая бессмертная женщина со времен Древней Греции происходила из Санта-Розы, штат Калифорния. Состояние она сделала на сахарной свекле, но так и не сумела справиться с карциномой. Больше никому подобная процедура не оказалась по карману, и три года ее личность в одиночестве обитала в кибернетическом раю.

Кто-то украл у Этана Ринга покупки. Он вернулся запереть это ржавое ведро с болтами – свой древний «форд», а сумки тем временем стащили прямо от входной двери. Жизнь в этом сумрачном городке сделала его стойким, а микроволновка TV-4-ТЕЛЕЖВАЧКА позволила набрать вес и обзавестись терпимостью. На следующий день кто-то постучал в дверь. На площадке стояла девушка, студентка первого курса колледжа Изящных искусств. Из тех, кого нельзя не заметить: она выбрила почти всю голову, оставив только хохолок черных волос, которые без конца падали ей

на глаза.

– Мог бы хоть что-нибудь предпринять, – с вызовом проговорила она.

– Извините?

– Постучал бы к соседям. Кого-нибудь спросил, чисто формально. Хотя бы какое-то усилие совершил.

– Прошу прощения, вы уверены, что пришли по адресу?

– О'кей, о'кей. Признаюсь. Это я забрала твои продукты. Я, Лука Касиприадин. Я живу над тобой. А ты и не знал? Ну-ну. Касиприадин – грузинская фамилия, по крайней мере так говорил отец. Можно войти?

– Ты забрала мои продукты? Зачем ты забрала мои продукты?

Но она уже уселась на заляпанную пятнами кофе и соусов тахту и зорким оком студентки-первокурсницы колледжа Изящных искусств изучала развешанные им слегка эротичные постеры обдуваемых ветром кибердив с хромированными грудями. Кругом дерьмо, дерьмо, дерьмо. Кучи грязного белья, картонки от готовых китайских блюд, банки из-под пива.

– Да, интерьер в легкой степени запущенности. Знаешь ли ты, мы то, что мы едим?

– Что?

– Мне начинает казаться, у меня с тобой вышел прокол. Это силлогизм: если я – то, что я ем, а ты – то, что ты ешь, тогда если я буду есть то же, что и ты, следовательно, я стану

тобой.

– И потому ты съела мою еду.

– И стала жирной и без конца бегала в туалет.

– Но почему...

– Потому что у тебя такие сказочные волосы, убила бы...

Потому что ты не собирался со мной знакомиться, так что

мне пришлось самой с тобой познакомиться. Ты голоден?

Ну, конечно, голоден. Я же съела твою еду. Пошли ко мне.

У меня есть что пожевать.

– Мои продукты?

– Мои. Ешь мою еду, будь мной. У тебя есть имя?

– Этан Ринг.

– О, классическое имя! Я так и знала, что не ошиблась в тебе.

Сейчас, с точки зрения блестящей пылинки, прилепившейся к склону горы в Сикоку, я в состоянии ответить ей, что она все-таки ошиблась, совершила крохотную ошибку, не учтя особенности характера; и она, эта самая ошибка, медленно и постепенно разрушает целые жизни.

Сокрушительная зависимость от начальных условий. Одно слово, один шаг могут изменить мир. Кажется, это называют теорией хаоса.

С точки зрения пилигрима, эта горная страна выглядит очень заманчиво. Спуск от храмов на вершинах по крутой тропе хенро захватывает дух; сам себе кажешься веселым и бесшабашным. В горах ощущаешь величие здешних сил.

Синто населяет горные пики духами предков и ками, но обитает в долинах. Буддизм же поместил свои храмы на самые вершины и открыл божественное пространство людям долин. В легендах, связанных с вершинами Сикоку, кроется объяснение роли духа высокогорья в психике японцев.

За столетия до Кобо Дайцы буддийский миссионер раннего периода Эн-Аскет упрятал под камень на вершине горы, где сейчас стоит Двенадцатый храм, огнедышащего дракона, который терроризировал живущих в долине крестьян и уничтожал их хозяйства. Как раз к этому храму мы сейчас направляемся сквозь лесные заросли и выгоревшие поляны. Вдохновленный Буддой, мальчик Дайцы поднялся на самый пик горы над долиной, где он родился – часовня Семьдесят Пятого храма построена в честь этого события и на том самом месте, – и бросился с вершины с криком: «О, Будда! Если мне суждено стать спасителем человечества, то спаси меня! А если нет, то дай умереть!» Естественно, Будда выбрал милосердие. Что касается меня, то самой выразительной легендой горного буддизма я считаю историю про Эмона Сабуро, богатого и скверного землевладельца из префектуры Эгиме (кстати, человека равнины, абсолютно неодоухотворенного). Он нагадил в чашу для подаяния странствующего монаха – на самом деле в этот образ воплотился Дайцы. За это его ожидала прижизненная кара – он потерял семью, друзей и все состояние в одну ночь. Охваченный муками совести, он раздал земли арендаторам и отправился вслед

за Дайцы в надежде вымолить прощение. Но как бы быстро он ни двигался, ему никогда не удавалось нагнать святого. Через четыре года, сделав двадцать полных кругов, он вдруг подумал, что сможет скорее встретить Дайцы, если пойдет в обратном направлении, тогда он попадет к нему навстречу. На двадцать первом паломничестве вокруг Сикоку он, полумертвый от истощения и холода, добрался до вершины горы. Дайцы явился ему и отпустил грехи. Умирая, Эмон Сабуро попросил возможности возродиться в образе правителя своей родной провинции (в то время она называлась Айио, а сейчас известна как Эхиме), чтобы совершить великие добрые дела в возмещение зла, которое он натворил в этой жизни. Дайцы подобрал маленький камешек, написал на нем имя Сабуро и сунул тому в кулак. Эмон Сабуро умер, Дайцы похоронил его, а свой дорожный посох превратил в кедр.

Как в любой хорошей истории, здесь есть неожиданный поворот. В конце следующего лета жена правителя Айио родила сына. Прекрасного, здорового, чудесного мальчика, но с одним недостатком: кулачок его левой ручки был сильно сжат и никак не раскрывался. Призвали главного жреца Сингона, он молился над мальчиком, призывая дух Дайцы. Наконец кулачок стал медленно разжиматься. Внутри был маленький камешек. На камешке начертаны слова: Эмон Сабуро, вновь рожденный.

Наму Дайцы Хеньо Конго!

Мы поднимаемся по длинным широким ступеням Двена-

дцатого храма. Ни священника, ни паломников, никого. Эту лесную поляну с нами делят лишь несколько промышленных роботов, с номерами и печатями Бюро по антиквариату префектуры Токушима. Выше Двенадцатого храма непогода наконец отступает. Теперь наш путь проходит при неизменно чистом солнечном небе. Мы движемся вдоль хребтов, окружающих долины, и спускаемся по горным склонам. Для меня свет всегда несет обновление. Если бы можно было навеки остаться пилигримом... Тринадцатый храм – Дайницы-дзы – находится на утесе у входа в долину, по дну которой, словно острова в море мягко колышущегося тростника и бамбука, разбросаны большие, добротные фермерские дома. Подобно Двенадцатому храму, этот тоже пришел в упадок. Персонал его составляют флегматичные роботы из Бюро антиквариата. Молитвы в пустом зале. Компьютер штемпелюет наши альбомы. Ноги опять на педелях, руки на рукоятках руля. В этот момент в ворота въезжает биоэнергетический «ниссан-пикап», из-под колес летит туча сырой щебенки. Немолодая женщина в странных резиновых сапогах, сверкающих зелеными отблесками, выпрыгивает наружу и тепло нас приветствует. Зовут ее миссис Мори-кава. У нее ферма в долине, но кроме того, она – куратор (на полставки) Двенадцатого – Пятнадцатого храмов буддистского культурного наследия. На своих мониторах она увидела, что по древней тропе паломников пробираются два хенро, за три года мы первые идем Путем Дайцы, не сделаем ли мы ей одолжение и не по-

чтим ли своим присутствием ее ферму, чтобы переночевать?

Мы решили рассматривать ее предложение как сет-таи, подаяние. День почти кончился. Храмы Четырнадцать и Пятнадцать находятся на расстоянии восьми кайев, и это по тяжелой каменистой местности. Мас заказал нам номера в захудалом мотеле для туристов сразу за границей Токушима, на шоссе, соединяющем соседние провинции.

А тут теплый фермерский дом, здоровая деревенская еда, чистые постели, горячая вода.

Велосипеды отправляются в багажник, мы втискиваемся на переднее сиденье, рядом с миссис Морикава. На панели укреплена дешевая пластиковая статуя Дайцы в рясе паломника. Догио Нинин.

Пока мы едем мимо плантаций сахарного тростника и бамбука, миссис Морикава признается, что за ее даром гостеприимства прячется еще и тайный мотив. Ее старшая дочь больна странной, безымянной, высасывающей силы болезнью. Доктора и их роботы применяли самые современные достижения медицинской науки, но все они признают, что подобную болезнь в равной степени следует считать недугом не только тела, но и духа. Вот она и подумала: не могли бы мы, не согласились бы посмотреть ее дочь? Древние верования приписывают огромную силу храмовым печатям в альбомах хенро. Миссис Морикава, а до нее ее матери, случилось видеть случаи божественного исцеления, когда пилигримы проводили своими альбомами над больным. Мас за-

протестовал: мы не чудотворцы, целители или шаманы, не бидзири – странствующие буддистские блаженные. Мы сами ищем духовного обновления, и мы так же, как все люди, грешны. Мы не соперничаем с Дайцы, просто идем по его следам. Женщина продолжала просить – ведь это не может принести вреда! И правда, не может, но и пользы тоже, если дело только в том, чтобы провести каллиграфическими письменами над страждущим духом. Но я чувствую, знаю, что в этом может быть и еще что-то, должно быть! Демоны и Дайцы – ревнивые властители там, где дело касается духа. Ветер колышет высокий бамбук. Несколько фраз, несколько поворотов грязной дороги – и вот я у входа в моральный капкан, ловушку, такую хитрую и запутанную, что я попадаю в нее раньше, чем успеваю осознать, что уже поздно.

– Хорошо, мы попробуем, – говорю я, пресекая протесты Маса. Миссис Морикава счастлива.

Травяная крыша почти до земли, спутниковые тарелки, телеком-линки, переработчики отходов, метановые растения, емкости для сиропа, сельскохозяйственные роботы – типичное сельское жилье в Японии двадцать первого века. Сын хозяйки бросает свои дела – он вынимал сломанный биомотор из робоплантера – и ставит наши велосипеды в сарай. На полдороге к дому что-то бьет меня в спину – мягкий солидный шлепок. Я растягиваюсь на бетонной дорожке. Женщина хватает что-то черное и гибкое, кричит на него и отбрасывает в сторону. Возмущенно визжа, существо по-

спешно скрывается в сарае. Летучая кошка.

Женщина извиняется. Они недавно приобрели франшизу. И теперь, когда кто-нибудь посторонний приходит в дом, кошки планируют вниз на меховых перепонках между передними и задними лапами, чтобы разобраться с пришельцем. Пока она открывает дверь, черный клубок, притулившийся над крыльцом, открывает свои лунные желтые глаза и злобно нас изучает.

Запах смерти в комнате больной девочки настолько силен, что кажется неодолимым. Не так-то легко научиться его чувствовать, но, познав хоть раз его вонь, вы уже никогда до конца не можете от него избавиться. Я приваливаюсь к дверной раме, пытаюсь справиться с собой.

– Не ест, не разговаривает, не просит о помощи. Ничего не делает, только лежит и глотает таблетки, – говорит миссис Морикава голосом человека, настолько свыкшегося с болью, что она становится близким другом.

Девочке лет пятнадцать – шестнадцать. Тот самый возраст! Эта болезнь любит юные жертвы. Аноксерия, булимия, нарушения обмена. Сейчас для нее придумали новые названия и черты, но ее имя осталось прежним – самонеприятие, ее лик – саморазрушение. Доктор, который назвал ее болезнью духа, был прав. Мас тихонько выругался, из уважения к присутствующим – по-английски.

В углу на полке телевизор, к нему прицеплена камера Sony размером с ладонь. На экране двадцать два мужика в шортах

гоняют пестрый черно-белый мяч по астрополю. В правом нижнем углу два лица: старик и старуха. Сквозь маленькую камеру фантомы умерших дедушки и бабушки смотрят на любимую внучку из Чистой западной страны Амаретсу. Когда два хенро попадают в их поле зрения, они улыбаются и кивают нам из-за пределов жизни.

Если девочка и заметила нас, пока мы водили своими альбомами и молились над ее кроватью, она никак этого не показала. Миссис Морикава, кажется, удовлетворена, она благодарит нас и за потраченное время, и за наши молитвы. Дух Дайцы спасет ее дочь. Она верит. Неверящий гайдзын, я ощущаю вину, чувствую себя мошенником, странствующим продавцом дождя, бродячим торговцем змеиным жиром.

За отбивными (мы пользуемся древним буддистским эвфемизмом, называя кабана «горным китом», чтобы обойти запрет на мясо) трое сыновей миссис Морикава и ее младшая дочь расспрашивают нас о паломничестве. Если они и узнали Маса, то воспитание не позволяет им надоедать ему вопросами о кабуки. Подали печенье и чай. Младший мальчик приносит большую корзину с банками пива. Мас считает, что, совершив доброе дело, может не придерживаться запрета на алкоголь и пьет в свое удовольствие. Остальные присоединяются к нему только, из вежливости. Я воздерживаюсь. В желудке я чувствую боль. Это не мышечные спазмы, не реакция на непривычную кухню миссис Морикава. Острые когти нравственной дилеммы рвут мои внутренности. Я

могу спастись и заслужить проклятие. Могу заслужить проклятие и спасти.

– А где мистер Морикава? – спрашивает Мас, чувствуя себя весьма раскованно под действием 8,5 процента алкоголя.

– Уже три года, как умер, – отвечает миссис Морикава. – Он погиб в Одиннадцатом храме. Там поселились акира. Он не мог смириться с мыслью, что они превращают в сортир одну из святынь Сикоку. Во многих отношениях он был довольно глуп, но все же не настолько, чтобы отправиться туда одному. В то время компания «Тоса секьюрити» выкупила полицейские контракты по обслуживанию долины, и в качестве жеста доброй воли они провели операцию против разбойников и мелких горных банд, включая шайку акира в Одиннадцатом храме. Это было ужасно. Звуки стрельбы гремели по всей долине. Мы видели вспышки разрядов. В конце концов мой муж не смог больше сидеть и слушать, как они разрушают его любимый храм. Он пошел наверх, пытаюсь их образумить. Боевик ToSec убил его по ошибке, спутав с одним из акира, хотя у него был с собой белый флаг. За два месяца до этого он как раз прошел интельразгрузку. Они отвезли его микрочип за Внутреннее море в Одиннадцатый регенератор Осаки. Он в тех местах жил в детстве. В этом году страховые премии выросли на двадцать процентов, и ToSec посылает своих агентов в каждый дом, чтобы люди не тянули с оплатой.

Когда пилигрим идет по стопам своего учителя, у него нет

возможности выбирать путь. Делай, как сделал бы он. Болью придется пренебречь.

Извинившись, я оставляю своих сотрапезников и иду в сарай. Свет вспыхивает автоматически. С сеновала на меня с любопытством смотрят забавные котята, они планируют вниз на своих крыльях-перепонках, приземляются рядом со мной, мурлыкают и трутся о мои ноги. Он лежит именно там, где я его оставил – на дне левой велосипедной сумки. Органические батареи все еще заряжены, а в принтере новый картридж биораспадающейся бумаги. Любые мои слова вызывают только страх и смущение, а потому я молча проскальзываю мимо большой кухни в фермерском доме и направляюсь в комнату больной девочки. Никаких свидетелей: я выключаю телевизор и камеру, отправляя бабушку с дедушкой в их кибернетическое чистилище. За оконным стеклом танцуют ночные мошки. При свете луны я устанавливаю демонический ящик.

– УРОВЕНЬ СИСТЕМЫ ГЕНЕРАЦИИ ФРАКТОРА ТРЕХИНТЕРФЕЙСНЫЙ, – говорит демонический ящик.

На мгновение мои пальцы замирают над символами клавиш на черной плоской поверхности ящичка. Если раскрыть его, то будет точно так же, как с тем, другим, ящиком из легенды: то, что выпустишь из него, назад уже не загонишь.

– TIFERET, – медленно печатаю я букву за буквой.

– ВВЕСТИ КОД?

– ТО, ЧТО Я ПОВТОРЮ ТРИЖДЫ, ЕСТЬ ИСТИНА.

Экран потух. У меня пересохло во рту.

– ПАРОЛЬ ПРИНЯТ. ДИСПЛЕЙ ИЛИ ПЕЧАТНАЯ КОПИЯ?

– ПЕЧАТНАЯ КОПИЯ.

Визжит принтер. Я отклеиваю краешек полосы, прикрепляю липкий кончик к телеэкрану, направляю освещение так, чтобы видеть напечатанное на ней, и подхожу к кровати.

– Ну, давай, дочка, – говорю я по-английски. – Пришло время очам твоим узреть славу Господа нашего. – Стоя спиной к хаотичным фигурам фрактора, я приоткрываю пальцами ее глаза.

Ни звука, ни одной тактильной перемены под кончиками пальцев. Но ее зрачки расширяются. Она видит. А увиденный, фрактор проскальзывает сквозь защиту ее сознания в первичное, дочувственное ядро нейрохимических реакций.

Ползут минуты, медлительные, растянутые, невероятно длинные. Глаза ее смыкаются, губы приоткрываются во сне; я не медик, но понимаю разницу между этим сном и неглубокой, беспокойной дремотой, от которой я ее пробудил.

Голоса на веранде. Мас, миссис Морикава. Дверь спальни открывается, скрип, желтая полоса света. Им не видно, что я тут делаю. Я захлопываю дверь, закрываю щеколду.

– Этан?

– Оставь меня, Мас. Я могу ей помочь, верь мне.

– Мистер Ринг?

– Все будет хорошо, миссис Морикава. Я не причиню ей

вреда, клянусь. Только дайте мне эту ночь. Пожалуйста.

С факторами всегда так: вместе с добром сеешь зло, С лечением и целостностью – подозрение и недоверие. Но разве у меня был выбор, только ввергнуть их в недоверие к своей персоне. Я нахожу стул, убираю его с линии воздействия и сажусь, чтобы ждать. Ночной страж. Светящиеся гроздьи фабрик, витающих на низких орбитах, собираются в арку у меня над головой, а я вспоминаю жизнь Этана Ринга.

Она говорила, что все самые важные решения принимает, основываясь на «следомантии». На инверсионном следе самолетов. Набирающих высоту, приземляющихся, перекрещивающихся, почти встречающихся... Гектограммы небес.

– В этом куда больше смысла, чем в картах, костях или кофейной гуще. Гадание должно быть продуктом своей эпохи. Разве не логично?

– А что же ты делаешь в пасмурные дни?

– В пасмурные дни я даже не вылезаю из-под одеяла.

В какой же момент след удаляющегося трансполярного суборбитальника составил угол точно в тридцать два градуса с взлетающим шаттлом из Франкфурта и он в нее влюбился? Никогда прежде не влюбляясь, он обнаружил, что это состояние похоже на затяжное падение с высоты. Эмоциональное головокружение, шок – вот что он испытал. Любовь ошеломила его, повергла в ужас и счастливое изумление. Как будто тебе вручили ключи от лучшей площадки и позволили играть до самого вечера. Мысли о ней непрошено вторгались в

каждый миг его существования. В груди теснилась нежность, но он был колюч, как еж.

– И когда же ты собираешься что-нибудь предпринять? – спрашивал Масахико, актер на амплуа героя, Маркус Кранич, компьютерный маньяк, и его девушка, которая выглядела так, будто ее имя должно кончаться на «и», но которую на самом деле звали Бекка, и все пьяницы, мыслители, шутники, позеры, пажоны, картежники, хорошенькие куколки и их кавалеры – все те, из кого состоял первый курс отделения графических коммуникаций, все те, кто коллективно и поодиночке заметил, что Лука Касиприадин по крайней мере четыре раза в день взлетает по пяти лестничным пролетам между колледжем Изящных искусств на первом этаже и отделением дизайна на шестом.

– Предпринимать? – спрашивал Этан Ринг, которому и в голову не приходила мысль, что такое восхитительное создание может одарить его ответной любовью.

– Делай же что-нибудь, – уговаривал его Масахико, а вместе с ним Маркус, Бекка-с-и-на-конце, пьяницы, мыслители, шутники, позеры, пажоны, картежники, хорошенькие куколки и их кавалеры.

Однажды во вторник, зимним вечером, она постучала в его дверь, кружась, словно в вальсе, влетела в тесную, как шкаф, кухню и, заливая молоком рисовые хлопья (они взрываются на языке), сказала:

– Хочу тебе кое-что показать. Пошли! – и быстренько су-

нула его в ожидающее такси.

– Где?

– Здесь.

С переднего сиденья она вытащила компьютер и заплатила шоферу.

– Но здесь ничего нет. – В холодном ноябрьском воздухе изо рта у него повалил пар. Захваченный ее энергией, он выскочил, не накинув даже куртки, и теперь, дрожа, сунул свои длинные обезьяньи руки под мышки, чтобы согреться.

– Нет, есть. Здесь стройплощадка. И не просто стройплощадка, а площадка под Вайлдвуд-центр, ни больше ни меньше. Нумеро уно в программе развития досуга и торговли компании «Индастриэл Нортвест».

– Стройплощадка.

– Эй, охрана! – Она махнула рукой. Ночной сторож махнул в ответ из стеклянной кабины, висящей на стальном каркасе Вайлдвуд-центра. Металлические ворота с колючей проволокой по верхнему краю скользнули в сторону на взвизгнувших роликах.

– Ну, что, пошли?

Шаг за шагом, пролет за пролетом. Мощные желтые лампы качаются над головой, плоскости и столбы света пересекаются с тенями на прямоугольных рамах балок и этажей.

– Черт подери! – воскликнул Этан.

– Дело не в том, что ты знаешь, а кого знаешь. – Лука повела его к служебному лифту. – Но не в библейском смысле.

Вверх, вверх. Десять, двадцать, тридцать метров по световому стволу.

– Четвертый этаж. Дамская одежда, прорезиненный трикотаж, экзотические шляпки.

Она нырнула под защитные ворота и потянула за собой Этана в сюрреалистичное пространство бетонных горизонталей, прорезанных опорными колоннами и неоштукатуренными стенами. Местами полы и потолки еще не были закончены, зияющие пустоты открывались на нижние этажи, пропастями накладываясь друг на друга. Над головой только холодное ноябрьское небо, ежеминутно грозящее дождем. Вокруг кучами лежали неизбежные следы пребывания строителей. (Слышал бы ты, что они мне предлагали!) О господи, его инструменты, его игрушки, его картинки полуобнаженных девиц, банки из-под его диетической кока-колы.

Лука отцепила от пояса аудиовизуализатор и пару воспринимающих перчаток, передала все это Этану Рингу.

– Смотри и учись, любовь моя.

Бросок в преображенное восприятие ужасал и заставлял трепетать.

Плоскости и колонны ядовитых цветов, синусоиды, углы – и все они связаны рвущейся вперед силой и движением. Ощущение скорости, пока он мчался по бетонному полу, дугой выгибало его тело. Кислородные компрессоры, сварочное оборудование, электроинструменты, переносные генераторы тока превратились в вибрирующие вихри движения. Он

видел заключенную в них энергию в форме мелькающих образов, растянутых во времени действий, втиснутых в статическое безвременье. Брошенная бутылка открывалась в спирали и плоскости сжатой энергии, смятая газета превратилась в головокружительный каскадный вихрь информации.

– Что это? – взмолился он, мечтая о стабильности, ища взглядом Луку и видя перед собой лишь пятно кинетической энергии.

– Стихия Бочиони. – Ее голос казался глубоким, надежным корнем, который уходил в глубь реальности, служил опорой в этом мечущемся мареве нестабильности. – Умберто Бочиони, дуайен итальянских художников-футуристов, 1882–1916, был одержим манией промышленности, энергии, скорости, агрессии. Это место абсолютно ему подходит. «Город вздымается!» Ты что, не чувствуешь? Здесь все прямо пропитано тестостероном! Из него вышел бы классный фашист, если бы он не расшиб себе голову, катаясь верхом как-то утром в Вероне и не прекратив преждевременно свое существование.

Малейшее движение его головы порождало вспышки цветной энергии, с бешеной скоростью уносившиеся прочь.

– Как ты это сделала?

– Компьютерами. Правда здорово? Я сделала ремикс старой видеосистемы обработки образов. Воспользовалась преобразованными коммерческими энзим-программами. Вскрыла ее и переформатировала. – Излучая листооб-

разные сполохи света, она подобрала оптико-волоконный кабель, который горел и извивался от видимой глазу информации. – Камеры на голове фиксируют образы, мобильник их обрабатывает и снова подает на визуализаторы. Этот пока имеет только один режим – зрительный образ. Позже я смогу добавить другие измерения. Следующими, я думаю, будут кубисты, а потом, вероятно, даже стихия Кандинского. Может быть, Миро? А ты считал меня маленькой черной закорючкой с кляксой вместо головы? В конечном счете я желаю создавать мои собственные, отдельные вселенные. Стихия Луки, ни на что прежнее не похожая! Обретенные источники! Мусорная эстетика. Новые варианты реальности. – Она помолчала. – Они ничего не понимают, Этан. Другие из моего класса. Считают меня фашисткой, потому что я хочу использовать компьютерные ремиксы, чтобы создавать наложения реальности и виртуальности. Называют меня бездушной механисткой, глухой к духу времени двадцать первого века, застрявшей во вселенной количественных неопределенностей. Но я по крайней мере не равнодушна, я люблю то, что делаю. И люблю из-за того, почему это делаю. Я не забиваю по три раза в день свой микро-чип самой новейшей идеологической дрянью. А у них в голове только реализм и чтобы о них говорили нужные люди и чтобы нужные преподаватели о них упомянули; а если говорить о самих преподавателях, то наши тьюторы только и мечтают, чтобы на нужной вечеринке их не забыли. Чертова честность! Чертова

оригинальность! Чертово искусство! – В ее голосе, доносящемся из самого сердца вихря, полыхающего водопадом образов, звучала темная, целеустремленная агрессия, которая одновременно пугала и возбуждала Этана Ринга.

Несмотря на бездушную механистическую глухоту к духу времени, за проект стихии Бочиони она получила награду и убедила Этана устроить по этому случаю вечеринку у него в квартире.

– А почему не у тебя? – поинтересовался он.

– Да, ну... – И больше никаких объяснений. Явились все, у кого хватило духу, и из ее группы, и из его. Они нелепо танцевали под невероятно громкую музыку. Невероятно много пили. Курили какую-то зверскую смесь, а кололи кое-что и похуже. Чудовищно вели себя на людях в неурочные часы, носились по улице, сидя на плечах друг у друга, падали на припаркованные машины, лупили по их корпусам, оставляя глубокие вмятины; визг противоугонной сигнализации разрывал вечерний город дикой какофонией звуков. И всю ночь он смотрел, как она ходит по его дому, пьет, смеется, хихикает, как потрясающе выглядит в умопомрачительном презиненном платье в окружении ярких, красивых, пьющих, смеющихся людей, которых она притягивает, как магнит, в то время как сам он не смеет потребовать для себя хоть одно слово, одну улыбку, один танец. Вернувшись из ванной, до того забитой наркотическим дымом, что уносил множество ее посетителей из круга реальности не хуже, чем виртуаль-

ные наложения Луки, он увидел ее и это ее умопомрачительное эластичное платье. Она вписывала слова в «Самый длинный кроссворд в мире», который тянулся вдоль всех стен его спальни-гостинной и убегал в крохотную кухню.

– Этан! – Ее пальцы на его локте лежали так требовательно, как никогда прежде. – Пошли! – Она потянула его прочь от «Самого длинного кроссворда в мире», прочь от разгулявшейся вечеринки, вверх по лестнице, в свою квартиру. – Пошли! – В спальню. – Сегодня вечером я видела три параллельных следа от взлетов. Проблема, кризис, точка перехода. Значит, пора. – Она притянула его к себе. От нее пахло виски, эластиком и множеством диких, диких вещей. – Почему, ты думаешь, я устроила вечеринку внизу, у тебя? – Она заперла дверь. – Добро пожаловать в стихию Луки!

Я просыпаюсь от звука голоса. Секунду, пока разгружается микрочип, я ничего не понимаю, потом стеклянные пирамиды кристаллизуются в моем разуме.

– Пожалуйста, я так голодна. Нельзя ли чего-нибудь поесть?

Тусклый серый свет в окне, предрассветный туман. Она настолько слабая и хрупкая, что едва может сидеть в кровати. Смертное отупение пропало из ее взгляда. В ней возник новый свет.

Мои ребра ноют, ноги под коленями затекли оттого, что я заснул, вытянув их на журнальный столик. Голова как буханка черствого хлеба. Во рту как в заднице у сатаны. Прежде

чем уничтожить следы своего темного искусства, я позволяю себе единственный беглый взгляд.

Тифферет: Ангел Исцеления и Полноты Бытия.

Благополучие водопадом устремляется по моим чакрам с макушки до самых ступней. Этот поток смывает и уносит все мышечные боли и спазмы. Я чувствую, что могу пробежать марафон, догнать гончую, перепрыгнуть с одного небоскреба на другой. Я чувствую себя олимпийцем. Бессмертным.

– Пожалуйста, мистер, что-нибудь поесть!

Я выхожу в коридор и зову миссис Морикава. Через секунду весь дом на ногах. У меня такое впечатление, что никто и не ложился. Пока миссис Морикава и остальные члены семьи мечутся в радостном оживлении, готовя маисовый суп, жиденский рис и чай, я разбудил Маса.

– Как девочка?

– Все будет хорошо.

Он все еще будто пьян ото сна.

– Что... как?

– Позже. Я тебе обещаю. – Во что я себя втравил? В какую ложь, обман, недоверие и боль? Человек, устремленный к духовным поискам, стал бы молиться господину Дайцы о милости избежать последствий правильного поступка, но я всего-навсего сомневающийся нечестивец Этан Ринг. – Нам надо отправляться, если мы хотим до темноты попасть на противоположную окраину Токушимы.

– Сейчас только двадцать минут шестого.

– Я знаю.

Мне хочется оказаться на тропе хенро и скрыться за следующей горой прежде, чем семья Морикава, остыв от радости, вспомнит о нас и начнет благодарить, хвалить, совать подарки. Задавать вопросы. Велосипеды готовы, тюки уложены за полчаса. Свет зари все ярче, он потоком вливается в долину, обрушивается водопадом на наши головы, а мы едем по дорожке между бамбуком и сахарным тростником к тропе хенро. Я впереди, потом Мас, совсем рядом с моим задним колесом.

Из высокогорной крестьянской местности мы снова ныряем в густонаселенные прибрежные равнины. Здесь много храмов. Масса машин направляется в Токушиму. Никакой возможности спокойно предаваться воспоминаниям. Дорога требует полной сосредоточенности. Токушима-Сити, столица префектуры, шумный, грязный, неприятный город, надрывающийся от невыносимого бремени мигрантов из рухнувших конклавов во внутренних районах страны и беженцев из социального хаоса мегаполиса Токийской бухты. Токушима является, да и всегда была, городом-воротами, городом-стражем. В исторические времена границы между префектурами охранялись очень бдительно, на заставах проверяли документы и подорожные у торговцев и путешественников. Хенро едва терпели, подозревая в них шпионов, убийц, имперских агентов, в общем, нежелательных лиц. Наряду с политическими барьерами существовали и

инные: храмовые барьеры, места духовной проверки и испытания. Оттуда пилигрим, способный к чистосердечной молитве, мог продолжать свой путь, однако если на его пути возникали препятствия или дурные предзнаменования, приходилось возвращаться и начинать паломничество снова.

Политические барьеры могли рухнуть, но духовные все еще на месте. Тропа хенро уводит нас от толчеи главных магистралей Токушима-Сити в боковые улочки и промышленные зоны, где повсюду видны следы теперь уже постоянного индустриального кризиса, поразившего Японию: закрытые магазины, разорившиеся мелкие фабрики. Контейнеры для жилья массового производства громоздятся в десять, двадцать этажей, стискивают нас со всех сторон, уводят в узенькие, почти непроходимые лабиринты. Приюты для беженцев – вотчина новых бедняков. Мас явно не в своей тарелке, даже я ощущаю атмосферу злобного отчаяния: одинокий и чуждый здесь пришелец среди двухсот миллионов, – более того, я принадлежу к народу, который нанес поражение их империи, обрекая их участи беженцев в своей собственной стране. Дети в спортивных костюмах – «Крик Сезона! Последняя Мода!» – смотрят на нас с неприятным, взрослым вниманием, сидя на подвесных сетках и бамбуковых лестницах, ведущих на верхние этажи. На перекрестках, вокруг кадок с бамбуком, сидят на корточках мужчины. Другие играют в мяч о стены, сплошь покрытые граффити, приходят, уходят, ждут. В этих местах сейчас зарабатывают

женщины. Тяжелые случайные заработки на неполный день в индустрии обслуживания. Только у роботов на биоэнергии есть работа на всю жизнь, спасибочки Компании, низкий ей поклон. Пахнет дерьмом, древесным углем, уличной пищей, машинным маслом, горячей пылью и непонятно знакомым, сладким запахом домашней браги. Звуки одновременно работающих двадцати спутниковых каналов; в каждом киоске, каждом баре, каждом магазине, каждом доме Sony с плоским экраном не выключаются ни днем ни ночью. Жизнь в лучшее телевизионное время. Выпотрошенные автомобили. Разбитые уличные фонари. Брошенные тележки из супермаркетов. Граффити, претендующее на звание Искусства, и Заметного искусства. Псы, дерущиеся псы.

У некоторых шевелятся волоеы на затылке. У других покалывает большие пальцы. У меня же всегда появляется ощущение зуда у самого основания спины. И это безошибочный знак опасности. Восемь человек в легких камуфляжных доспехах с геральдикой своей Хартии, в ореоле изысканно стремительных техно-готических «ямах». Акира. Подростки из среднего класса, отвратившиеся от низкопробных развлечений бесконечными телесериалами и соблазненные пятнадцатью каналами самурайских саг по анимо под звуки Trash Metal – чтоб кровь и гитары! Подростки, сбежавшие из мифологизированного имперского прошлого и устремившиеся к недостижаемому будущему. Большие «ямахи» окружают нас, урча моторами, выбрасывая углеводороды. На зад-

них сиденьях девицы с развевающимися штандартами, прикрепленными к спинам, изучают нас пронзительными взглядами, наводя страх своими черными, блестящими губами. Одно слово их главаря – толстого агрессивного юнца, раз и навсегда решившего проблему грязных волос, сплетя их в косицу, – и они утащат нас в темную вонь крысиного хода между налезавших друг на друга этажей жилых контейнеров. Девица на заднем сиденье его мотоцикла поигрывает моими рыжими волосами, наматывает их на черную кожу перчаток, зажимает черными губами и слегка посасывает. В голосе Маса возникают нехарактерные нотки паники, он непрерывно и суетливо кивает, повторяя, что мы только простые пилигримы по стопам Дайцы, всего-навсего невинные пилигримы... Толстяк же явно предпочитает угрожающе рассматривать рыжеволосого дайдзына.

Его рука бьет меня по шее, моя голова дергается. В черепе молча взрывается вспышка. Наступает глухая немота: языковой чип вырван из своего гнезда. Он подбрасывает его рукой в черной перчатке. Теперь речь Маса балансирует на грани мольбы, а у меня, в буквальном смысле слова, вырвали изо рта язык. Толстый юнец раздражен. Когда имеешь дело с подобными людьми, раздражение означает смерть. Я знаю, я уже видел такое. И я знаю, что должен действовать, хотя хенро во мне стонет от необходимости высвободить демонов... Я кричу Масу по-английски:

– Закрой глаза! Прямо сейчас! Делай, что я говорю! – и тя-

нужно снять перчатку с правой руки. Стальной змеиный звук: девица выхватывает из ножен короткое таси и приставляет мне к адамову яблоку. Я поднимаю руки. В перчатках. Она игриво склоняет голову набок. Улыбается. Толстый юнец тоже улыбается. Улыбаются и его друзья.

Если раздражение означает смерть, то улыбка – это унижение и разрушение. Голова со штандарта на спине у девицы тоже улыбается. Вдруг раздается крик. Подручный Толстяка что-то обнаружил у Маса в сумке. Вожак щелкает пальцами: покажи мне! Это одна из паломнических полосок с именем хенро. Там написано, что Масахико – это и есть Дандзуро Девятнадцатый, актер кабуки. Толстяк подносит ее к самому лицу Маса, отрывисто летят вопросы. Даже без чипа я понимаю смысл по интонациям толстого юнца и торопливым, испуганным кивкам Маса. Затем с той же поразительной скоростью, с какой он был извлечен, меч агрессии убирается в ножны и больше не висит над нашими головами. Толстяк возвращает мне микрочип, кланяется Масу и уважительно, обеими руками подает ему полоску с именем хенро.

– Ты из кабуки? Ты играешь в кабуки? – Он оборачивается к своей банде и театрально восклицает: – Он! Создал! Дандзуро Девятнадцатого! – Его отряд что-то бормочет и кланяется с искренним благоговением.

– Хартия Сынов порядка приносит тебе глубокие извинения, вам обоим, – напыщенно произносит толстый юнец.

Поразительная перемена происходит так быстро, что я просто не могу в нее поверить. – Мы не очень-то доверяем духовным паломникам. Компания «Тоса Секьюрити» пытается проникнуть на территорию «Токушима Холдинга». Они хотят переманить держателей акций, демонстрируя силу против братьев. «Токушима Холдинг» сопротивляется, а улица оказывается между двух огней. У них повсюду агенты. Ты можешь нас простить? Позволь по крайней мере составить тебе эскорт до следующего храма. Для нас честь сделать это для создателя персонажа кабуки.

Едва ли мы могли отказаться. С развевающимися штандартами и сверкающими крыльями боковых зеркал акира взлетают на своих коней и делятся на авангардную и арьергардную группы, окружая нас со всех сторон. Треск их мотоциклов плотной волной летит по улочке, отражаясь от штабелей жилых контейнеров и закрытых, разорившихся лавок. По лицам прохожих я читаю, кто на самом деле эти герои задворок, Восставшие Юные Души, робингуды для шерифов из Ноттингема и гаев гисборнов в лице страховых компаний. Толстый юнец едет рядом со мной и пространно объясняет, что для них персонаж кабуки – это истинный дух Японии, воплощение чести, справедливости, достоинства, индивидуальности, верности, решительности, опыта и готовности к агрессивным действиям – иначе говоря, мерило настоящего человека.

– Он понимает, как надо жить, – говорит Толстяк. Его

девушка протягивает руку к моим волосам, пропускает их сквозь свои черные блестящие пальцы.

– Эй, мистер со сказочными волосами, Дандзуро Девятнадцатый всегда был другом настоящих акира, – объясняет она.

В Восемнадцатом храме мы совершаем омовения, молимся, ставим отметки в альбомах. Акира остаются снаружи. Сидят на своих мотоциклах и курят за воротами храма. Священник хочет вызвать подмогу из «Тоса Секьюрити», я отговариваю его. Толстый юнец принимает полоску пилигрима от актера кабуки со слезами на глазах и дает каждому из нас по пачке табака с травкой в качестве сеттаи – подаяния паломникам. Возможно, позже, когда наше паломничество останется позади и можно будет снова наслаждаться такими штучками, мы выкурим их и с нежностью вспомним Токушима-Сити и Хартию Сынов порядка.

Как только они уезжают с развевающимися на ветру штандартами, Маса начинает выворачивать наизнанку прямо на аккуратный газон у ворот храма. Когда я пытаюсь прийти на помощь, предлагая бумажное полотенце и воду в бутылки, он сердито машет на меня рукой, охваченный страхом и злобой. Весь остаток дня, пока мы едем к Девятнадцатому храму, он не говорит мне ни слова. Инцидент с акира подействовал на него несоизмеримо сильно по сравнению с причиной. Что касается меня, то его молчание очень кстати. Мне самому требуется заштопать кое-какие дыры в душе: искушение

властью, такое, казалось бы, случайное спасение от него, милосердие – Дайцы? – которое незримо сопровождает меня и которое позволило применить мою силу лишь в бескорыстных целях и уберегло от эгоистических и вредоносных. Но даже бескорыстие является поражением. Я пересек половину земного шара, чтобы отправиться в паломничество и уничтожить эту силу совсем, до конца, абсолютно! Небо здесь перечеркнуто множеством инверсионных следов самолетов: местные аэрокосмические силы ткут сложную оборонительную паутину в ионосфере, а я не в состоянии расшифровать ее тайный смысл.

Наши молитвы в Зале Дайцы Девятнадцатого храма сухи и безжизненны. Из-за ошибки компьютера (читай: ошибки секретаря) нашу комнату в отеле отдали парочке дизайнеров по интерьеру, которые прибыли из Осаки на недельный праздник Синто. Сейчас как раз время годовой разгрузки. Народу – пропасть. Если бы извинениями можно было укрыться, мы спали бы в тепле и безопасности, но, к сожалению, это не так, а потому мы находим приют в отеле для водителей грузовых фур с узкими, словно гробы, секциями для сна в трущобной части города. Табличка за спиной у портье гласит: «Впишите свое имя в регистрационную книгу».

– Что в имени... – шучу я, но девица за стойкой явно не обладает литературным багажом и не улавливает аллюзию, а Мас все еще хранит молчание. Я весьма неохотно оставляю ящик с демоном в шкафчике общей раздевалки, но другие

постояльцы в синих клетчатых кимоно и таби вежливо отворачиваются, а после акира я наверняка уловил бы любой нездоровый интерес. Моя каморка на третьем этаже: стены обиты, есть кондиционер, встроенный видеофон, радио, телевизор, мини-бар, кнопка для вызова служителя. (Я тут же набрасываюсь на шоколад, а умиротворившись, перехожу к виски.) В общем, эта коробочка напоминает теплую материнскую утробу, хотя, очевидно, ее оборудовали, не имея в виду людей моего роста. Помню, один сукин сын гвардеец показывал мне камеру в лондонском Тауэре; ее называли «маленькая радость»: она была слишком короткой, слишком низкой и слишком узкой, так что пленник не мог ни лечь, ни встать прямо. Пытка. Я пробегаюсь по телеканалам: спорт, спорт, ток-шоу, спорт, MTV, реклама, реклама, старый английский комедийный сериал, не смешной и пятнадцать лет назад, когда я смотрел его в первый раз. Дандзуро Девятнадцатого нигде нет. Я отыскиваю порно, но это бессюжетное, неумелое трепыхание округлых ломтей лоснящейся плоти под то, что в Японии, видимо, считают негритянским блюзом, нагоняет тоску и выглядит абсолютно неэротично.

Я всплываю из глубины путаных, окрашенных зовом инстинктов, сновидений – заснул, не выключив телевизор, – просыпаюсь, не понимая, что меня разбудило. Громадные соты спальных секций трясутся от грохота проходящих грузовиков, бульканья водопроводных труб, шороха кондиционеров. Крик – скорее вопль, голос, молящий кого-то не тро-

гать ее, «пожалуйста, не надо ее трогать, не надо ее трогать!». Из-за тонкой пластиковой стены звучит голос Маса.

Цепляясь за сетчатые мостки, я стучу в дверь ячейки, пока он не открывает.

– Я слышал, что ты кричишь, что-нибудь случилось?

Ничего не случилось, все в порядке, все чудесно, но я вижу, что его лицо застыло неподвижной маской, каменной маской, лицо человека, который был моим другом всю мою взрослую жизнь. Преданный, смущенный, напуганный, я возвращаюсь в свой темный гроб в далекой чужой стране и ищу бледного забвения в воспоминаниях.

Лука принимала их. Позже, когда она увидела их истинные лица, она хотела бы от них отказаться, но ее слова, размышления уже пустили корни. Десять частей на тысячу в той моче, которая наполняла бассейн Девятнадцатого Дома, послужили околоплодными водами произошедшего там зачатия.

– Иисус, Иосиф и Пресвятая Дева! Настоящий бассейн! – вскричала Лука, как только появилась там с Масахико, Маркусом и Беккой в ответ на предложение Этана Ринга воспользоваться щедрым летним солнцем. Именно там она потом и проводила значительную часть своего времени, пересекая бассейн грациозными взмахами: туда-сюда, туда-сюда. Прозрачная сверкающая вода накрывала ее спину, хохолок из волос скользил по выбритой голове, загорелым плечам.

– Спорим, ты ни за что не подумаешь, что я была без ума

от Эстер Вильяме! Ну почему не бывает сообществ для мужчин! Почему мой отец в него не попал! Я – отказной ребенок: сочувствие и жалость, сочувствие и жалость.

На третий день, когда столбик термометра добрался до девяноста восьми, все они решили последовать примеру Луки и вернуться к доисторическому подводному образу жизни. Они стояли по грудь в воде в узком – глубоком – конце бассейна, окружив плавающее корыто с колотым льдом, утыканным бутылками импортного пива. Погрузившись в прохладную воду, они вели разговор о надеждах, стремлениях, страхах, искусстве, новых идеях.

– Есть идея! – воскликнула Лука. Бутылки легко открывались о выложенный плитками край бассейна, а крышки медленно таяли в зеленоватой воде и укладывались невероятными созвездиями на темнеющем дне. – Дарю, можете ее скушать. В каждом произведении искусства содержится суть, визуальный элемент, который проникает сквозь шлюзы сознания и оказывает прямой психологический – или даже физиологический – эффект. Нечто, предшествующее осознанию, анализу, интерпретации, чувственному восприятию. Нечто, прямиком бьющее в глубинную, рептильную часть мозга и там взрывающееся. Как, скажем, некоторые сочетания цвета и формы, которые создают мощнейшее впечатление – даже чувство – страха и при этом не содержат ни единого образа, идентифицируемого как ужасный.

– Нечто вроде эмоциональной реакции? – отозвалась Бек-

ка, покачиваясь на спине с бутылкой пива между грудями.

– Значительно сильнее, первичнее, примитивнее. Это до-эмоциональная реакция, практически – химическая.

– Конечно, я всего-навсего дизайнер, но разве не ясно, что цель любого абстрактного искусства – стимулировать именно такой тип реакции? – вмешался Маркус.

– Чудно, но такой эффект возникает только от абстрактного искусства... – Это уже сказал Масахико, прижимая ко лбу бутылку пива, только что извлеченную из ванны. – Экстаз. В репрезентативном искусстве или дизайне сила самого образа затмевает этот... досознательный эффект.

Этан молча рассматривал флаги, полощущиеся на мачтах изящных белых крейсеров далеко в море, потом все-таки произнес:

– Не обязательно. Вовсе нет. Читал как-то в одной книжке... – Насмешливое хмыканье. Этан продолжает: – Говорю, я один раз читал книжку о типах шрифтов. Того самого дизайнера, очень известного, где-то в конце восьмидесятых – начале девяностых. Невил Броуди, что ли. Невил Броуди? – Пожимают плечами. – Вы просто варвары. Ну, хорошо. Я кое-что запомнил оттуда. Он там говорит, что тип шрифта может действовать «авторитарно», командовать. В то время я, конечно, подумал, что за дерьмо, как может вид букв на листке бумаги передавать приказ? Но он прав, ты говоришь сейчас то же самое. Настоящий сортир.

– Только попробуй повторить, Этан Ринг, и ты пойдешь

на корм собакам.

– Значит, гарнитура, которой напечатано сообщение, может каким-то образом передавать подсознательный мета-текст? – спрашивает Масахико.

– Ну, я бы не стал это так называть, но... да.

– Ты имеешь в виду, будто, напечатав политический памфлет темным тяжелым сансерифом, ты заставишь читателя лучше его воспринимать, чем если бы он был набран курсивом или другим легким шрифтом? – предположила Бекка.

– Наоборот, – оживленно возразила Лука. – Можно напечатать Коран отвратительными литерами, придуманными в 1970-х, их лепили из женских лиц в стиле Art Nouveau. Вот вам и акт графического ниспровержения устоев.

– Возвращаясь к первоначальной идее Луки... – снова вмешался Этан Ринг, – существует ли... возможно ли сконструировать максимально авторитарный шрифт? Со встроенной в него подсознательной идеей такой мощности, что читающий станет повиноваться, что бы там ни оказалось написано.

– Слышать – значит повиноваться, – отозвался Маркус.

– Видеть – значит повиноваться, – поправила его Лука. – Ну-ка, заткнитесь, парни. Этан дело говорит. – А Этан в это время водил в воздухе пальцем, дирижируя невидимым хором муз, покусывая нижнюю губу и разглядывая нижний правый – угол небес, как делал всегда, когда в нем бурлила творческая энергия.

– Существуют ли практически целые семейства таких явлений? Вне нас, внутри, да где угодно... Чистые, отфильтрованные формы того, о чем мы говорим... Визуальные... – он искал слово, – сущности, недоступные восприятию сознания... Они проскакивают мимо форпостов нашей способности рационального осмысления и различения явлений и провоцируют непосредственную физическую реакцию. Радость, гнев, религиозный экстаз, ощущение просветления... А возможно, и абсолютно новые состояния психики.

– Буддистские мандалы, по идее, должны открывать разум состоянию нирваны, – вставил Масахико. – Возможно, мандалы, абстрактное искусство, гарнитуры различных стилей – в разбавленном виде все они содержат то, о чем говорит Эт. Истинные визуальные сущности еще только предстоит увидеть, синтезировать, выявить.

– «Потерянные акры», – вспомнила Бекка. – Старое стихотворение, кажется, Роберта Грейвза. Вы что, в школе совсем ничему не учились?

– В основном играть в карты, – откликнулся Маркус, – и ездить на велосипеде без рук.

– Оно и видно. «Потерянные акры» про то, как из-за ошибок в картографии исчезают маленькие участки пейзажа. Я точно не помню как, но кусочки полей, дорог, живых изгородей, рощ сворачиваются и никогда не появляются на картах. На карте поселок А располагается рядом с городом В, а в жизни между ними помещается целая география.

– Скрытая реальность. На мой вкус, это немного отдаёт черной магией, – заметил Маркус.

– Как если бы эти сущности были потерянными землями разума... Высшее сознание их типа пропускает, не может зафиксировать и обработать. Они прячутся в норах, сворачивая вокруг себя визуальную «карту», сводят края щели, и картинка совпадает. Как слепое пятно в глазу, – продолжила свою мысль Бекка.

– Возможно, они все существуют в слепом пятне, – предположил Масахико. – Возможно, слепое пятно как раз и есть то самое место, часть глаза, которая регистрирует визуальные сущности, не замечаемые разумом.

– Вроде того, как живой мир включает в себя сложные хаотические формы: фрактальные частицы, множества Мандельброта, – которые так сложно определить, – добавил Этан.

– Может, сознание – это всего лишь фильтрующий механизм, чтобы мы могли вести повседневное существование и не слепнуть от непрерывного сияния Божественной славы... – проговорила Лука.

– Ну-ка, ну-ка, потише, ребята! – влез в ее рассуждения Маркус. – Жуткие вещи вы говорите, что-то я начинаю пугаться.

В ту ночь сгорел элинг. Весь Девятнадцатый Дом и все их соседи по поселку высыпали на берег, плялились на пламя, передавая друг другу коктейли и бинокли.

– Натуральный чертов Апокалипсис, наверное, самый мощный пожар со времен гибели Испанской Армады, а я не знаю, куда задевалась моя камера! – в отчаянии кричала Лука. Кто-то вывозил котел с барбекю. На дороге выше Девятнадцатого Дома машины выстроились бесконечной вереницей.

– Так насчет нашей беседы сегодня днем, – тихонько говорил Этану Маркус. – Мне кажется, я знаю, как это можно сделать. Система распознавания отсеивает образы, устанавливает зоны, где содержатся эти подсознательные стимулирующие сущности, настраивает их на изоляцию обычных явлений, а программа обработки зрительного образа усиливает и расширяет их амплитуду. – Откровения Маркуса Этан слушал вполуха: по кругу передавали подносы с хот-догами и гамбургерами. Никки Ринг вынес усилитель. Теперь языки пламени поднимались в жаркое летнее небо на тридцать – сорок метров. Вот толпа зрителей дружно ахнула: газовый цилиндр со свистом взлетел в небо и, как ракета, унесся к звездам. Даже фейерверк в честь коронации выглядел менее впечатляюще.

– Полагают, что виноваты террористы, – сообщил Масахико, принимая подобие водочного коктейля от одной из комбисестер Этана. – Исламисты. Сионисты. Нищие из «третьего мира». Баски. Ирландцы.

На террасу вышла Бекка с камерой-палмкордером, которую она нашла под ворохом грязного белья Луки. Лука быст-

ро чмокнула ее в щеку, с ликующим воплем перескочила через заборчик и побежала по пляжу в сторону полыхающих языков огня, прижимая к лицу видеоискатель.

– Да, Этан Ринг, ты просто счастливый придурок! – проговорил Масахико, и в первый раз Этан Ринг принял, осознал, понял и оценил то, что существует между ним и Лукой. В тот момент ему хотелось просто стоять и смотреть, как она мечется в отсветах пламени, снимая горящую яхту стоимостью тринадцать миллионов эю, но в ухо ему по-прежнему зудел настойчивый шепот Маркуса.

– Подумай над этим, Эт. Только представь, сколько можно получить за графический образ, который творит все то же самое, что и наркотик, но только без побочных эффектов, без проблемы привыкания, без смерти от передозировки. Представь, сколько могут заплатить за шрифт, который заставляет повиноваться, что бы ни было написано в тексте.

– Маркус, это шутка, просто шутка, и все.

– Множество серьезных вещей сначала выглядели шуткой.

Это было прекрасно. Это было, как... Это было, как... Как...

– Тут ничего нет, – сказал Этан Ринг. Нечто выскользнуло из его поля зрения, как стеклянный угорь. – Я ничего не вижу.

Новый семестр в сумрачном городе. Те же лица, те же места, но повзрослевшие на год. Октябрь за окнами ком-

пьютерного кабинета. Масахико отложил ежевечернюю серию «Кибердевушек Киндзури». Служитель, заглянув к ним в последний раз, произнес ритуальное распоряжение тушить свет (но больше ничего) и оставил комнату с гудящими мониторами троим пионерам и штукой, которую обнаружил Маркус.

– Ты и не можешь ничего увидеть, – заметила Лука Касиприадин.

– Лука права, – отозвался Маркус Кранич. – Мы же обсуждали эффект слепого пятна. Но она там, уж поверь. Если увеличить изображение в десять раз...

Видимая глазами пустота раскрылась, как цветок лотоса, и поглотила их.

Бездна и чудо! Красота и ужас! Безгрешность и Страшный Суд. Там было все и ничто. Пустота и свет. Уничтожение и творение. Альфа и омега. Первичная Воля. Великое Я. Там была любовь и истина, и справедливость и святость, и мощь и все, все, все: все книги, все стихи, все мантры, все суры, все когда-либо сотворенное. Все духовные опыты, все танцы дервишей, все восторженные взлеты души. И еще больше. Много-много больше.

Там был лик Бога. Комната содрогнулась и наполнилась звуками рвущегося ветра. Казалось, языки пламени пляшут на руках и лицах троицы наблюдателей, их губы в экстазе шепчут слова языков, никогда не слышанных человеческим ухом.

Прошло какое-то время, подобное предвкушению вечности, и раздался голос Луки:

– Мое лицо вы не увидите, ибо ни один человек не может узреть его и выжить. – Казалось, что ее голос доносится сквозь глухой белый рев, будто крылья ангелов хлопают перед престолом Всевышнего.

– Но мы видим, видим, черт подери, и живы! Каждое слово Маркуса как булыжник рациональности, летящий вверх по асимптотической плоскости экстаза.

– Я забрался в базу данных Национальной галереи по религиозному искусству и иконам и установил параметры программы так, чтобы она подавала мне сигнал каждый раз, когда натывается на что-либо, соответствующее моему определению духовного, экзотерического, иррационального. Вы представить себе не можете, сколько Мадонн и Младенцев мне пришлось пересмотреть, пока удалось составить репрезентативную выборку. Машина три дня сличала и соотносила собранный материал, еще пятнадцать часов машинного времени потребовалось, чтобы увеличить изображение.

– И в конце концов получилось нечто, стимулирующее способность человека к религиозному экстазу, – закончил Этан. Слова скользили и ускользали в светоносный голос Бога.

– Значит, ты попал в самую точку. Все эти иконы, все мандалы, и санскритские мантры, и просветленные кельтские письмена – они просто отражения, блики, намеки, поиски.

Истинная слава здесь.

И тут преображение кончилось. Ореол славы померк. Лицо Бога отвернулось. Осталось лишь болезненное воспоминание, пронзительное чувство Утерянного Рая. Лука убрала пальцы с выключателя.

– Нам не положено смотреть на такие вещи. Бог недаром скрывает свое лицо. Человеческое естество не может выдержать слишком много божественного.

– Слишком страшная тайна? Людям не положено знать? – В голосе Маркуса явственно звучит презрение. – Старый трюк. Это только начало. Если нашелся один путь, должны быть и еще. И я собираюсь их отыскать.

Лука покачала головой.

– Уничтожь это, Маркус. Сотри. Избавься от него. Это опасно. Оно сожжет тебя. Разрушит, я точно знаю.

Сингон и Искусство ухода за велосипедом в горных условиях. Я поднимаюсь еще до рассвета. Хорошее время, новое утро, свежее новорожденное утро, самое лучшее время. Все предметы видятся ясно и четко. Чистый, холодный, бодрящий воздух. Небо цвета выцветших джинсов, к зениту тон углубляется до яркого, еще не стиранного индиго. Луна уже час как зашла. Я, скрючившись, сижу на обочине рядом с плотным монолитом приткнувшихся к обочине грузовиков. Усталые водители еще спят в узеньких гробах-ячейках нашего отеля. Я работаю терпеливо и настойчиво. Когда безопасность зависит от усердия, ремонт не делают в спешке.

В возне с велосипедом есть своя ценность. Не меньшая, чем в самой езде. Возникает состояние, когда я и ты перестают существовать, объект и субъект исчезают, ты сам и велосипед становитесь одной вещью, одним понятием, единением. Получается истинный киборг: человек-машина.

Как я и думал, гнезда штифтов разболтались, я подтянул их отверткой из своего набора инструментов, пшикнул на них пару раз масляным аэрозолем, который я держу в сумке на поясе. К этому времени солнце всходит над черепицей Девятнадцатого храма.

Моего плеча коснулась чья-то рука.

Мас. С велосипедом. Сумки готовы. Все увязано.

– Вот регулирую систему скоростей, – говорю я. – Переключатель вчера что-то барахлил. – Он кивает, натягивает очки под купол своей паломнической шляпы, и мы пускаемся в путь, скользя вниз по улочкам просыпающегося города. На магазинах взлетают стальные жалюзи, дети спешат в школу, размахивая разноцветными рюкзаками. Фургоны поставщиков урчат на разукрашенных в честь синтоистского праздника улицах, кругом флаги, знамена, фонарики. Во мне тоже появляется чувство празднества, возникает почти школьное ощущение каникул и свободы, но с собственными целями и задачами, в то время как весь остальной мир ворочает привычные жернова повседневности: работа – еда – телевизор – сон – работа – еда – телевизор – сон.

Этот участок тропы хенро, от Девятнадцатого до Двадца-

того храмов, очень тесно связан с эпизодами жития Дайцы. В долине недалеко от Двадцатого находится самая сокровенная святыня храма – глубокая пещера у начала узкого каньона, где святой медитировал. Но туда – может быть, в следующее паломничество. В Двадцать первом храме, на вершине горы Тайриу, нам придется оставить велосипеды и дальше взбираться пешком: здесь Дайцы провел в молитвах целый месяц, пытаясь взывать к охраняющему его духу – Кокуцо. Теперь здесь нет ни одного служителя. Никто не совершает ежедневных восхождений, но электронные гиды из автомата, получив с дисконтных карт наши иены, подробно смакуют эзотерические подробности ритуальной молитвы Дайцы: миллион раз исполняют мантры Света, на белом чистом листе рисуют луну, а на луне – образ Кокуцо, а на лице Кокуцо – корону, а на короне – сорок Будд, а на ладони каждого Будды – раскрывшийся цветок лотоса, а в каждом цветке – жемчужину, испускающую золотые лучи...

– И так без конца – *ad infinitum*, – заметил я.

Но Кобо Дайцы достиг просветления не на вершине, а в приморской пещере на восточной оконечности полуострова Мурото. Именно к мысу Мурото, к морю, мы направляемся сквозь шорох бамбуковых рощ, для меня этот звук всегда был наполнен глубоким духовным смыслом. Голос Будды долин. Из-за холмов, где, словно жемчужина в лотосе, прячется Двадцать второй храм, я уже чую дух океана. И как всегда, он наполняет меня своим божественным недовольством.

Море – воплощение перемен. Мас не сказал мне ни слова, но я чувствую, что его духовный прилив отступает. Теперь наше молчание – это молчание двух друзей, которым не требуются слова, чтобы выразить свою близость. Мы миновали барьер.

Тропа хенро между Двадцать вторым и Двадцать третьим храмами заасфальтирована, и сейчас по ней с бешеной скоростью несутся чудовищные колесницы Джаггернаута – современные автомобили. На наших картах указан альтернативный путь вдоль береговой линии: прекрасный велосипедный серпантин среди пологих, укрытых лесом холмов с одной стороны и безмятежным Тихим океаном – с другой. Нирвана между горами и морем. Мы пересекаем гористое плато, и перед нами открывается извилистая полоса белого песчаного пляжа. В конце него – город Хияса и многоцветная пирамида – пагода Двадцать третьего храма.

Я кричу Масу. Он тоже мечтает чуть-чуть отдохнуть в таком прекрасном месте. Вода страшно холодная, почти физический шок. Теплый воздух утверждает, что сейчас конец мая, а вода говорит – начало марта. Я с воплями бросаюсь в волны, хлопаю по воде и барахтаюсь, чтобы удовлетворить свои давние амбиции поплавать во всех океанах Земли, потом пулей выскакиваю на берег, стряхивая с волос длинные сверкающие брызги. Мас ждет под длинной ветвью древней сосны, похожей на вытянутую в мольбе руку. Легкими взмахами кисти он делает какой-то набросок. Черепахи.

Я рад, что он снова рисует.

– Каждую весну, примерно в это время, они приплывают откладывать яйца, – говорит он. – Каждую весну, уже миллионы лет, какая-то сила возвращает их на этот пляж, чтобы при полной луне они могли отложить здесь яйца. Они приходили сюда задолго до нашего появления, и после того, как мы исчезнем, все мы, все наши планы и надежды, они все равно будут возвращаться. Лично в меня это вселяет большую уверенность.

Он вздыхает и подписывает рисунок в своем альбоме для эскизов, называет его «Черепаший пляж. Двадцать третий храм. Луна в третьей четверти. Наму Дайцы Хеньо Конго».

Помолчав, Мас снова начинает говорить:

– Я помню, год назад мы с тобой кое о чем говорили. В то лето мы всей компанией приехали к тебе, мы говорили о графических сущностях, которые вызывают прямую физическую реакцию. Тип шрифта, несущий подсознательные образы такой силы, что читатель не в состоянии сопротивляться передаваемому приказу.

– Я помню этот разговор.

– У вас ведь получилось, правда?

Мои кулаки в перчатках инстинктивно сжались. Усилием воли я с трудом их разжал.

– Расскажи мне, Этан.

– Да, мы сделали это. Да.

– Дочка Морикава...

– Лечение – это одно из проявлений. А еще смех, слезы. Экстаз. Страх. Боль. И много чего еще. Мы назвали их по именам ангелов – серафимами, но они нас обманули.

Мас рассмеялся. Горьким театральным смехом. Смехом кабуки:

– И все это время я и представить себе не мог, что путешествую в компании самого Дандзуро Девятнадцатого.

– Я ведь не супергерой, Мас. Нет никаких супергероев, никаких Джеймсов Бондов. Жизнь – не представление аниме.

– А те акира, – слово вызывает у него рвотный рефлекс, – ты ведь мог... ну, я не знаю, напугать их, что ли, ослепить. – Неожиданно в голосе Маса взрывается сдерживаемый гнев. – Выжить их сучьи мозги!

– Мне это не понадобилось. Ты же слышал, они сказали, что актер кабуки – всегда друг настоящим акира. Они считали тебя Богом.

– Плевать я хотел на этих фанатов кабуки! Я не просил, чтобы меня принимали за божество, не просил, чтобы мне поклонялись, считали меня героем, рассказывали, как Дандзуро защищает все, что для них свято, потому что все их ценности, и сами они тоже, вызывают у меня тошноту. Тошноту, злобу и страх! – Он снова молчит, напряженный, сжавшийся, замкнутый, молчит так долго, что я думаю, он больше ничего не скажет. Но это только пауза. Время, пока еще более глубокая боль просочится сквозь песчаные фильтры

души.

– Мы собирались пожениться. Она была PR-менеджером у моих токийских агентов. Я встретил ее на ленче для актеров кабуки во «Фри Квинсленде». Я любил ее. Вот так. – Пальцы сжимаются в кулак, как захлопнувшийся капкан. – Такое, видишь ли, случается. – (Я тоже это знаю.) – И чаще, чем мы думаем. – (Друг мой Масахико, я тоже это знаю.)

Далеко в океане гигантские миллионотонные сухогрузы с рудой тяжело пыhtят, пытаюсь избежать встречи с тропическим штормом. Еще дальше расплывчатое темное пятно. Это горит прибрежная аркология, пачкая горизонт маслянистым дымом. А на пляже, ближе к городу, двое ребятишек швыряют в воду палки – играют с собакой.

– Через три дня мы уже были неразлучны. Такой вот она была, делала что хотела. У нее был кот с обрезанным хвостом, мике – какая-то страшно редкая порода, слепой на один глаз. Всегда сидел на подоконнике и смотрел на улицу. Иногда замахивался лапкой на прохожих внизу. Думал, что это какие-то насекомые. У него не было пространственного зрения. Такие вот дела. Я много работал по ночам – дурная привычка еще из арт-колледжа, ну, ты помнишь, когда приходилось воровать компьютерное время, чтобы работать в «Кибердевочках Киндзури». Тогда и начинался актер кабуки. У Дандзуро была роль без слов. Она приносила мне бесчисленные чашки кофе. Только она умела готовить настоящий кофе. Она его сыпала меркой. Забавно, важное за-

бывается, ее лицо, тело, в памяти остаются только мелочи: кот, кофе. Она часто играла в волейбол на крыше, знаешь, в таких обтягивающих шортах, какие сейчас носят девчонки, в наколенниках и налокотниках. Наколенники, налокотники, шорты – они как будто плавают в пустоте, ее саму я уже не вижу. Странно, правда? Мне так нравилось смотреть, как она бежит, прыгает, кричит, абсолютно отдается игре. Она была прекрасна. И я любил ее. А они ее убили.

Пара древних-древних стариков бредет с палками вдоль береговой линии, ковыряется в мусоре, выброшенных волнами щепках, надеясь найти сокровища, приплывшие из мифической Калифорнии. Самолет в небе выполняет медленный разворот, начиная снижение к мегаполису Токийской бухты.

– Эта дурацкая машина. Один из первых экземпляров новой модели «Дайацу», с четырьмя ведущими колесами. Тогда еще только начинали выпускать биодвигатели, и иметь такую было очень престижно, настоящий символ социального статуса. Она временами вела себя очень глупо, такие вещи, как статус, имели для нее значение. Тщеславие – этого у нее не отнять. Я тогда сказал ей: брось, это всего-навсего машина, пусть акира заберут ее. А она сидела, обеими руками облокотившись на руль, с таким видом, как будто ей на всех наплевать. Я хорошо знаю это выражение. Она и на меня так смотрела, когда я делал то, что ей не нравилось. Вокруг все орали, все, кто там был, орали как резаные, а по-

лицейские сирены все ближе, и тут она говорит мне: «Давай садись, едем!» – и... знаешь, как это бывает в кино... как будто все происходит страшно медленно... Кажется, что в реальности так не бывает, но это правда. Я видел все, как при замедленной съемке: как главарь отступает на шаг, чтобы лучше прицелиться, как автоматический пистолет дергается в его руке, пока он опустошает магазин прямо в нее, как пули вспарывают ее, словно рыбу, – ты веришь мне? – я ведь именно так и думал: как зеркального карпа, потом стук – это последняя обойма стукнулась об асфальт, блеяние сигнала, когда она упала на руль, а потом все кончилось, они потащили ее на улицу. Было столько крови... Никогда бы не подумал, что в человеке может быть столько крови... Странно, правда? Единственное, чего я не помню, – это грохота выстрелов. Они забрали машину. Невероятно, но когда пришла «скорая помощь», она была еще жива. Но до больницы она не продержалась. Акира они, правда, схватили. Служба безопасности «ШИБА Секьюрити» выставила их головы в главном святилище того района.

Она была прекрасна. Я любил ее. Они ее убили. Этан, что происходит с моей страной? Почему все не так?

Он плачет без всякого стеснения. Холод и сырость. Я обнимаю его, пытаюсь успокоить. Древняя-древняя пара идет мимо нас, они ласково воркуют друг с другом, с недоумением поглядывая на нас. На пляж накатывает прилив. Огромные корабли один за другим исчезают за горизонтом. С оке-

ана наползает ночь. Начиная зябнуть, я натягиваю рубашку, застегиваю молнию на куртке, потом надеваю штаны. И думаю о черепахах, которые плывут сюда сквозь глубины. Думаю о горящих аркологиях.

Малкхут: Кто видит лицо ангелов, должен повиноваться.

Йесод: Империя чувств, безграничное царство наслаждения.

Ход: Слава, полное восприятие Бога.

Незах: Боль, эмоциональные муки, духовная пытка, физическая агония, страх перед существованием.

Тиферет: Излечение и здравие.

Гевурах: Ужас. Чистый. Первобытный. Абсолютный. Ужас.

Хесед: Взлет к оргазму меньше, чем за три секунды.

Бинах: Фрактор уничтожения чувства времени, творец порядка.

Хохмах: Забвение. Полное, мгновенное и необратимое.

Казалось, тот единственный взгляд на лик Бога дал толчок волне кристаллизации, которая обернулась толпами и толпами визуальных сущностей. Каждую ночь, в Час Недремлющих Ночных Уборщиков, пионеры нового восприятия Краич и Ринг будут созерцать эти необразы – фракторы – слово придумал Этан Ринг, – вынырнувшие из слепого пятна в глазах и швырявшие их в пароксизмы смеха, истерического плача или погружавшие в самоубийственную депрессию, или возносившие в такие высоты, о которых разработ-

чики новейших массовых видов синтетической «дури» могли бы только мечтать. Или повергавшие их в паралич, обездвиженность, полный ступор визуальным образом, который уничтожал их чувство времени до тех пор, пока надежный таймер не выключал компьютер и не освобождал их, возвращая к действительности. Маркус, который успел переварить «Illuminati» в параноидальные годы своего тинейджерства, предложил назвать их в честь десяти сефирот древнееврейской Каббалы.

Теперь Лука только изредка заходит в компьютерный класс, чтобы предостеречь Этана. Маркуса она, должно быть, считает совсем безнадежным. Соответственно и сократились ее визиты на шестой этаж и в сердцевину колледжа графических коммуникаций. Она больше не стучала в его дверь на первом этаже. Прошло несколько месяцев с тех пор, как она спала с ним или воровала его покупки. Однажды вечером в четверг Этан остановил ее на лестнице, надеясь, что открытый разговор может заставить ее смягчиться.

– Ну почему? Неужели утром прошли впритирку два трансатлантических лайнера?

– Считаешь себя остряком, Эт? О'кей! Вот почему. Пока тебе везло. Знаешь, что рано или поздно случится, пока ты пялишься в экран? Оттуда выскочит штука, которая вызовет у вас психоз. Или полную амнезию. А как тебе нравится шизофрения? Или эпилепсия? Или суицидальная депрессия? А может, и что-нибудь похуже. Мне страшно. Вот. Так обсто-

ят дела, если уж говорить все до конца. Лука Касиприадин, девчонка, которая ничего не боится? Но это ее пугает. Ты думаешь, что если я ношу этот хохол, то сразу становлюсь бесчувственным киберпанком? Это. Пугает. Меня. До черта. Это пугает меня до черта, потому что я люблю тебя, Этан Ринг, а ты чертовски глуп и не можешь ничего понять.

Этан пересказал весь разговор, минус последние шестнадцать слов.

– Худо дело, – задумчиво процедил Маркус. Теперь эксперименты завели их в область дьяволидов – субфрак-торов, уже переваливших числом за сотню, которые выделились из параметров сефирот-программы. – От таких слов прямо яйца леденеют, а, Эт? Знаешь, как бывает, когда чувствуешь, что заболеваешь? Она всегда попадает в десятку. Но сейчас все по-другому. Идет большая игра. Самая большая. Эпилепсия, амнезия, психоз – да. Но иногда приходится все поставить на кон ради выигрыша. Пройти по лезвию бритвы. Каждый исследователь знает, что он рискует. А мы, Эт, исследователи, исследователи разума, психонавты, мы забрались в самую темную область разума.

– Что ты несешь! Это стопроцентное мазохистское рок-дерьмо, – отвечает Этан. – Скоро ты заставишь меня нюхать твои подмышки.

– Значит, ты хочешь позволить Луке Касиприадин указывать тебе, что делать и чего не делать?

Полные руки собачьего дерьма. Лицо к лицу. Между ни-

ми лишь десять сантиметров. Самая короткая дистанция социального взаимодействия. Дистанция любви, дистанция бешеного гнева. Почувствуй мое дыхание – вот такая это дистанция.

– Ты доиграешься, Маркус Кранич, твое лицо может влететь в этот долбаный экран.

Шuminatus. Просветление. Этан Ринг ощутил неведомые глубины ярости в своей душе. Увидел страх на лице Маркуса и испугался. Как будто одна из его матерей усадила его и осторожно, мягко сообщила о доселе скрываемом наследственном заболевании, шизофрении, гемофилии, СПИДе, ликантропии. Этан Ринг, его жизнь, его история были притворством, обманом, маской чудовища со стеклянным сердцем, которое и является истинным Этаном Рингом. На миг, пусть краткий, но вполне ощутимый, его наполнило горячее, нечистое возбуждение при мысли о лице Маркуса, вдребезги разбивающем выпуклое стекло монитора, о фонтане кристаллических осколков и брызг. Он вылетел из компьютерного класса. Сбежал из университета и всех его дел. Три дня он прятался среди бесхитростных постеров, сидюшников и бумажек с безнадежными проектами. А потом он больше не смог смотреть в лицо своему гневу и отправился за прощением. В темном компьютерном классе светился один огонек.

– Маркус! Маркус, прости меня. В меня как будто бес вселился.

Я пришел извиниться, Маркус.

Ну, скажи же что-нибудь, Маркус. Не мучай меня, мне и так плохо.

Маркус, с тобой все в порядке?

Маркус!

Человек на полу, освещенный синеватыми отблесками экрана, лежал навзничь; голова запрокинута и ритмично колотится о плитки пола с пятнами от сигарет. Руки и ноги дергаются, тело бьется, как в эпилептическом припадке. Кровавые слезы брызжут из обоих глаз, скатываются по щекам, падают на пол.

– Господи, Маркус! – Этан обходит стол, хочет коснуться его, помочь, сделать что-нибудь, хоть что-нибудь, хоть что-нибудь! А существо в синем экране высовывается и швыряет его о стену.

Как-то раз, еще в детстве, Этан Ринг играл со старым телевизором и получил сильный удар током.

Как-то раз Этан Ринг подцепил новую разновидность вирусного гриппа, температура подскочила до 103 градусов, в своих галлюцинациях он полз по фасаду бесконечного здания из стекла и бетона, вверх, и вверх, и вверх, и вверх, и вверх.

Как-то раз «воксхолл нова» – старенький автомобиль Никки Ринга – с семилетним Этаном на заднем сиденье вылетела в кювет на темном загородном перекрестке – тот, кто на них налетел, даже не остановился. Они кувыркнулись три раза, прежде чем Этан Ринг увидел щит с надписью «Все

грешат и смиряются перед Славой Господа».

Как-то раз Этан Ринг безмятежно возвращался к себе в квартиру, и на него налетели два белых юнца в модных спортивных костюмах; один двинул ему головой в живот, другой стукнул по поясу. В результате Этан лишился восьмидесяти экю и прихваченного на ужин кэрри.

Сущность в экране была всем этим сразу. Сущность в экране была еще хуже. Она была шоком. Токсичным, кармическим, духовным, эмоциональным, культурным, техническим, социальным, очевидным, чистейшим, полным, тотальным – шоком.

Его сердце подпрыгнуло и дало сбой. Дыхание затрепетало. Его голова плюнула в него струей мигрени. Руки и ноги не желали слушаться, а судорожно дергались. К горлу подступила тошнота. Он открыл глаза. Сущность с экране выскользнула из зоны его периферийного поля зрения и швырнула его мозг о внутреннюю стенку черепа. Он спрятался в своем черепе и ждал целую вечность, пока проприорецепторы не сообщили ему, что тело вновь будет повиноваться. С закрытыми глазами он стал ощупывать пол. Он заклинал свои руки: не смейте дрожать, не смейте дрожать! Его глаза дрогнули, почувствовав прикосновение мягкой содрогающейся плоти. Нет! Нет! Сестра Медузы Горгоны! Брат василиска! Посмотреть им в лицо значило умереть. Пальцы взобрались по ножке стола, ощупью прошлись по столешнице, нашли клавишу выключателя, нажали ее. Почти. Он открыл

глаза. Почти. Маркус мог сделать распечатку. Пальцы нащупали принтер, проникли в его закоулки и впадины. Ничего. Он открыл глаза. Диск! Диск с факторами. Он выбросил его из дисковода. Диск жег руки, словно раскаленный металл. Путешествие в лифте было настоящей пыткой.

– Если бы вы, ребяташки, проводили бы столько же времени над своими проектами, как в студенческом баре... – с упреком пробормотал швейцар, привычный к эксцессам молодых людей.

– «Скорую»! – заорал Этан Ринг. – Вызовите эту долбаную «скорую помощь»!

Последний из десяти сефирот воцарился на троне. Кетер: Пустота. Уничтожение.

Вечером в Двадцать четвертом храме будет огненная церемония. Священник Цунода говорит нам, что приглашаются все. Священник – маленький энергичный человек большого обаяния и харизмы. Учитель из репетиторской школы, сейчас на пенсии, над ним так и витает старомодный образ «любимого учителя» в духе Бет Дэвис, Роберта Доната и Робина Вильямса. Местные сплетни, циркулирующие по этому изолированному кусту из трех монастырей, утверждают, что он мог бы стать Нобелевским лауреатом в своей области математики, но отказался от мирской славы и людских похвал, чтобы посвятить жизнь тому, что он называет «ниспровержение посредством образования». Пренебрегает священной японской коровой: зубрежка – экзамен – работа –

жизнь в Компании – ради тощих и неверных хлебов учения для учения. Директора совета, чиновники администрации от образования, местные политики ругали его на чем свет стоит. Ученики боготворили. Над его доской висело изречение Бертрана Рассела: «Как хорошо знать!» Оно последовало за ним в Двадцать четвертый храм с единственным изменением: приставкой «не» к последнему слову девиза.

– Третью жизни учишься, а остальное время прочищаешь мозги от той дребедени, которую в тебя натолкали, – говорит он, показывая нам аккуратную, стерильно-чистую комнатку, пахнущую сандаловым деревом, лавандой и морем.

– Качество. Знать, что хорошо и что плохо и почему. Этому я и пытался учить. Если хотя бы немногие это поняли, я мог бы покинуть мир со спокойной душой.

Мыс Мурото – это шестидесятимильный акулий зуб, вгрызающийся в спину Западной тихоокеанской бухты. Его северное побережье представляет собой устрашающую стену черных отвесных утесов, а южное – величественную панораму песчаных бухт и кос, кончающихся мысом Ашизури в двухстах километрах к югу. «Энола Гей» воспользовался мысом Мурото как географическим ориентиром на пути с острова Тинос к своей двухминутной славе над Хиросимой. А для хенро он вполне определенно указывал на прибытие к точке, где начинаются префектуры Тоса.

Тоса – дьявольская страна,

Не надейся здесь на гостеприимство.

Так рассказывал об этих местах хенро, путешествующий здесь в шестнадцатом веке. Названия могут меняться – теперь она называется префектура Кёси, – но песня все та же.

Мы уже проехали десять километров по главной дороге на восток от Хиясы (сами бы мы такую ни за что не выбрали: жесткая прибрежная полоса, по пляжу никак не проехать), когда вдруг оказались на контрольном пункте. Мы наткнулись на него неожиданно – мешала колонна грузовиков. Увидев форму и мигающие синие огни, мы подумали, что там полиция. И только оказавшись уже в голове очереди, поняли свою ошибку. Дорогу перегораживали два броневика – бывшие БМП. На их бортах, на плечах и шлемах вооруженных людей, которые одну за другой проверяли машины, была эмблема орла, сжимающего в когтях пару молний, и название: «Тоса Секьюрити Инкорпорейтед».

Те самые, что убили мистера Морикаву у Двенадцатого храма. Теперь мы находились в самом сердце их империи. – Отфильтровывают нежелательные элементы. Это они так говорят, – заговорил с нами водитель пикапа. Он вез целый кузов молодых саженцев с обернутыми влажной мешковиной корнями. – Брехня. Все та же добрая средневековая пошлина за проезд.

Частный полицейский в белом шлеме и в белых перчатках пригласил нас вперед, очень вежливо, но в очень привыч-

ной полицейской манере. Наши транзитные пропуска (подразумевалось, что они действительны для всех частных полицейских сил по пути паломничества), наши альбомы пилигримов и мой европейский паспорт были обследованы со всей возможной дотошностью, а потом переданы для дальнейшего изучения невидимому офицеру в одном из военных броневиков. Я испытал очень неприятное чувство, увидев, как легко у нас отняли право свободно передвигаться, право существовать, ощутив, насколько мы уязвимы. Через десять минут наши бумаги вернули, снабдив их штампами разрешений на транзит и полицейскими вкладышами с полисом сроком на тридцать дней, за что с каждого потребовали по тридцать тысяч иен.

Такие вот дела, в былые времена Длинного Джона Сильвера можно было по крайней мере отличить по попугаю на его плече. Я не мог избавиться от впечатления, что мои документы подверглись цифровому сканированию. От них шел слабый... электронный запах, как от свежих фотокопий или факсов. Сообщив, что все в порядке, полицейский радушно позволил нам вступить в пределы префектуры Кёси и посоветовал по возможности придерживаться Утвержденных Туристских Маршрутов, так как «антисоциальные элементы» все еще достаточно активны и наши полисы не будут иметь силы, если мы отклонимся от утвержденного пути. Он вежливо поклонился нам на прощание. Черт с ними, с полисами, но мы никогда не были так рады отклониться от Утвержден-

ного Туристского Маршрута и вернуться на тропу хенро. Путь (с большой буквы) среди прибрежных городков по пугающе крутой горной тропе повергал в ужас и трепет. Восьмидесятикилометровый участок между Двадцать третьим и Двадцать четвертым храмами с редкими городами и еще более редкими альпийскими лугами – для нас всего лишь один день напряженных усилий – заставлял многих пересмотреть свое намерение превратиться в пилигрима. Один из летописцев-паломников сообщает, что Ава – префектура, находящаяся сейчас у нас за спиной, знаменита искусством драматических баллад. А в Тосе предпочитают разводить бойцовских собак. Вдоль прибрежной дороги расставлены каменные изваяния Дзизо – защитника детей, живущего между мирами, спасителя погибающих от мук ада. Все изваяния устремляют свой взгляд в море, высматривая души моряков, рыбаков и всех, кто отправляется в море на кораблях. Суровая земля, суровые духи.

Несмотря на позднее время и нашу усталость, священник Тсунода советует нам посетить прибрежные пещеры, пока совсем не стемнело. Вход туда втиснут между корнями субтропической смоковницы. Сами промытые волнами пещеры – это широкие, низкие, сухие помещения со сложной системой переходящих друг в друга коридоров. Это то самое место, где Дайцы достиг наконец просветления, когда утренняя звезда, аватора Кокуцо, вошла на востоке из Чистого мира Якудзы. В память об этом деянии пилигримы по обы-

чаю воздвигли пирамиду из обтесанных морем камней. Звуки моря удивительно приглушены, по связанным между собою пещерам воздух движется странными завихрениями, но хотя я стараюсь изо всех сил, однако все же не могу ощутить в себе ожидаемого экстаза или умиротворения. Кажется, что все это давным-давно унесено отливом вместе с обломками какого-нибудь кораблекрушения. Быстро темнеет, наши тени тают и сливаются с общей тьмой. Я поднимаю камень и хочу добавить его к пирамиде. Вдруг в темном гроте шевельнулась какая-то тень.

Моя правая рука скользит к манжете левой перчатки.

– Прости, что напугал тебя, брат хенро, – произносит приятный мужской голос. До меня доносится странное клацанье. Что-то двигается среди теней, приближается к нам на слишком большом количестве ног. Да, ног многовато. Полу-человек, полу...

– Пожалуйста, клади же свой камень, – произносит этот получеловек. – Позвольте представиться. Господин Паук к вашим услугам.

Позвякивая и постукивая, он пробирается к нам среди камней и рассказывает историю двух своих последних инкарнаций на пути к просветлению. Сначала он был Ки-ио-ши Уэно – лучшим продавцом компании «Иколко Зиппер». А потом, однажды ночью во вторник произошло лобовое столкновение с сумасшедшим водителем на скоростной полосе верхнего уровня эстакады Западной бухты. Ско-

рость сближения – приблизительно двести километров в час, расстояние – пятьдесят метров, псих дрогнул, не справился с управлением и полетел через три уровня вниз, превратившись в огненный шар, который рухнул на огороды наемных корейских рабочих. Лучший продавец года компании «Иколко Зиппер» врезался в разделительный барьер и был доставлен в Травматологический центр района Чива с многочисленными переломами в пятидесяти процентах скелета. После четырех месяцев неподвижности в стальной конструкции неизлеченным остался только его спинной мозг в районе двенадцатого и тринадцатого позвонков. И доктора мягко убеждали его, что так оно и останется. В какой-то миг этих четырех месяцев пребывания в стальных тисках жизнь, которая была Киюши Уэно, умерла, и пока внимание медицинских роботов было направлено на другие предметы, на свет появился господин Паук.

Блок мобильности охватывает его талию и удерживает тело в пластиковой колыбели. Шесть членистых конечностей с биодвигателями носят его по поверхности планеты. Сильные, не знающие усталости, но, на мой непросвещенный взгляд, слишком беспокойные. Синтетические мускулы встроены в металлические конструкции с помощью нейропластических сухожилий. По его приглашению мы осматриваем синоптические контакты, вмонтированные сзади в его шею, радужные обмотки передающих центров. Он с гордостью демонстрирует рекламные наклейки с названиями ком-

паний, покрывающие всю свободную площадь механизма передвижения. Сходные логотипы украшают шляпу и мантию хенро. Его епитрахиль – дар компании священных напитков «Море Утешения», его посох – от Sony. При каждом его движении колокольчик хенро, изготовленный одним из последних Живых Сокровищ – неподражаемым мастером этого искусства из гильдии ремесленников Японии, непрерывно звенит глубоким, как океанские воды, голосом, слишком спокойным для подобной суетливости. – Дайцы вернул мне дар движения, чтобы я мог воспользоваться им не для себя, как было, когда я носил имя Киюоши Уэно, но для других, – продолжает странный человек. Покинув реабилитационный госпиталь, он стал собирать деньги на добрые дела простым – для всех остальных – актом хождения. Сначала Токайдо, потом паломничество по тридцати трем храмам Кэннона, который пересекает Хонсю от моря до моря. Далее подъем на гору Маунт Койя к столице Сингона на ее вершине, потом сразу миниатюрное круговое паломничество по храмам острова Содо во внутреннем море. Все это, по его словам, была только подготовка, подготовка к осуществлению самого драгоценного для его сердца плана: великое паломничество Сикоку. Двадцать крупных компаний являются его спонсорами или же внесли пожертвования, чтобы он мог совершить это путешествие, а количество отдельных людей, оказавших ему помощь, исчисляется сотнями. Токийская компания средств массовой информации платит ему за

отчеты о его продвижении. Он посылает им факсы с интервалами, к каким принуждает его убогая скорость пешего пилигрима. С помощью вырученных денег он надеется облегчить страдания детей по всему миру.

– Мы – самый ужасный из биологических видов, – говорит он. – Одни только богомолы больше ненавидят своих отпрысков и не доверяют им.

Я думаю, истинная святость подобна истинному смирению. Тот, кто считает, что обладает ею, удален от нее более всех остальных. Мистер Паук был бы шокирован, если бы услышал, что он истинный хидзири.

После обеда Мас извиняется и ускользает, чтобы сделать очень продолжительный звонок. Мы с мистером Пауком пьем чай и едим апельсины, и он пересказывает мне обычные паломнические истории. Позволим ли мы упомянуть о нас в его следующем отчете? Священник Тсунода разрешил ему воспользоваться храмовым факсом. Я говорю, что почту за честь, и это не пустая вежливость. Время, проведенное в компании достойных людей, проведено не зря.

Мы отправляемся на Огненную церемонию, где к нам присоединяются еще двое, две молодые женщины, одна из которых с большим сроком беременности. Перед центральным образом Будды, сделанным очень изящно, как и принято в Сингоне, мы встали на колени, все пятеро: две молодые женщины, Мас, я и мистер Паук, который свернул свои металлические конечности, как какой-нибудь отдыхающий ки-

бернетический кентавр.

Сто восемь палочек душистого дерева для ста восьми человеческих иллюзий.

Огонь плещется в каменной чаше на алтаре, изгоняя странные тени из темных уголков Зала Дайцы.

Бьет гонг. Звенят колокольчики. Мантры пропеты, молитвы сказаны.

Одна за другой все сто восемь палочек – иллюзии материального мира, трудности духовного пути, грехи человеческой природы – отправляются в огонь.

Голуби хлопают белыми, как рис, крыльями под карнизами крыши.

В огонь добавляются душистые листья, благовония, масла. По лицу священника мечутся тени, как непоглощенные грехи, вынутые из губ и ноздрей лучами всепроницающего света.

Во всем мире остается только два звука. Голос священника Тсунода, мелодично произносящий слова молитвы. Тяжелые удары пенных волн – скорее ощутимые, чем слышные, – которые разбиваются о скалы под Двадцать третьим храмом. Оба эти звука временами сливаются вместе в единый звук голоса-океана. Фонарики покачиваются в струях мягкого ночного ветерка, мечутся тени. И меня охватывает ощущение благоговения, ускользнувшее в прибрежных пещерах.

О времени, проведенном в таком состоянии преображенного сознания, которое называют божественным экстазом,

рассказать не может никто, ибо оно выходит за пределы личности, языка, логики. Любое утверждение, которое можно о нем сделать, будет настолько далеко от истины опыта, что в лучшем случае станет бесполезным, в худшем же – лживым. Чистота бытия. Кстати, средневековые мистики называли его Облаком Незнания.

Пламя опадает. Умолкает пение. Служитель ударяет в гонг. Духи развеяны. Наши грехи, наши слабости, наши поражения и ложные устремления сгорели дотла. Священник Тсунода подзывает нас к алтарю, чтобы мы втерли пепел в ту часть своего тела, которая более других нуждается в милосердии. Женщина трет живот своей беременной подруги. Беременная втирает золу ей в губы, грудь и поясницу. Господин Паук натирает себе грудь.

– Сохрани мой дух в чистоте, владыка Дайцы, – шепчет он. – Сохрани чистоту моих целей, – вторит его словам колокольчик. Я насыпаю мягкий серый пепел себе на пальцы и аккуратно втираю щепотку в синтетические пластиковые ладони рук. Мас смотрит на меня, берет пепел из чаши и втирает его в область сердца и голову.

Моя обитая деревом комната слишком полна звуками моря, чтобы спать. И слишком яркая луна. Я боюсь за дверью сёдзи услышать крик Маса во сне, по которому мчатся акира со знаменами и ножами в руках, нанося длинные и так медленно заживающие раны вдоль извилин его мозга. Я боюсь этого потому, что в моем демоническом ящике есть ве-

щи, которые способны прекратить его кошмары раз и навсегда, как будто их никогда не было. Я их боюсь, боюсь соблазна. Снаружи стоит тишина, в храме темно, теплый воздух лишь изредка вздрагивает от отдаленного грохота ионосферных аэропейсеров и шума двигателей громадных грузовых судов за горизонтом. Я иду по краю утеса. Залитый лунным светом океан излучает почти сексуальное очарование. Высота всегда представляла для меня какой-то нечистый соблазн, а высота над темной водой – особенно. Когда я в тот раз отыскал Луку в Сан-Франциско, она пригласила меня на уже давно намеченную прогулку по мосту через Золотые ворота. («Не на пробежку, не в поездку, а на прогулку») – сказала она.) Мы остановились там, где соединяются стволы кабелей, чтобы посмотреть на радиомачты и спутниковые тарелки проходящего внизу транстихоокеанского сухогруза, может быть, того самого, чей шум я слышу сейчас в темноте. И я признался:

– Тебя не шокирует, если я скажу, что какая-то часть моего сознания хочет сейчас взобраться на парапет и сигануть вниз?

– Значит, родился с луной в Раке, под знаком двух трансполяров, – отозвалась она. – Саморазрушение пронзило тебя, как молния.

Как легко, как заманчиво, забрать свой велосипед и отправиться в Чисты Земли Кэннон на юге! Я могу вообразить, как колеса отрываются от аккуратной дорожки вдоль края

обрыва. Могу вообразить, как человек и машина вместе падают. Могу представить, какие навыки потребуются, чтобы удержать их в единой сущности – человекомашине. Чего я не могу представить, так это удара о залитую лунным светом, омываемую волнами скалу.

Когда раздается голос, то кажется, будто сам Дайцы прервал мои мысли.

– Раненый и искалеченный, так? – В ночи мистер Паук подошел совсем неслышно на своих членистых конечностях. – Некоторые места больше способствуют этому, чем другие. Водопады. Озера. Поляны. Некоторые сады. Разумеется, всякого рода возвышенности. Такие пейзажи способны подтолкнуть к самоубийству людей, которым в обычных обстоятельствах это и в голову не придет. Часто думаешь об этом, сынок? Тут нечего стыдиться. Я – часто. Каждый день. Каждый день, сынок. Посмотри на меня, сынок. Посмотри, кого ты видишь? Мужественного человека, сражающегося с ужасающей беспомощностью? Героя? Святого? Я скажу тебе, кого вижу я. Я вижу пародию. Марионетку. Бессильное, бесплодное создание, живущее только из-за безжалостности современной медицины. Человека, который уже мертв. Уже мертв. Каждый раз, когда я смотрю в зеркало, сынок, я вижу там смерть. Смерть в бутылочке, смерть на конце петли, смерть под колесами скорого поезда, смерть у подножия скалы. Я смотрю и смотрю, и смерть отвечает мне своим взглядом, и я понимаю, что существует нечто еще более нелепое,

безобразное, отвратительное, бесплодное и бессильное, чем я. Это смерть. Подобные крошечные открытия позволяют жить дальше. И мы живем, сынок.

– Вы более мужественный человек, чем утверждаете, отец.

– Или самый большой трус из тех, кого тебе доведется когда-либо встретить.

– Трус – это тот, отец, который отказывается делать добро из опасения, что это может причинить ему боль. Человек, который боится делать добро, страшась, что оно может породить зло.

– Все дело в том, имеет ли такой человек власть творить добро, сынок, или его делает бессильным чувство вины.

– У этого человека есть власть творить добро настолько могучая, что она превосходит само ваше понятие о власти.

Господин Паук поднимает голову, будто улавливая запах души.

– А потому вредоносная. Причина, по которой он отправился в это паломничество, – это надежда избежать большого зла, скрытого в его прошлом.

– Бегство, сынок, может оказаться неверным выбором, – говорит мистер Паук. – Все было бы прекрасно и внушало надежду, если бы жизнь сводилась к противостоянию Добра и Зла, Порядка и Хаоса, Света и Тьмы. Но реальность – это не детская сказка с хорошим концом. Если бы Путь был легок, в чем же заслуга того, кто по нему пошел? Учение Дай-

цы говорит, что Путь не проходит через бегство и даже через поражение. Ответ на злые действия – не отказ от действий, а правильные действия.

– Я боялся, что вы это скажете.

– Я тоже, – улыбнулся мистер Паук.

– Христиане говорят, что вся духовная жизнь сводится к тому, что один нищий показывает другому нищему, где найти хлеб, – говорю я. Мистер Паук кивает.

– Дайцы в этом месте написал стихотворение, – говорит он и добавляет, что не обладает даром чтеца, однако слова и сами по себе звучат очень убедительно.

Мурото:

Пусть каждый день

Воет ветер и стонут волны,

Они не заглушают Голоса Будды.

– Будды Медицинской Беспощадности? – спросил я.

– Или Будды Цыплячьих Решений? – улыбается он. – Я двадцать шесть раз поднимался на Спейс Маунт, сынок, но в другой инкарнации. – Шесть ног аккуратно уносят его по скалистой тропе к темной геометрической громаде храма. – Спокойной ночи, малыш, – оборачивается он.

Я стою еще минуту наедине с волнами и ветром, а затем следую за ним.

– Мас! – Мне не хочется будить его от такого чистого и спокойного сна, но если я помедлю, моя решимость может

растаять. За спиной у меня высоко стоит луна. Серебряный свет окрасил обои. Я чувствую себя персонажем из стихотворения. – Мас!

– Этан?

– Излечение. Смех. Слезы. Экстаз. Страх. Боль. И забвение. Вчера в Черепашьей бухте я не сказал про забвение. Я боялся.

– Боялся чего?

– Того, что ты можешь меня попросить.

– Заставить меня забыть...

Субтропическую бабочку обмануло изображение луны на сёдзи.

– Забвение будет полным, как будто она никогда не существовала. Ты хочешь, чтобы она навсегда ушла из твоей жизни?

– Этан, она и так ушла из моей жизни навсегда. Я не хочу забывать. Я просто хочу, чтобы не было так. больно. Ты можешь так сделать?

– Нет такого фактора, чтобы забрал боль, но оставил память. У меня есть такой, который может заставить тебя снова это пережить, как будто ты сейчас лично там присутствуешь. Что ты станешь делать с возможностью снова все пережить, это уж твое дело.

– Этан... – Он стискивает мою руку. Его пальцы очень изящны, артистичны.

– Я буду следовать за тобой сколько смогу. У меня есть

фрактор, который следит, чтобы события не выходили из-под твоего контроля.

– Этан, я не могу продолжать так жить.

– Тогда закрывай глаза, – командую я. – Не смотри на меня, пока я тебе не скажу.

Батарейки в ящике с демонами почти разрядились. Пара капель сиропа возвращает их к жизни. Нужные мне фракторы относятся к низшему порядку. Малые демоны, я так свыкся с ними, что, наверное, стал к ним невосприимчив. Ля Серениссима и Мнеме. На сосновом столике лежит лакированный веер. Я раскрываю его, снимаю защитные полоски с липучек на фракторах и помещаю Ля Серениссима на картинку с дерущимися сороками в ветвях горной сосны. Мнеме – в центр, где группа улыбающихся пилигримов спускается по извилистой тропинке с горы и поднимается на следующую. Я становлюсь на колени перед Масахико. Развернутый веер лежит передо мной. Ля Серениссима сверху.

– Теперь смотри!

Он медленно, тихо вздыхает.

– Что это?

– Маркус назвал его Ля Серениссима, – отвечаю я. – Аватара мира, спокойствия, безмятежности и тишины. Он стимулирует мозг, и тот производит эндорфины, природные опиаты.

Мас медленно кивает. Его зрачки так сильно расширены, что мне кажется, я в каждом вижу отражение полной луны.

Я переворачиваю веер у себя на коленях.

– Мас, – говорю я. – Вспомни вечер, когда она умерла.

Тени мечутся по его лицу, тени изнутри. Бабочка зашуршала на бумажной стене, я оглянулся, а когда опять взглянул на Маса, все следы фактора безмятежности уже стерты. Только ужас, беспомощность, гнев. Фрактор памяти ведет его, и он снова стоит на той аллее, уличные фонари отражаются в полированных крыльях Дайхацу 4х4.

– Скажи мне, Мас.

– Я стою и кричу! Я ничего не могу сделать, только кричать. Но что толку кричать? Почему я ничего не делаю? Почему ты сидишь там с таким дурацким, дурацким, дурацким выражением лица?

Он кричит не на меня, меня он даже не видит, только улицу и ночь и ее.

– Неужели ты не понимаешь, это бессмысленно, бессмысленно, тебя убьют, и все.

– Возвращайся туда, – приказываю я. – Назад! Как ты оказался тогда на той улице и в то время?

Мгновение Ля Серениссима.

– Это башо, я забыл. Сегодня вечером плей-офф финала сумо. Полиция уже оцепила стадион. Кругом знаки объезда. Машины тянутся на несколько кварталов. Не дави на сигнал. Давай, давай! Двигай! Видишь же, не выходит, все равно не быстрее. Пробка сама рассосется. Мы успеем. Ты всегда так нетерпелива за рулем!

– Тебе нечего себя винить, – наконец говорю я. – Вполне естественно, что ты на нее сердился. Она же не была совершенством, никто не совершенен. Смерть не сделала ее совершенной. Смерть никого из нас не делает совершенным. Мертвые тоже могут быть глупыми. Мертвые могут быть нетерпимыми и нетерпеливыми. На них можно сердиться. Их можно ненавидеть.

Мас дрожит, но я не переворачиваю веер обратной стороной. Пока не переворачиваю.

– Возвращайся туда, – говорю я. Он возвращается.

– Слушай, я помню путь в объезд: не то чтобы он короче, даже длиннее, но все равно там будет быстрее. Уж я-то знаю, я здесь вырос. Что угодно, лишь бы она попала на эту вечеринку, хотя по радио уже предупреждали, что в том районе беспокойно. Силы безопасности пытаются захватить какую-то шайку акира. Мне и в голову не могло прийти, что они попробуют прорваться.

Так, настроить память на успокоение. Гармонии и ритмы фрактора касаются периферии моего зрения, создавая почти географическую ясность.

– Даже если ты настоял на объезде, даже если ты слышал предупреждение по радио и подумал, что там может оказаться опасно, все равно тебе не за что себя винить, – говорю я. Уже во второй раз.

– Кто-то ведь виноват. – Ты?

– Ну а кто же еще, Этан?

– Она. Она тоже слышала эту передачу по радио. Она решила поехать в объезд. Сам подумай, Мас. Куда это она так хотела попасть? Почему ей так не терпелось?

Теперь Мнеме. Лицо Маса застывает, скованное виной.

– Зачем тебе ехать на эту вечеринку? Зачем ты заставила меня согласиться поехать с тобой? Все будет то же самое, как всегда, те же люди будут произносить обычные вежливые фразы. Никому и в голову не придет сказать, что он думает на самом деле обо мне, о моей работе. Давай плюнем, пойдем в кино, сходим куда-нибудь поужинать, сходим в магазин. «Там будут важные шишки, – говоришь ты. – Боссы из разных компаний, онк все время охотятся за головами. Для того эти вечеринки и устраиваются. Охота за головами». Ну, конечно, там будут пиарщики из американских филиалов Sony с полными карманами контрактов, ты лопнешь, но не пропустишь такую возможность. Ты всю жизнь мечтала об этой мифической золотой Калифорнии. Что ж, может быть, у меня нет амбиций, и я доволен тем, что я есть, и тем, что делаю. Ты всегда злишься, когда я не делаю того, что ты хочешь. Что ж, на этот раз ты, как обычно, не позволишь моей чувствительности, застенчивости и закрытости помешать тебе сделать по-своему. На этот раз нет.

– А без тебя она бы поехала?

– Ты стучишь каблучками вечерних туфель, меряя шагами наш холл, он такой крошечный – как раз три твоих шага: стук, стук, стук – поворот, и снова: стук, стук, стук – пово-

рот...

– Поехала бы она без тебя?

– Да! – закричал он. – Да. Ты бы уехала. Я попросил тебя подождать пять минут, пока я соберусь. Да!

– Она бы поехала на вечеринку, отправилась бы в объезд, пренебрегла бы предупреждениями по радио, налетела бы на акира... без тебя?

– Да, – говорит он. – Да!

– Ты невиновен, – выношу я вердикт. – Ты невиновен. – Я подношу правую руку к лицу Маса. Без перчатки. Без телесного напыления. Голую. Выпрямляю пальцы. – Поверь мне!

На ладони моей правой руки вытатуировано изображение Малкхута, фактора Сефират, которому повинуется любой с первого взгляда.

– Поверь мне. – Зрачки Маса расширяются по мере того, как квазифрактурные осколки образа скользят вверх по его оптическим нервам, по изгибам и складкам визуального отдела коры головного мозга мимо логического, рационального, сознательного начала в темное первичное ядро спинного мозга, где три с половиной миллиона лет назад в чисто животном существе впервые сверкнула искра разумного восприятия.

– Поверь мне! – То, что я повторил трижды – истинно. Истинно без всяких сомнений, несмотря на боль, вину, страх или на любые аргументы, которые будут это отрицать.

В тот раз в Маракеше мы с Лукой пошли ближе к вечеру

на площадь Душ посмотреть на человека, который проталкивал туда-сюда сквозь язык тонкую металлическую шпагу и при этом танцевал, щелкал пальцами и громко прославлял Бога. Каждое из этих «поверь мне» похоже на тонкую прочную шпагу, которую протаскивают сквозь мои губы, язык и распластанные ладони.

Ночью поднимается восточный ветер, он поднимает огромные волны, которые сотрясают Двадцать четвертый храм до самого основания. Чудесный попутный ветер для пилигримов-велосипедистов, он подгоняет нас в спину вдоль старой береговой линии всю дорогу между Двадцать пятым и Двадцать шестым. Наши паломнические мантии хлопают, как боевые знамена акира. Море под нами покрыто длинными пенистыми гребнями. Сосны по краям тропинки раскачиваются и машут ветвями. Как будто едешь внутри гравюры Хирошиге.

Через километр после Двадцать пятого храма мы видим, как господин Паук со стуком перебирает своими членистыми конечностями. В утреннем свете ярко блестят логотипы компаний-спонсоров. Посох взлетает при каждом шаге. Колокольчик непрерывно звенит. Он тепло нас приветствует. Он отправился в путь еще на рассвете. Оглядев наши велосипеды и их причудливую расцветку, он замечает, что до конца дня они успеют оставить пешего хенро далеко позади. Я не могу рассказать ему, что теперь между мною и Масом существует тайное единение, такое же глубокое и темное,

как наше единение по вопросу о саморазрушении, которого я достиг с ним самим на вершине утеса, потому что поверил в высказанную им истину, что ответом на неправильное действие является не бездействие-разрушение, а правильное действие. Мы меняемся полосками. Сувенир из интелльпластика с именем Маса вызывает улыбку, но что делать, вот они – мы: первые и последние пилигримы, встретившиеся в летний шторм. Мы крутим педали дальше, он машет нам посохом. Догио Нинин.

Дождь размыл тропу, превратив ее в две узкие предательские колеи. Торможение швыряет мой велосипед поперек дороги. Сырая щебенка трещит под шинами. Удивленный Мас останавливается, рукой в перчатке сдвигает очки.

– Подожди меня в Двадцать шестом, – кричу я сквозь рев ветра. – Надо кое-что сделать. Со мной все нормально. Не беспокойся. Езжай, езжай. Ну, давай!

Оставшись наедине с ветром и вздыбившимся океаном, я отдаю приказ одному из своих бумажных демонов черного ящика. Звонкая мантра колокольчика слышна раньше, чем появляется его хозяин. Наконец господин Паук оказывается на вершине подъема.

– Сетгаи, господин Паук. – Я протягиваю ему свернутую полоску бумаги.

– Позволено ли скромному пилигриму спросить, что это? – произносит господин Паук, со свистом гидроластических стоек устраиваясь на отдых.

– Могушественный талисман, дающий здоровье, жизненную силу и благословение всем, кто медитирует над ним.

Он смеется, раскачивая держащую его колыбель.

– Это и правда должен быть очень сильный талисман, – говорит он, но принимает листок.

– Когда он вам станет не нужен, передайте его другому, – советую я ему, хотя к тому времени закольцованная временем бумага уже распадется. – А до тех пор никому ее не показывайте.

– Вы можете представить себе день, когда я не буду нуждаться в здоровье, жизненной силе и благословении?

Правая нога на педали, готовая надавить. Порывы ветра забираются под шляпу хенро, почти срывая ее. Я не мог предложить ему надежду на выздоровление в ее обнаженном виде, он не посмел бы принять ничего, что в случае провала могло бы его уничтожить. Но каждый раз, когда господин Паук станет созерцать Тиферет, демон здоровья тайком проскользнет мимо его надежд и страхов туда, где израненные, искалеченные нервные волокна снова начнут расти, где мертвые синапсы задергаются и оживут, кости окрепнут, мускулы отвердеют и начнут сгибаться, ноги пойдут.

– Я могу представить этот день, – уверенно отвечаю я. На верхушке следующей возвышенности я оглядываюсь, чтобы еще раз увидеть маленькую решительную фигурку – пылинку в этом безбрежном пейзаже. Увидеть, как господин Паук продолжает свой путь сквозь летнюю бурю. Я смотрю и

смотрю, жду и жду, но его все нет.

Мы. Двое. Пилигримы. Товарищи в Пути.

По тому, что он договорился встретиться с ней в викторианском баре, который просто ненавидел: майолика, начищенное воском дерево, затянута патинной бронза, по тому, что, когда она приехала, он сидел один в отдельной кабинке и пил бренди, которое тоже ненавидел, она догадалась, что произошло. Она решила, пусть все это выльется под собственной тяжестью: темные, холодные подземные воды, мчащиеся по мрачным извилинам и рубцам ложных путей.

– Когда мне было восемь лет, умерла моя бабушка, – начал он, крутя ножку бокала между большим и средним пальцами. – Она оставила мне пару маленьких статуэток, которые всегда стояли у нее на туалетном столике: мальчишка-пастушок и девочка с кроликом. Сейчас они у меня на книжной полке. Ты смеялась над ними. Дешевка, сувенир, какие покупаешь, выбравшись на денек к морю. Настоящий китч. Но они пережили мою бабушку, эти две китайские статуэтки. И могут пережить меня. Жизнь Этана Ринга канет в пустоту, исчезнет и будет забыта, а босоногая девочка будет по-прежнему ласкать своего кролика, а мальчишка – посвистывать, засунув руки в карманы. Это понимание проникло в меня, как кусок льда в сердце, как громадная темная стена на краю жизни, такая высокая, что не переберешься, и такая длинная, что не обойдешь, омрачающая любую живую мысль и дело; и каждый день, каждую минуту каждого дня, каждое

мгновение становящееся все ближе, выше и шире. Три месяца я не мог ничего делать, никуда ходить, никого видеть без мысли о смертной тени, распростертой над всем миром.

– Теперь в наших руках бессмертие, – проговорила Лука, думая, что подает утешение.

– В наших руках призраки и память, для тех, кто может за них заплатить.

В викторианский бар ввалилась толпа мужчин в костюмах с диджитфонами и биопроекторами Olivetti\ICL модели Марк 88 во внутренних карманах. Они нарочито громко, каркаяще переговаривались, как свойственно людям в костюмах. С диджитфонами. И с Olivetti\ICL модели Марк 88.

– Маркус умер сегодня утром. В восемнадцать минут двенадцатого.

– Черт подери... Этан.

– В одиннадцать двенадцать он вышел из комы. В одиннадцать тринадцать у него начались конвульсии. В одиннадцать восемнадцать все было кончено. Еще через двадцать три минуты объявили, что у него наступила клиническая смерть, и его печень, почки и поджелудочную забрали для трансплантации. Сердце и роговицы не тронули. Сказали, что от них практически ничего не осталось. Я был с ним, когда он очнулся. Какое-то мгновение он был самим собой, Маркусом, просыпающимся от кошмара. Тут он как будто что-то вспомнил, что-то увидел, кошмар, который выдул из его черепа все нейроны.

– Боже, Этан... фракторы...

Кружа пальцем по влажным следам от стаканов на испи-
санном столе, Этан Ринг кивнул.

– Когда я его нашел, то кое-что успел увидеть. Такое впе-
чатление, что кто-то треснул меня кирпичом по затылку. Я
потом еще несколько дней не мог ни ходить, ни как следу-
ет видеть. Бог знает сколько времени он сам на это смотрел.
Лука, я забрал диск. Не мог допустить, чтобы его нашли.

– Избавься от него, Этан! Брось его в реку, засунь в му-
сорный контейнер, сожги. Избавься от него! То, что я повто-
рю тебе трижды, истинно. Это смерть, Этан. – Она взяла ла-
донями его лицо, потом вдруг стукнула по щеке. Мужики в
костюмах оглянулись, издавая животное фырканье.

– Прости...

– Не извиняйся. – Она снова его ударила. – Сделай это,
иначе ты меня больше не увидишь.

Этану показалось, что она никогда еще не была такой пре-
красной, как к концу этого второго удара.

Два дня диск таился в университетской папке на расклад-
ном столе в его крошечной кухне. К вечеру второго дня, при-
мерно в час начала «мыльных опер» по телевизору, она ему
позвонила:

– Ты уже сделал?..

– Пока нет, Лука. Я все еще думаю... Она повесила труб-
ку.

Еще два дня диск лежал на его университетской папке

на раскладном столике в крошечной кухне. И он все время вползал на периферию его поля зрения. Когда в сериале «Корнейшн-стрит» началась реклама, она снова ему позвонила:

– Ну, что, сделал?

– Я собираюсь, завтра... Обещаю тебе... Она повесила трубку.

Следующие два дня диск торчал в рюкзаке с парой туристских ботинок и засунутыми в них носками, а Этан в это время пребывал в непрерывных сомнениях. В один из таких моментов, на пороге Великого Выбора, она опять позвонила:

– Ну?

– Лука, это не так просто...

– Это просто, как «да» и «нет», Этан.

– Лука... Пип-пип-пип...

– Лука!

Он взял рюкзак и отправился на автобус, на поезд, на биотакси, к дверям Девятнадцатого Дома, к своим ком-биматерям.

– Это Лука, – сказала королева сэндвичей, недавно потерявшая франшизу.

– Наверняка она от него забеременела, – вмешалась бывшая дилерша фьючеров, предвкусывая, что в сообществе появятся новые малыши.

– У него проблемы с копами, – высказала свое мнение ювелирша.

– Дело в наркотиках, – заявила телеком-дизайнер евро-

пейских сельскохозяйственных журналов.

– Сейчас никого за наркотики не преследуют, – возразил Никки Ринг.

– Ну, так что? – спросили все хором.

– Со мной все нормально, – отозвался Этан Ринг. Услышав такую фразу, любая мать сразу поймет, если это ложь. – Мне нужно время кое-что обдумать.

Время вышло в четыре часа двадцать три минуты утра в темном конце пляжа, куда не доставал свет прожекторов и свечение вновь отстроенного эллинга. Бредя с рюкзаком за плечами, Этан встретил человека, трусившего в странном костюме из эластомера.

– Доброе утро, – сказал Этан. Человек в странном спортивном костюме бросился наутек. Он положил диск Маркуса у самого уреза воды, где волны намыли грязноватые разводы пены, кучки обломков полистирола и водорослей, полил его растворителем и оторвал спичку от книжечки с эмблемой сомнительного греческого ресторана. Небо прочертил метеор.

– Черт подери!

Он зашвырнул спички вместе со всеми воспоминаниями о сувлаки и сальмонеллезе вслед меркнувшему метеору. Рюкзак тяжело оттягивал ему плечо, а он шагал по мягкому песку к ближайшему городу рассказать Луке Касиприадин, что он сделал.

Неделей позже Лука подала заявление о переводе в Школу изящных искусств города Парижа и съехала из квартиры над

Этаном Рингом, не оставив нового адреса.

За десять лет запах растворителя выветрился из ящика с демонами. Подобным же образом потускнели убеждения и догмы тех лет. Анализируя прошлое с точки зрения гейзенбергианской перспективы моих тридцати лет, я понимаю, что тот Этан Ринг, который брел по темному пляжу под весенним звездопадом, безусловно, имел какую-то важную причину, не позволившую ему уничтожить Сефирот-диск. Но теперь я ее не помню.

Я обнаруживаю заляпанного Дорожного Волка, принадлежащего моему другу, у стены общественной телеком-кабины в Двадцать шестом храме. Стучу по пластику, чтобы он знал, что я прибыл. В тот же миг он прекращает разговор и вешает трубку. По-английски... Я слышал, что он говорил по-английски. Замечаю, что на инструкции для пользователя накорябан номер, безобразные каракули выдают почерк моего актера кабуки. Код Йаватахамы.

– Кому звонил? – спрашиваю я. Лживо невинная интонация.

– Другу. Не виделись несколько лет, – отвечает он. Лживая прямота. И мы, два лжеца, направляемся в храм молиться о благодати из рук Кобо Дайцы. Вооруженные и защищенные бронезилетами полицейские, которые проверяют документы перед Синто-симулятором, провожают нас долгими, тяжелыми взглядами, пока мы идем сквозь толпу и поднимаемся по пологим ступеням в зал.

Буду. На их куртках и шлемах все тот же орел с молниями эмблемы «Тоса Секьюрити Корпорейшн».

Они явились за ним, когда джаз-банда в перестроенной церкви, где по четвергам проходили дискотеки, как раз исполняла заключительную композицию. Потеряв Луку, Этан Ринг превратился в завсегдатая курсовых вечеринок, окупившись в них с отчаянием человека, который видит, как вокруг него смыкается ловушка собственной его ограниченности.

– Почему она не хочет вернуться ко мне? – откровенничал он с Кирсти-Ли, курсовой шлюхой, которая обнимала его за талию своими затянутыми в розовую лайкру бедрами, а нежным язычком исследовала ухо лишь потому, что где-нибудь когда-нибудь его, может быть, придется использовать для Деловых Целей.

Они вломились одновременно в обе двери и пожарный выход. Что там такое? Что случилось? Что? Что? Стулья, столы, бутылки – все покатило. Группа вырывает штепсель из розеток и устремляется за кулисы. Лука! Но при чем здесь Лука... Это хряк-полицейский распинает его на стене с постерами легендарных групп из блистательных 1970-х, раздвигает ему ноги, шарит в карманах. «Что за?..» Рука выныривает кое с чем, зажатым между пальцами, кое с чем, выглядящим как пластиковый пакетик Ziploc, с кое-чем, выглядящим в точности как мра-морно-красные таблетки в форме крылатых головок херувимов.

– Ну и что это такое, парень?

– Это вы сами туда их засунули, – оторопело и недоверчиво бормочет Этан. – Это вы, суки!

– Придержите язык, сэр, – говорит хряк-полицейский и прыскает в лицо Этану галлюциногенным аэрозолем. Столы... стулья... бутылки... однокурсники... ребята из оркестра... все плывет... И Кирсти-Ли как распахнутые крылья ангелов...

* * *

Туалет. Это задача номер один. В полу имеется металлическая щель.

Граффити. Это задача номер два. Тут все исписано на языке, где сплошные удвоенные гласные. Что-то германское?

Еда. Это задача номер три. Еда оказалась изысканной. Была даже бутылка пива, которого никогда не осилил бы студенческий бюджет.

– О господи! Я в Бельгии, – прохрипел он, и его вырвало в металлическую щель в полу. Когда исчезли последние следы галлюциногена, они явились и отвели его в камеру с резиновым полом к женщине в красных очках и с множеством колец на пальцах, которые она постоянно вертела и крутила. По тому, как она подняла голову в его сторону, когда он сел в удобное кресло, Этан понял, что она слепая.

– Гент – приехали, дружок, – проговорила она в свободной разговорной манере на том английском, в котором слышится намек, что это не родной язык говорящего.

– Гент, – повторил Этан Ринг. – И что в Генте?

– Секретариат по безопасности Европейского сообщества.

– Не слишком ли это круто для облавы на наркоманов?

Слепая женщина улыбнулась и вынула из ящика стола компьютерный диск мега-плотности. От него слабо, но отчетливо пахло растворителем.

– Дерьмо! – В голове, словно элементарные частицы, замесались мысли. – Вы вломились в мою квартиру! В мой дом...

– Он попал под нашу юрисдикцию, когда полиция восстановила данные с жесткого диска, с которым работал ваш друг перед... э... несчастным случаем? Полицейский эксперт уже вышел из палаты интенсивной терапии, но сможет ли он когда-нибудь полностью восстановить свои двигательные функции – вопрос сомнительный.

Ночной кошмар. Некто продал ему что-то в мужском туалете, и сейчас он проснется на полу в своем или чужом доме с разламывающейся головой...

– Должна сказать, что вы меня слегка разочаровали, мистер Ринг. Я ожидала большего от изобретателя этих...

– Фракторов. Мадам, кто вы такая?

Слепая женщина улыбнулась скупой улыбкой человека, который не знает, как много отразится на его лице.

– Мы представляем Отдел исследований и разработок Секретариата по безопасности Европейского сообщества. Наше поле деятельности – психотехника.

– Фракторы.

– Именно, мистер Ринг. Из записных книжек господина Кранича мы знаем, что на этом диске существует более сотни фракторов, как вы их называете. Это – психогенное оружие такой мощности и такого уровня, что наши текущие проекты выглядят не изощреннее масок для Хеллоуина или мелкой брани на улицах.

– Вы обыскали комнату Маркуса? Вы рылись в его вещах?

– Мистер Ринг, работая с нами, вам придется стать чуть менее щепетильным.

– Что-то я не помню, что нанимался на работу.

– У вас невелик выбор: или – или. В первом случае вы возвращаетесь в университет. Оканчиваете курс. Получаете диплом. Сохраняете компьютер. Сохраняете программу с фракторами. У вас остались пароли. Сохраните их. Мы предоставим вам работу в Европейском PR-бюро, платим вам, оберегаем и защищаем вас. За это вы должны будете применять фракторы, когда нам потребуется. Не часто. Может быть, никогда. Второй вариант таков. Попробуйте спрятаться от белых американцев, левых пацифистов, панисламистов, ну и прочих в том же духе. Честно говоря, я не думаю, чтобы они стали тратить время на подобную дискуссию. Скажите мне, как долго, на ваш взгляд, вы способны

смотреть, как вашу девушку – как ее там? – Лука Касиприадин? – это что, армянское имя или грузинское? – как долго вы способны смотреть, как ее насилуют псы? Два часа? Четыре часа? Может быть, восемь? А когда они получают, что хотят, вы, я думаю, обнаружите, что они тотчас забудут обо всех джентльменских соглашениях, которые с вами заключили. Пуля в левый глаз – это текущая практика – *modus d'emploi* – Корпораций охраны PRCPS.

– Вы не запугаете меня, – произнес он слова, вечно используемые теми, кто очень, очень напуган.

Слепая женщина положила на стол рядом с сефирот-диском сотовый телефон.

– Позвоните ей. Луке Касиприадин. Сейчас время завтрака. Она ведь не любит рано вставать. Я не представляю, почему она каждое утро давится своей кашей, хотя в кафетерии Школы пекут чудесные круассаны. Наверное, скрашивает ее калифорнийскими цукатами. Код из Гента в Париж – 00 33 1.

– Чтоб ты пропала, стерва, проклятая перетраханная стерва!

– Можете проверить, мистер Ринг, так сказать, добро пожаловать. Вы примете наше предложение сейчас или желаете подумать?

– А что толку?

– Позвольте считать это согласием?

– Позволяю.

– Я рада, мистер Ринг. Видите ли, на ручке моего кресла есть кнопочка, мне совсем не хотелось бы ею воспользоваться. Я немного... отклонилась от истины. На самом деле мы не могли позволить вам выбрать второй вариант и отправиться в лапы янки или исламистов. Обращенная к вам сторона стола скрывает гильотину, действующую на сжатом газе – очень острую. – Она встала с места и обошла стол. Ее пальцы прошли по его бедрам, паучьими лапками пробежали выше пупка. – Она разрубила бы вас точно надвое. – Пальцы постучали по черной джинсовой рубашке, все еще пахнувшей пивом, сигаретным дымом и чужими духами. – Примерно здесь. Тук-тук.

Если бы паломничество совершал Этан Ринг, он мог бы заметить, что жизнь – тоже паломничество по замкнутому кругу из небытия в небытие. Из нулевого храма вселенской пустоты вверх по крутому подъему обстоятельств и закона Мерфи к горным вершинам самореализации, потом вниз по длинному легкому спуску, когда слабые души могут расслабиться и больше не тащить вверх неподъемную махину жизни по ухабам истории из темных морских пещер первичной праматерии, полных океанскими звуками смерти, к шести-полосным шоссе́йным дорогам с мчащимися по ним доисторическими бегемотами.

Странно: чем больше я пытаюсь восстановить жизнь Этана Ринга, тем меньше нахожу в нем того, что могу отыскать в себе. Благодаря милости Кобо Дайцы я теперь не вывожу

абсолютных истин из частных, как делал когда-то он сам, пытаясь найти себе оправдание. Мораль, извлеченная мною, говорит, что голова Будды так же надежно может покоиться среди звездочек двадцатичетырехскоростного велосипеда, как и в лице Кокуцо, высеченном в плоти живого дерева, и что храмы истинного, настоящего, пылающего бытия так редки и малочисленны, что мы должны всецело полагаться на мгновения просветления, мелькающие в нашей жизни.

Длинный тяжелый спуск к южному побережью Мурото. Между Западным храмом и городом Коси только четыре храма. Для размышлений о Будде зубчатой передачи было бы больше времени, не пролегай наш путь вдоль главной дороги этой провинции. Висящее прямо над головой облако сыплет мелким, настырным дождем; с грохотом несущиеся грузовики и трейлеры разбрызгивают маслянистую жижу, которая облепила нас липкой пленкой. В бангаи, устроенном на сиропозаправочной станции, из рук хозяина мы получаем сеттаи в виде горячего чая и мандаринов. Краткое благословение. И снова – противотуманные маски, ветровки; шлем на голову и вперед!

Когда мы наконец видим рельефный указатель на приземистом столбике в сторону грязной тропинки, нырнувшей в заросли ольхи и березы, он кажется нам не менее чудесным, чем явление самого святого. Счастливые, мы сворачиваем с дороги и изо всех сил давим на педали среди березняка.

Тропа хенро приводит нас к роскошному, будто потеряв-

шемуся во времени, сельскому пейзажу. Мы проезжаем деревни с крытыми соломой домами вдоль узеньких дамб между залитыми водою чеками, где измазанные грязью роботы трудятся над урожаем высоких' гибких побегов – тростника для татами. Мас все объясняет. Глупо, конечно, но я чувствую себя героем нелепого вестерна. И хотя мой пластиковый дождевик набрасывает на меня некий флер безымянности, это ощущение приходит не из-за какой-либо перемены во мне самом, но благодаря окружающим меня декорациям. Такое всепроникающее, но и такое неуловимое, что я успеваю проехать несколько километров прежде, чем умудряюсь его определить. На каждом доме. На каждом магазине. На каждом автомобиле, роботе, биогазовой фабрике, ветряном двигателе, столбе, указателе – везде эмблема орла и молний: охраняется «Тоса Секьюрити Инкорпорейтед».

– Словно кадр из фильма Куросавы, – замечает Мас, двигаясь рядом со мной. Встревоженные, мы налегаем на педали, а слабенький дождь превращается меж тем в настоящий ливень.

Пытаясь открыть нам глаза на мир за пределами печатных гарнитур и рекламных логотипов, мандарины и власти-тели факультета графических коммуникаций постановили, что мы должны каждую неделю посещать лекции большей частью по темам, на которых в данный момент бзик у кого-нибудь из преподавательского состава.

Из всех мне запомнился только Джейк Бирн, куратор кур-

са, который внушал нам свою безумную/ крайне правую/ расистскую/ ксенофобствующую теорию социальной инерции. Вот ее сокращенная версия, годится хоть в Reader's Digest. Национальные признаки берут свое начало буквально в костном мозге, они такое же его свойство, как цвет – для глаз и/или волос. Отсюда следствие: японское общество агонизирует, аркологии горят, европейские и/или исламские гробокопатели процветают, почтенный торговец отбрасывает свой деловой костюм, и на свет появляется меч/ доспехи/ шлем, ожидавшие своего часа на чердаке. Привет, пацаны, это последний ремейк «Призрачного воина» Кагемуши. Если Масахико больше не узнает Японию своего детства в этой Японии его тридцати с небольшим, то, видимо, не следует удивляться, что такая вот процветающая буколическая местность превратилась в ленное владение неофеодалов из частной охранной компании.

Я чувствую, что нахожусь весьма далеко от Утвержденных Туристских Маршрутов.

Надпись сообщает нам, что святилище существует триста двадцать восемь лет, и дает понять, что оно будет стоять здесь и тогда, когда неуместная современная зелень частного поля для гольфа, перекрывающего тропу хенро, снова вернется в свое природное, естественное состояние. А сторож его еще новее и еще более преходящ, чем даже поле для гольфа. Мас останавливается, присаживается на корточки, замороженный непотребным зрелищем. От его плаща разлетаются

ся целые водопады брызг. Мелкие плотоядные животные выгрызли губы, щеки, глаза, от ушей остались крошечные обглоданные хрящи. Там, где была татуировка, кожа сохранилась, видимо, благодаря какому-то консервирующему свойству чернил. Пластиковый шлем оказался недоступен воздействию ни стихии, ни животных; пластиковая идентификационная карточка – тоже, она прячется среди юного изобилия колокольчиков, аконита и дикого чеснока. На краю поля для гольфа голова акира смотрит слепыми глазницами на клетчатые брюки, сумки с клюшками и тележки на биотяге. Интересно, аплодируют ли младшие бухгалтеры и менеджеры по продажам под своими фирменными зонтиками – голфу слишком важная вещь, чтобы пренебречь ею из-за капризов погоды, – когда господин председатель наносит лихой удар прямо в центр поля, и смущает ли их варварское зрелище всего в сотне метров от тринадцатой лунки? Каковы Приемлемые Уровни чередования признаков Древности и Прогресса?

Среди мокрых весенних цветов Мас нашел пластиковую визитку делопроизводителя. На ее лицевой стороне рельефное изображение все того же вездесущего орла-громовержца «Тоса Секьюрити».

– Господи, Мас! Брось ее! – Глупый, глупый пилигрим... Не видит знамения...

Нам всего-то нужно пройти несколько сот метров по полю, потом по дорожке и газону у тринадцатой лунки – отсю-

да даже виден каменный столбик на краю лесистого участка, а тропа хенро ныряет именно туда, – однако среди тележек для сумок, хаотично движущихся по травяному покрытию, находится бело-голубой багги с эмблемой орла-громовержца ToSec. С нашей позиции на краю поля просматриваются угловатости защитного панциря под адидасовским спортивным костюмом. Я что-то с трудом представляю себе боевика, который отрывает голову вторгшемуся сюда акира и при этом приветливо принимает двух хенро, оставляющих следы грязных шин на ухоженном газоне у тринадцатой лунки.

Тупик. Вперед мы идти не можем, а назад не хотим, не плестись же снова все двадцать километров по землям Клинт Иствуд до утвержденной туристской тропы. Следовательно, мы идем в обход. Поля для гольфа только кажутся бесконечными. Метров сто в обратную сторону, вот опять святилище – и мы находим тропинку, едва заметную – просто чуть-чуть притоптанная трава, – которая как будто ведет в нужном направлении. Тропинка, извиваясь и без конца поворачивая среди бурно разросшейся зелени, ожидающей летнего тепла и благополучия, утыкается в огромную плантацию сахарного тростника. Дождь лупит по растениям, которые представляются сейчас почти врагами: мы понятия не имеем, куда идем, однако полагаем, что любая тропа должна иметь свое назначение. Минут через десять – так себе плантация, ведь это же монокультура! – мы натыкаемся на дорогу и выбираемся наконец из тростника, от которого у меня уже началась

клаустрофобия. А вот и сам фермер, стоит в кузовке пикапа и занимается окультуриванием своих посадок.

Ощущая и моральную, и юридическую вину за вторжение в частные владения, мы спешим пройти прежде, чем он успеет возразить. Заслышав окрик, я оборачиваюсь. Фермер машет рукой, зажав что-то в ладони, с такого расстояния подробностей мне не видно, но предмет явно имеет какой-то электронный блеск. Что он кричит? Собаки? Какие собаки?

Тем не менее мы прибавляем ходу, велосипеды трясутся, набирая скорость. Я снова оборачиваюсь, всего на мгновение. Фермер уже забрался в свой «ниссан» и несется следом за нами. Я кричу Масу, но он и сам все увидел. Выставив ногу, он тормозит и под углом в девяносто градусов сворачивает в узкую межу, где не пройдет никакой пикап. Собаки?

Нечто. Осколки движения. Бессвязные чередования света и тени среди упорядоченной массы сахарного тростника высотой в человеческий рост. Мелькание, мельтешение, высверки. Думаю, их больше пяти, но меньше двадцати. И это не люди. Слишком низкорослые, слишком быстрые и слишком неутомимые, нет, это не люди. Мас тоже ощутил их присутствие. Мы переглянулись и дружно включили самую высокую скорость. Охотники в тростнике без колебаний кинулись за нами. Я услышал, как Мас выругался, и опять оглянулся. Собаки. Охотничья свора из десяти собак, и она приближается. Опухоловидные пузыри биопроцессорных имплантатов поблескивают на их черепах. И у каждой

на груди аэрозольной краской нанесен логотип «Тоса Секы-орити».

А блестящий предмет, который я заметил в руке у фермера, это блок дистанционного управления.

В тот раз в Маракеше Лука водила меня на собачьи бои. В белом потоке света киловаттных ламп мы смотрели, как мощные псы кидаются друг на друга, грызут, рвут в клочья, заливая передние ряды алой артериальной кровью. Мы видели, как они умирали на пропитанном кровью песке и все равно продолжали рвать друг друга, даже в смерти поработанные командами, идущими от пультов их вопящих, потеющих возбужденных хозяев.

Вот только на этот раз фермер не угрожал нам, он хотел предостеречь. Мас внезапно тормозит и поворачивается, я почти сшибаю его с ног. Впереди, метров за сто, мы видим вторую свору, которая несется к нам с элегантной, струящейся неумолимостью.

У меня всего несколько секунд. Несколько секунд...

– Закрой глаза, – кричу я Масу, а они уже здесь. Вожак прыгает, я встречаю его обнаженной левой рукой. Он взвизгивает, изгибается и отлетает в тростник со сломанной шеей.

Если правая длань – это истина, то что есть левая?

Ответ: разрушение. Кетер: Небытие, Уничтожение, фрактор шока. Любой разум, животный, человеческий, искусственный, любое существо, имеющее глаза, увидев его, погибнет.

Я направляю левую руку в разные стороны, и собаки спотыкаются, судорожно дергаются и валятся на землю. Они яростны и неотступны, но этого мало, мало для врага, который нападает через твое собственное зрение. Пять, десять, пятнадцать, двадцать. За двадцать же секунд. Тростниковое поле усыпано перекрученными тушами, дергающимися в окровавленной грязи. Проскользнув между стеблями, я иду от одной собаки к другой, проводя левой рукой перед каждой мордой, пока судороги не прекращаются. Милосердие. Сбоку, в канаве слабо бьет обрубок хвоста еще один пес; глаза смотрят жалобно, по-щенячьи, в них совсем не осталось нечистого огня искусственной ярости. Я чувствую ладонью его теплое дыхание. – Ну, тихо, тихо, уже все, все, – шепчу я и прижимаю левую руку к его глазам. Он судорожно дергается. Только один раз.

Фермер, выращивающий сахарный тростник, пусть даже очень богатый, не в состоянии владеть двадцатью киберпсами. Он может оплачивать их повременно, иметь пульт управления, это – да, но реальные владельцы, настоящие хозяева – не здесь. И уж они не станут смотреть сквозь пальцы на то, что случилось с их собственностью. И на нас тоже. Интересно, почему фермер, который пытался предупредить нас о собаках, не остановил их дистанционным пультом? Скорее всего кто-то, стоящий над ним, перехватил управление, кто-то, точно знающий (или знающая), что он ищет.

Мас сидит на корточках, закрыв лицо руками – не дай бог

увидеть зло! – и вздрагивает, когда я касаюсь его плеча.

– Все кончилось, Мас. Пошли.

Мне страшно хочется, чтобы эта вотчина орла-громовержца и то зло, на которое он меня толкнул, оказались как можно дальше. Ладони, вцепившиеся в толстые, обитые мягким пластиком рукоятки, горят, словно от свежего ожога. Все мастера тайных искусств согласны в одном: использование и применение своей власти приносит страшную, искусительную радость. Раньше, когда я пользовался своей силой, возникало именно это сладкое чувство. Я ощущал себя Богом, ничто на Земле не могло мне противостоять. Однако мастера никогда не говорили, что за это восхитительное чувство придется платить, ибо на все есть своя цена, и эта цена – боль. Может быть, эмоциональная; может быть, духовная; может быть, физическая. Но всегда боль. И она вас обязательно найдет. Ее нельзя умолить, откупиться, отмахнуться от нее.

Впервые мы, я и боль, встретились в огромной комнате с высокими потолками и без окон. В таких комнатах гуляет эхо, там отличный резонанс, а двери скользят по пазам у вас за спиной, сливаясь со стенами так, словно их и не было. Серая комната, вся серая. Кресло – серое, бошевский промышленный робот – серый. Единственное цветное пятно – препараты в пластиковых трубочках. Над ними торчат иглы.

– Будет больно? – спрашивает слепая женщина в красных очках, привязывая мои руки к подлокотникам серого кресла

и разгибая пальцы: один, два, три, четыре, потом большой – пятый – и тоже приматывает к ручкам.

– Очень больно, – отвечаю я.

Женщина вставляет диск в робота и закрывает за собой дверь. Видно, она относится к тому специфическому типу трусов, которые не могут вынести зрелища мук другого человека.

Физическая боль была лишь малой толикой. Боль истинная возникла от ощущения вторжения, когда поблескивающие иглы впились в ладони моих рук и цветное содержимое пластиковых флаконов устремилось по кровотоку вдоль нервных волокон, запечатлевая мою внутреннюю структуру, как портрет мог бы запечатлеть внешнюю. У Кафки есть длинный и кошмарный рассказ о машине для казней, которая иглами записывала преступления человека в его плоти. Но это – прошлые преступления, а как быть с теми, которые еще только предстоит совершить? Может ли наказание предшествовать преступлению? Если и была точка, в которой фокусируются долгая смерть и возрождение Этана Ринга, то она на кончиках этих пяти игл.

Боже, как жжет! Руки горят так сильно, что я боюсь на них взглянуть. Хочется остановиться. Хочется выть.

Хочется сунуть их в глубокую, холодную воду. Вина. Жжение. Жар. Жар – это энергия, энергия, которой я могу воспользоваться, чтобы крутить педали, крутить педали, крутить педали и оказаться наконец где-нибудь за предела-

ми этого чувства вины. Крути педали. Крути педали. Иначе эти существа, которых ты запер в другой жизни, вломаются в тебя. В него. В меня. В него.

Сьюзи Мэгги Аннетт. Шесть лет и три четверти, Направляется через океан на Запад с матерью. Та, похоже, летит, чтобы примириться с супругом. Большую часть полета над половинкой планеты девочка рассматривает новое пластиковое гнездо размером в полтора сантиметра за правым ухом у Этана Ринга. Да и трудно на него не смотреть: ярко-красную кожу шрама окружает голый участок черепа – они выбрили ему полголовы, чтобы вставить это гнездо.

– Гляди, гляди, гляди, мам, у этого дяди в голове дырка! – говорит Сьюзи Мэгги Аннетт, не в состоянии больше сдерживаться, но в ответ получает совет не совать нос в чужие дела и скорее засыпать. Когда ему наконец кажется, что они заснули, он вынимает микрочип, вставляет его в гнездо и узнает, что агентурная сеть Европейско-тихоокеанского бюро разоблачила панисламистского крота и теперь его посылают выяснить, как много тот знает, и это знание изъять. Разумеется, он не предполагал, что Сьюзи Мэгги Аннетт окажется скверной маленькой девочкой и сквозь опущенные ресницы станет наблюдать за отвратительным, но таким захватывающим зрелищем: человек с червяком в голове!

Они держали агента в одном из последних деревянных домов на побережье Бэрбэри-кост, который пережил расовые войны. Голый человек был накрепко привязан коричневым

скотчем (Этану Рингу это показалось немного чрезмерным) к поразительно красивому шейкеровскому стулу. Сам человек тоже был поразительно красив.

– Оставьте нас, – бросил Этан Ринг, почесывая шелушащуюся кожу вокруг имплантата. Он показал агенту правую руку и произнес:

– Рассказывай свои секреты.

Пока человек, привязанный к шейкеровскому стулу, таторил, сообщая имена, адреса, информаторов и даты терактов на пленку микромагнитофона, Этан Ринг распечатал фактор Хохмах и спрятал его в ладони левой руки, не снимая перчатки.

– Забудь все это, – проговорил он, раскрывая ладонь. И тот забыл.

– Сделано, – сообщил он остальным, вручая микрокассету.

– Прекрасно, – сказали ему. – А теперь делай остальное. Уничтожь все.

– Все? – удивился он.

– Все. Мы хотим, чтобы они нас боялись. Тряслись от ужаса перед нами.

И он вернулся к обнаженному пленнику, изъясил из его памяти все числа и номера, которые могли бы его идентифицировать: водительского удостоверения, паспорта, страхового свидетельства, банковского счета, кредитных карт, электронной почты, название улицы и номер дома, код замка,

личный идентификационный номер. Все ушло.

Его друзья. Ушло.

Его любовницы. Ушло.

Его враги. Ушло.

Его братья, его сестры, его тетки и дядья, кузены, отец, мать. Все ушло.

На следующий день Этан Ринг пришел снова и счистил последние десять лет его жизни, как апельсиновую корку. Годы в университете. Рассвет на мысе Забрисский. Соревнования в университетском бассейне. Тихий вечер на траве в парке. Ощущение адреналина в крови на вершине собора. Пьяная прогулка под дождем в Париже. Танцы в снегу в Новый год. Все ушло.

Тинейджерские годы, школьные страхи и прыщи, потеря девственности. Ушло.

Головокружительное осознание всех несообразностей взрослой жизни. Ушло.

Детство, пренатальный период, ливень воспоминаний, впечатлений, ощущений, о которых человек даже и сам не подозревает. Ушло.

На третий день Этан Ринг забрал все, что знал этот человек; Как водить машину. Как говорить по-испански. Как приготовить омлет, как ездить на велосипеде. Название двенадцати ближайших к Земле звезд. Ушло. Слова песен старины Элвиса Костелло. Ушло. Карта дорог между штатами и расписание северо-западного тихоокеанского пароходства.

Ушло. Уолт Уитмен. Эмили Диккенсон. Квинтет «Треска».
Ушло. История. География. Физика. Химия. Биология. Ис-
кусство. Музыка. Ушло. Арифметика – чтение – письмо.
Ушло.

Осталось только одно.

– Назовите свое имя.

– Титус Виттер. Меня зовут Титус Виттер, – ответил голый
человек, накрепко примотанный к деревянному шейкеров-
скому стулу. – Прошу вас, только не это, оставьте мне имя...

Ушло.

– Теперь он ваш, – сказал Этан Ринг, сел в наемный авто-
мобиль и хотел вернуться в отель, но попал в растянувшуюся
на двенадцать кварталов пробку, возникшую из-за того,
что миссис Марта Радецки, шестидесяти восьми лет, сама
того не ведая, возникла на пути биоэнергетического фургона
Bagels'R'Us. Иначе он непременно бы проехал мимо галереи
Пендеретски, не заметив, что там в этот самый вечер празд-
нуют торжественное галаоткрытие новой работы под назва-
нием «Фантазия» очень, очень, очень популярного нового
таланта – Луки Касиприадин.

Ему казалось, что в костюме он выглядит как парход-
ный шулер, но тот торговец в пункте проката уверял, что это
«просто шик, очень стильно и так к лицу!». Она узнала его
из дальнего конца набитого гостями зала – да и как не узнать
эти ярко-рыжие волосы, еще более заметные оттого, что по-
ловина черепа оказалась обрита. Узнала и кинулась сквозь

дебри друзей-гостей-богеми-пьяни-и-наркоты.

– Ты выглядишь как пароходный шулер. – Ее ладонь скользнула по желвакам его челюсти.

– Ты выглядишь как мечта, обретенная в канаве за час до рассвета, накачанная, наколотая и мертвая. – Его пальцы пробежали по колючей стерне вокруг хохолка ее черных волос.

– Люблю, когда ты хамишь, – отозвалась она, протаскивая его сквозь плотную завесу коктейльных стаканов, блеска губной помады и сияния бриллиантов от Картье. Ее пальцы ласково обвели отверстие в его черепе. – Должно быть, твои боссы тебя ценят, раз решились оснастить такой штукой. Идем. Хочу кое-что тебе показать. Предварительный показ грядущих аттракционов. Только для тебя. – Снаружи, на пожарной лестнице ощущалась легкая морось. Она перемахнула через перила, нырнула в неоновые тени аллеи, изогнулась, как кошка, и ловко приземлилась на ноги. Сунула в рот два пальца и по-разбойничьи засвистела: – Йо-хо-хо! Не дрейфь! Давай сюда!

Какая-то возня в полумраке, звяканье, жужжание, отблеск света на полированной поверхности, и в аллее, покачиваясь на консольных конечностях и сверкая дождевыми каплями на желтом блестящем корпусе, показался высокоточный промышленный робот Дорнье. Лука положила руку в черной перчатке на изогнутый пластиковый корпус.

– Лови! – крикнула она и бросила ему какой-то черный

предмет. Хлопок безупречно чистых перчаток – вот оно! Микрочип, двадцатая модель Olivetti/IBM.

– Разницу между этой штуковиной – новым биопроцессором и старомодной нон-инвазивной ерундой надо сначала попробовать, иначе не поверишь, – сказала она. – Очевидно, тебя послал Бог. Подумать только, Этан Ринг в Сан-Франциско с сияющей новой дыркой в голове! Ты получишь широкоформатный вариант в люксовом исполнении. Но предупреждаю, не дай себя обдурить название?.. Это тебе не гребаный Уолт Дисней.

Это действительно оказался не гребаный Уолт Дисней.

– Они есть у всех, – объясняла Лука, скользя вдоль мокрых от дождя улиц среди сполохов неоновое море в лужах и над головой. Два странника в ночи – пароходный шулер и новая звезда. А сзади тащится робот. – Просто мы их боимся. Боимся, что если другие люди узнают, они подумают, что мы испорченные-дурные-извращенные или глупые-тупые-бессмысленные, тогда как их собственные головы, головы этих других людей устроены точно так же. Точно так же.

А вокруг особняки конца прошлого века и хромированные чудовища офисов извергали органическую лаву благоухающих сиренью цветов или вытягивались ввысь мощными деревьями, чьи стволы усеивало множество окон, а сами они подпирали ситцевые небеса. Шторы на окнах человеческих нор смотрели на мир мерзкими ухмылками демонов, каждый почтовый ящик выглядел словно вагина с дразнящим

раздвоенным язычком, а пасущиеся вокруг велорикши, эти буколические гибриды человека и машины, будто испуганные газели, кидались врассыпную от хищников-таксомоторов, кружащих наподобие акул.

– Компьютерное оборудование находится на борту у робота – это мой Оддjobb, мы связаны с ним в реальном времени через мегафлексный инфракрасный канал. Микрокамеры располагаются на головной повязке. Видишь, я далеко ушла от Умберто Бочиони.

Мост через Бухту выкорчевал из земли свои ноги (в ботинках) и отправился в пляс по Окленду, пока пятнадцатилетняя девочка нашептывала длинные, похожие на лабиринт мечтания в ухо Этана Ринга. Лука протащила его через ворота крытого рынка, превратившегося в изукрашенный идеограммами ряд зубов, в заглывающую неоновую утробу. Внутри освещенные биогазом киоски с подвесными лотками еды и курева стали вдруг пульсирующими органами некоего посткибернетического тела; шумные толпы, кричащие на дюжине различных юго-восточных диалектов, обернулись скопищами тромбоцитов, макрофагов и антител. А сверху звучал голос человека, описывающего фантастическое путешествие под геодезическими линиями собственной кожи. Этан Ринг закричал:

– Ты больная женщина, Лука Касиприадин!

– Но ведь это же не мои фантазии, – прокричала она в ответ. – Это мечта одного несчастного идиота, жертвы СПИ-

Да. Мечта о последнем путешествии доктора фармакологии и магистра искусств в собственное тело, чтобы излечить болезнь, которая теперь скорее всего уже спровадила его на тот свет. Понимаешь, они все живые! Реальные! Наберите 0898 FANTASY и после гудка оставьте все ваши самые темные мечты, самые яркие надежды, доверьте их Луке; абсолютная конфиденциальность гарантируется.

– Правда, ты разметываешь их над тремя городскими кварталами, и люди платят деньги, чтобы подсмотреть их сквозь маленькую дырочку у них в головах.

– Они все в курсе, что я собираюсь делать с их фантазиями. За три месяца работы открытой линии я получила пять тысяч звонков. Разбудила в населении прибрежной полосы глубокую потребность в признаниях. Ты думаешь, я сошла с ума – слышал бы ты кое-что из того, чем я не воспользовалась! Мне нравится думать, что некоторые из моих источников придут и посмотрят и поймут: их откровенность поможет другим несчастным, замученным депрессией идиотам.

– Даже для тебя это уж очень слабое оправдание.

– Но разве не справедливое?

Сморщенный, пронизанный неоном анус крытого рынка, словно фекалии, вываливает их вместе с желтым роботом Дорнье к подножию двадцатиэтажного здания Первого тихоокеанского банка, преображенного чьей-то большой фантазией в обнаженного двадцатилетнего юношу со сказочными мускулами и черными шелковистыми волосами. Пока голос

женщины пятидесяти с чем-то лет шепчет сладкую сексуальную ерунду под аккомпанемент реконструированной Джулии Эндрюс, исполняющей порнографическую версию «Любимых вещей»: («Голые черные моряки, кто вас связал плетями?»), провода срываются со своих мест, извиваясь, щелкают, как бичи, и узлом обматываются вокруг напрягшегося левиафана.

– Гребаный ад! – бормочет Этан Ринг, вспоминая человека в шейкеровском кресле в деревянном домике на окраине Сан-Франциско.

Вперед: сквозь Страну чудес, Диснейленды и маленькие Аркадии размером три на два квартала, сквозь небеса и адские муки, сквозь метель долларовых купюр, от которой пальмы пригибают друг к другу пушистые верхушки и слаженно напевают старые добрые песни, а соборы взлетают, как готические ракеты, в небо, где дефилируют дамы в стиле Джорджа Мелье, наряженные в костюмы комет и метеоров. Вперед, к залитой светом Койт Тауэр, в экстазе обратившейся в кромлех-гриб-фаллос Иеронима Босха среди танцующих нимф, летающих акул и по-гусиному ступающих журавлей, где она его поцеловала. Очень жестко. В губы. И просунула ему в рот язык.

– Я могла бы связать тебя веревкой, – отдышавшись, проговорила она и вытащила микрочип из отверстия в его черепе. И все... В легком облачке карамельного цвета пропали все сны, мечты, фантазии. – Этан, прости меня. Прости мне

все эти годы. Я просто трусиха. Я – как Будда. Мне нравится думать, что я живу в совершенном мире без боли и страданий, в искусственном мире искусства. Потом приходит первый болезненный сигнал, и я нажимаю клавишу «esc». Черт подери, даже для меня это очень слабое оправдание. О'кей, Этан Ринг, вот она я, если ты меня пожелаешь. – Она хлопнула по желтому панцирю Дорнье-робота. – Убирайся к чертям домой, Одджоб.

В тайском ресторане на сампане они ели что-то запеченное в фольге. На кебе-мопедe они проехали по старинному итальянскому кварталу, немного менее старому вьетнамскому, чуть более новому индонезийскому, новому северо-австралийскому и новейшему кварталу, где селился всякий сброд – белые выходцы из южных штатов, к мосту, где приказали водителю подождать, а это означало, что они не собираются дойти до половины и броситься в океан. Они пили бурбон в каком-то баре и напились, но несильно. Они вернулись в номер Этана на крыше гостиницы и насладились зрением евклидовой геометрии городских улиц, разрезанной мандельброцианской математикой залива.

– Наверно, здорово стоять у этого окна голышом... – говорила Лука, сидя на его кровати и возясь со своими ботинками. Этан выскользнул из пиджака пароходного шулера и парчового жилета и как раз расстегивал пуговицы на жемчужного цвета рубашке, когда она заметила:

– Дело пойдет быстрее, если снять перчатки. Пауза. Ши-

пастый кулак летит ему в грудь и вырывает сердце.

– Этан, что ты сделал со своими руками, Этан?

И он рассказал. Его голова гудела от белого рева, пока он рассказывал ей, что сделал со своими руками, с собою, с тем человеком в шейкеровском кресле. Он стоял у окна и смотрел, как прозрачные дирижабли с голограммами холодного газа, рекламирующими диетическую колу, «Фольксваген-G.M.», и пятнадцатый канал плывут над прекрасным городом, стоял, пока не услышал, что за спиной щелкнула и захлопнулась дверь.

Настоящий огонь, горящий у меня в глотке. Я кашляю, отплевываюсь, огонь устремляется в легкие. Я изрыгаю фонтан слюны, мокроты и огня.

– Все в порядке, Эт. Успокойся. – Еще одна волна жидкого огня у меня на губах, в глотке, в трахее. Отдаленные, одностолжные звуки. На японском. – Старое доброе виски, Эт. От шока.

Мас. Мой голос дребезжит, как старая трещотка. Я отгаликиваю стакан.

– Теперь ты в порядке. Супруги Танацаки сказали, мы можем побыть здесь, пока ты не сможешь двигаться дальше.

Шарю за своим правым ухом, пальцы натываются только на пластиковый диск пустого гнезда. Прикосновение уплотняет размытое цветовое поле вокруг меня, превращая его в предметы: прямоугольник света – это окно, наполненное белым небом; ромб вишневого и сиреневого цвета – неон-

вая буква, кружок в нижнем правом углу светящегося окна – этикета: «ОХРАНЯЕТСЯ КОМПАНИЕЙ «ТОСА СЕКЬЮРИТИ ИНКОРПОРЕЙТЕД»». Я пытаюсь подняться с постели; рука Маса на моей груди.

– Тихо, тихо, Эт. У тебя был настоящий шок.

– Мас...

– Ты упал с велосипеда. Ударился о колею. Ты несся, как... Как будто одержимый демонами. Чудо, что тростник не проткнул тебя насквозь.

Собаки. Поле сахарного тростника. Теперь я вспомнил. Молодая женщина – восемнадцать, около двадцати – входит с чайным подносом.

– Фермер положил тебя в кузов пикапа и доставил сюда. Тебя всего трясло. Как от удара. Или как при эпилепсии.

Таковы условия сделки. Вы используете его, оно использует вас, и с каждым разом все больше. Я беру чашку чая в ладони, вдыхаю его чистый, здоровый аромат.

– Я вызвал ее, Эт. Она наймет машину и к утру будет здесь. Она поможет тебе.

Она? Я хочу спросить: она? Но у моей постели появляется пожилая женщина и начинает приклеивать к акупунктурным точкам моего тела кусочки пластыря с успокоительными пилюлями. Она?

Библейские рассказы для буддистов. Добрый самаритянин нашел у дороги изможденного путника и привел его на постоялый двор. За триста двенадцать лет со вре-

мени, когда Руидзы Танацаки Первый узрел лик Дайцы, явившийся ему в чайных листьях на дне чашки, и открыл чайный домик для поддержания сил усталых хенро, множество поколений пристраивали, увеличивали и расширяли его, и теперь эта «танацакия» является великолепным образчиком мотеля-закусочной-гаража-сувенирной лавки-газозаправочной станции-аптеки-бани-парикмахер-ской-караоке-бара-борделя-дома свиданий, то есть истинным, настоящим вкладом в архитектуру придорожных строений. Его бы целиком, ничего не меняя, поместить в музей, вместе со всем пестрым, многоязычным семейством Танацаки – представителями десятого – двенадцатого поколений, для отрады и просвещения их будущих, наверняка менее совершенных потомков. Разыскивая Маса в послешоковом тумане среди закоулков, пристроек, тупичков и коридоров, я чувствую себя каким-то призрачным животным, покачивающимся в сюрреалистическом ковчеге на волнах истории. Я то и дело попадаю все в тот же бар, где группа коммивояжеров, сняв пиджаки, произносит бесконечные тосты во здравие друг друга и подтягивает модным песенкам включенного поп-канала. С каждым разом они выглядят чуть более пьяными и чуть больше фальшивят.

Столовая не освещена, если не считать неоновых сполохов над стойкой бара самообслуживания и свечения телеэкрана в углу, где Мас разговаривает с девушкой, которая приносила мне чай. Они здесь – единственные посетители.

Меламиновый пластик столешниц усыпан страницами комиксов и раздавленными банками из-под пива. Я чувствую себя нежелательной персоной, вторгшейся в самый неподходящий момент. Мас представляет девушку: Марико. Настоящая хозяйка, она вежливо кланяется и приносит из кладовой пиво, очень холодное и очень вкусное.

– Мас, сколько времени Лука уже здесь? Он предлагает мне чипсы из своего пакета.

– Она задержалась в Токио. Здесь она появилась позавчера. Мы встретили ее в Йаватахаме.

Я вдыхаю дым каньябариллос, чтобы чуть-чуть остудить голову, чтобы выскочить из сужающейся вокруг меня ловушки. Если ты, хенро, собираешься грешить, то уж грехи по крупному, чтобы милость оказалась сильнее.

– Значит, это с ней ты говорил по международному телефону, то-то ты выключал изображение.

По телевизору борцы сумо в молчании ломали друг друга в священной глине арены.

– Мы задумали это задолго до Первого храма. Еще когда вы встретились в Кейптауне и ты сказал ей, что серьезно подумываешь принять мое приглашение о паломничестве.

– Боже мой! Да тут целый заговор. Когда вы все это придумали? В постели с бутылочкой sake, разглядывая порнографические комиксы?

Мне приходилось познать глубины гнева, на которые способен Мас, однако внезапная вспышка этой сверхновой

устрашила и меня.

– Никогда, никогда, никогда не смей о ней так говорить! Никогда, слышишь, подонок! Мы встретились в Саппоро на Ледовом фестивале. Компания «Майер Ми-койан» поручила ей заказ на виртуальный аттракцион. Она считает, что паломничество может позволить тебе вырваться. Спасись, спаси свою душу.

– Ну, что ж. Аллилуйя! Честь ей и хвала, маленькой мисс Армия Спасения. Значит, ты про меня все знал с самого начала... И что, все это представление в Мурото предназначалось специально для меня?

Секунду я был уверен, абсолютно, абсолютно уверен, что если бы под рукой было что-нибудь хоть чуть-чуть более острое, чем палочка для риса, Мас воткнул бы мне его в глотку.

– Не знаю, что она в тебе нашла. Ты эгоистичное, неблагодарное, порочное и трусливое существо. Ты – как ребенок, Эт. Она не выдала ни одного твоего гребаного секрета. Ты сам это сделал. Тебе нельзя доверить даже безопасность твоей собственной страны. Она просто сказала, что у тебя беда. Страшная беда. И паломничество может дать тебе время, силы и пространство, чтобы вырваться из пут. И все. По некоторым причинам я согласился ей помочь. Она тебя любит. Кроме тебя она никогда никого не любила и не будет любить, а ты ее ранил. Ранил, ранишь сейчас и дальше будешь ранить.

– Боже мой, Мас!

Голоса в холле. Мистера Танацаки и кого-то еще. Громкие голоса, сильные. Опасные голоса. Я приподнимаюсь и оборачиваюсь в кресле, и тут они вламываются в дверь. Тяжелые. Мясистые. Акира. Их двое. Камуфляжные куртки тошнотворного неоновомого и черного полуночного цвета. Волосы зачесаны назад и сплетены в тощие сальные косички. На лицах маски, усеянные цифрами. Растерные линии сходятся на моем лице.

Я вскакиваю. Руки инстинктивно сжимаются в кулаки. Лазерный луч отмечает красные точки прицела у меня на лбу и в области сердца. Висящие в воздухе пылинки прочерчивают путь к его источнику – автоматическим пистолетам Fiuzzi.

– Ты. И ты. – Красная нить, танцует, смещается на переносицу Маса. – С нами.

Мистер Танацаки протестует, что-то кричит, пытается вырвать оружие из рук бандитов. Красный луч мечется по нишам со столиками, по полу и потолку, но тут акира с пугающей, явно химически усиленной мощью швыряет его об угол холодильника, бьет рукоятью пистолета, бьет, бьет, бьет... В холле визжат.

И тогда я открываю свою левую ладонь.

Кетер вдавликает акира, извивающегося, дрожащего, скрученного судорогой, в стену комнаты. В приступе бешенства я бросаюсь к нему. Единственное, что я ощущаю, что

знаю, – это гнев. Целые годы гнева горят в моих руках, сплетаются в белый раскаленный узел в правой ладони. Я представляю, как левая ладонь вдавливается в его глаза, и в душе возникает греховное ликование.

– Этан! Оставь его! – Мас. Второй акира направляет на меня прицельный луч лазера, я откатываюсь в сторону, потом ползу, держа наготове левую ладонь.

– Нет, Этан, не таким способом.

Нет. Не таким способом. Это способ Этана Ринга. Не твой. Мой способ. Моя ладонь открывается, как цветок лотоса. Правая ладонь.

– Брось оружие! – Голосу, в котором звучит абсолютная власть, не нужно кричать. Звяканье керамики и металла на досках пола. Лазерный луч чертит строгую красную прямую по отполированному дереву. – Сядь! На корточки. Руки на голову! Так и сиди, пока я не разрешу шевельнуться.

Он подчиняется. Хотел бы иначе, да не может. Камуфляжная куртка становится синей, как неоновый свет.

– Кто вас послал?

– Управляющий отделением Аки из «Тоса Секьюрити» по приказу шефа-директора по безопасности. Наша бригада работает по субконтракту.

Классическая тактика: разделяй, а потом используй своих врагов. Если даже акира служат и не считают такое позором, значит, эта земля значительно крепче зажата в твердом кулаке «Тоса Секьюрити», чем я думал. Здесь нельзя оставать-

ся, даже на час. Миссис Танацаки, Марико и старший сын, стоя на коленях, окружили мистера Танацаки. Очень много крови, и он не шевелится. Миссис Танацаки раскачивается туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда. На столе в холле есть телефон, и младший сын звонит.

– Нет! – кричу я. – Стой! – Его пальцы замирают над кнопками, потом решаются. – Смотри на меня, – приказываю я, подняв правую руку. В темноте холла его зрачки расширяются. – Остановись. – Трубка опускается на место.

– Я только хотел вызвать «скорую помощь», – объясняет он. Марико смотрит на меня с ненавистью.словно холодное железо ударяет мне в грудь. Фракторы Выздоровления и Спокойствия могли бы помочь мистеру Танацаки еще до нашего ухода, так что ничего страшного, если вызвать «скорую помощь», но Марико не приняла бы моего дара, и я все равно не могу потратить даже несколько минут, чтобы их напечатать.

Паломничество закончено. Разрушено. Оно было разрушено в тот миг, когда я впервые напечатал слова: что я повторю трижды, есть истина, – в той темной комнате на ферме миссис Морикава.

– Мас, надо уходить.

– Нет, Этан. – Отказ пронзает меня, словно пуля. – У нас всегда так: нагадили – и дальше, в путь, правда? Крутим педали, въезжаем в чужие жизни, выполняем свои трюки – и дальше, знай крути педали. А эти люди остаются. Все, что у

них есть, – здесь. Им некуда идти, если начнется заваруха. Ты пришел в их мир, в один вечер разрушил его, а наутро, когда сюда явятся сыщики из «Тоса Секьюрити» разобраться, что случилось с их акира, ты уже будешь стоять на коленях в каком-нибудь храме и молить Дайцы отпустить тебе грехи и просветить. Ты не понимаешь, вы, европейцы, не понимаете: здесь не существует высших принципов, нет неотъемлемых прав человека, к которым они могут взывать. Нет благородного западного представления о правде и справедливости, нет понятия невиновности, пока не доказана вина. Здесь закон – это «Тоса Секьюрити».

Пуля. Медленно убивающая пуля вгрызается в кости и плоть, впивается в самое сердце холодным, пронзительным пониманием, что та нерушимость закона и неподкупность его стражей, на котором зиждется наше общество, здесь в буквальном смысле не существует. Большую часть человеческой истории, и вот теперь, в эпоху увядания Западной Промышленной Демократии, – снова, закон был, и опять является, территорией силы.

Как-то раз мама Эмма – императрица сандвичей – показала мне, как ловить в бутылку землероек. Соблазняемые приманкой (такой жирной, такой вкусной), они сами лезли в ловушку – горлышко, а потом и дальше – в емкость (такую просторную, такую удобную). Вот только наевшись вдоволь «Вискас» из печени и почек, они с изумлением понимают, что не могут взобраться по гладкой и скользкой стенке к

горлышку. Попав в капкан, я считал себя свободным, но это была просто иллюзия – гладкие прозрачные стены. История. Моя собственная и история этих краев, по которым я скитаюсь в поисках озарения, тащат меня вперед, вверх, вниз, к неизбежной игре с демонами, из которой нет возвращения. Капкан. Мои кулаки колотят по меламиновой столешнице. – Мас, неужели ты не понимаешь, с этим необходимо покончить! Надо найти способ жить так, чтобы насилие не было решением любой проблемы. Я знаю, чего ты просишь. Но это жизнь. Это не фильм Куросавы. Это не анима. Я говорил об этом на черепашьем пляже и говорю опять. Я не какой-нибудь гребаный актер кабуки. Здесь нет грима и декораций, или что там вы еще используете... Мы живые, из крови и плоти, и мы умрем.

Я говорю и вижу семейство Танацаки, а за спиной у них, в холле, невидимые и дармовые постояльцы: мистер Морикава, убитый своей наивной верой в непоколебимость власти. Лишенные своей Токушимы, своей Японии, жертвы ложной веры в хаотических богов экономики, акира, дети, не продавшие себя врагам, потому что они все еще верят в мифическое, совершенное прошлое. Безымянная, изъеденная ветром голова на колу у придорожного святилища Косю. Возлюбленная Маса в наколенниках, налокотниках, в узеньких волейбольных шортах, убитая мечтой о Калифорнии. Другие. Сотни и тысячи других. Безымянные и безликие, пришедшие ниоткуда, выплачивающие налоги и взносы, и по-

шлины, и поборы, покупающие визы, лицензии и разрешения, те, кто мечтает лишь об одном: чтобы закон их защищал.

Я вижу: святой подает мне чашу искупления, шанс использовать мою мощь не против абстрактных, утилитарных псевдодемонов планетарной экономики и мировой политической целесообразности, но против реальной, осязаемой, прагматичной и приземленной тирании. Против Зла. Простого. Прямого. Неприкрытого и несомненного. К тому же это шанс превратить мир в нечто чуть-чуть иное, нечто лучшее, чем до вмешательства. Вот так всегда, Лука, только ангелы и герои. Я отвожу глаза. Отвожу глаза и в зеркальном заднике бара вижу его. В зеркалах множится смерть. С каждым взглядом и каждым днем она все сильнее. Смерть, перемены, время. Смерть – это высокий мужчина, чуть за тридцать, с буйными рыжими волосами, убранными назад. Из серебряной глубины зеркала, куда я его запер, чтобы он не мог больше причинять боль, мне кивает Этан Ринг. Он – это я. Я должен его обнять. Конечно, он. Как же может быть иначе. Догио Нинин. Мы, двое. Пилигримы. Товарищи в Пути.

Щелкают ножницы, чик-чик. Рыжие волосы длинными прядями падают на каменные плиты внутреннего садика. Я поднимаю локон, яркие, блестящие ножницы щелкают, он падает. Подготовка к битве. Средневековые рыцари проводили ночь перед испытанием у алтаря, в молитве.

Я велел отнести мистера Танацаки в спальню. В голове

и ногах расположились ангелы Излечения и Спокойствия, они присмотрят за ним. Сон Нобио занимается акирой, пребывающим в коматозном состоянии в комнате для гостей нежилого крыла. В соседнем помещении лежит второй акира; на внутренней стороне двери я расположил ангела Бинаха, это фрактор, уничтожающий временную зависимость, теперь акира застыл во времени.

Каждый демон когда-то был ангелом. Период полураспада, встроенный в нестабильную суть бумаги, защитит мир от демонов. Или ангелов.

Встроенный распад. Ну и дела.

Щелк! Упал еще один кусочек меня. Пусть этот садик – всего несколько квадратных метров площадки между двумя обитаемыми крыльями дома, но сейчас в нем весь мир. Крохотный бассейн – это океан; обломки скалы над мелким, аккуратно выровненным гравием – горы в пустыне; лес из бамбука; каменный фонарь с биолюминесцентами – это луна; а алтарь в память многочисленных поколений Танацаки – духовный центр. Аромат раннего жасмина и поздней магнолии наполняет воздух, дождь прекратился, ночь невероятно теплая и тихая. Масахико спрашивает: «Если тебя убьют, что я скажу Луке?» Увидимся в следующей жизни, Лука! Я пробегаю пальцами по клочковатой стерне своего черепа. Мои приготовления почти закончены. Все, что мне нужно, – это одно завершающее воспоминание, один, последний, краугольный камень. Уложить его на место, и мост между мной

прошлым и тем, что я есть сейчас, будет переброшен.

Теория гласила, что в каждый определенный момент в политической истории имеется только два, два – и не больше, блока политической мощи. НАТО против советского блока, коротко говоря – Америка против Сферы влияния Японии, позже, во времена, когда колоколообразная кривая экономического развития империи находилась в своем пике длиной в сорок лет – Европа, ее государства-сателлиты старого восточного блока и хилая демократия Южной Африки против внезапно возникшей яростной культуры панисламизма, которая сплотила Аравию и Северную Африку от Дарданелл до Шри-Ланки и теперь делала политические реверансы в сторону Сахарской Африки и Конфедерации черных штатов Америки. Противостояние сарацин и крестоносцев по берегам Гибралтарского пролива.

– И я в роли привязанного к лошади Карлтона Хестона.

Как обычно, мои кинематографические аллюзии пропали впустую. Слепая женщина из Гента то ли пропускала их мимо ушей, то ли просто не понимала.

– С идеологической точки зрения, у нас нет конфликтов с панисламизмом, – заметила она. – Это наш самый крупный торговый партнер. Новая буржуазия Северной Африки дает работу большей части Франции и Испании. Сейчас мы даже не можем их обвинять в фундаментализме. Сиди али в Рияде производит, пожалуй, лучшее в мире пиво. Это чистейшей воды старый добрый империализм. Им нужно наше добро,

нам – их, и помощи Господь неприсоединившимся.

Результат: был установлен организатор яростных выступлений гастарбайтеров в Испании, Португалии и на юге Франции – группа «Аль Хак» исламистов-социалистов. Панисламисты, стремящиеся к сближению с соседями, предложили в качестве жеста доброй воли его уничтожить. А так как страсбургские стратеги от политики полагали, что разрядка может бросить неприсоединившиеся государства сферы Бенина в объятия Каира, то расправиться с «Аль Хак» полагалось европейцам, усугубив тем самым дипломатическое напряжение и вернув таким образом государства Бенина, а с ними и большую часть стран Черной тропической Африки в зону влияния Европы. И вот я, отуманенный дармовой выпивкой и теорией хаотической социальной динамики, падаю по суб-орбитальной параболе к Маракешу – самому сердцу культуры нового ислама.

Красный город между пустыней и снегами всегда привлекал людей с Запада. Теперь же, в эпоху блестящей и суррогатной реставрации доброго утерянного имперского духа, он встал в один ряд с мекками новой богемы: Парижем, Берлином, кайфующим Лондоном, Гринвич-Вилладж, Катманду. И нечего удивляться, что на стене древнего города, помнящего еще времена Сиды, красуется имя и лицо несгибаемой и гибкой Луки Касиприадина. Картель европейских промышленных компаний, озабоченный проблемами снижения налогов и завоевания североафриканского рынка, отправил

ее по линии культурного обмена через Панисламский художественный директорат и снял для нее помещение в некоем уголке старого города. Она снимала здесь дом. Справочная служба сообщила адрес-телефон-факс-e-mail и предложила подходящее место встречи: кафе «Наяда» – забегаловка для экспатриантов из Европы, то есть, по моим понятиям, для младшего персонала разведывательных служб. Она появилась в «Наяде», когда деревья наполнились щебетом перелетных птиц, а улицы Маракеша – громкоголосыми, уверенными, очень красивыми молодыми людьми. Одета в черное с серебром.

– Этан, ты сумасшедший, ты что, не знаешь, это местечко – такая неприличная дыра, мимо нее пройти – и то стыдно.

Казалось, полутора лет между кафе «Наяда» и служебным номером в отеле Сан-Франциско просто не было. Микрочип у нее за ухом, переводя на арабский, позволил получить бутылку вина.

– Гребаная дыра, но надо признать – у них лучший в городе музыкальный автомат. Особенно если собираешься окунуться в мазохистскую ностальгию по былым временам.

Мы оба собирались. Она решала за нас обоих. Мы танцевали на таком расстоянии, что расширялись зрачки. Танцевали, пока в кафе не набились абсолютно пьяные финны, которые изо всех сил орала «Су-о-ми-и-и!».

– Видишь, я была права, Эт, – промурлыкала она и потащила меня по лабиринту старого города сквозь водопад нео-

новых и лазерных бликов. – У меня в продолговатый мозг встроена карта, иначе я ночью никогда бы не нашла дорогу домой. – Мы пробирались среди бродяжек, ночующих на улице, среди юнцов в итальянской коже и на флуоресцентных биомопедах Vespa. – Я всегда завидовала матери, ее прыщавая юность пришлась на свинг шестидесятых. Глядя на весь этот монохром, я представляю, как оно было. – И дальше, сквозь путаницу коридоров, еще не остывших от баталий между политическими / теологическими / артистическими / философскими / научными группами. – Здесь главное – юность, Эт. Они действительно верят, что имеют силы изменить мир, сделать его лучше, справедливее, цивилизованнее, прекраснее, естественнее. – И дальше, мимо киосков с «быстрой едой», ларьков с пиратскими дисками, голландскими шмотками, драгоценностями «от Картье – лучше, чем настоящие» и ароматами Шанель. – Знаешь, что здесь привлекает и волнует европейского стегозавра вроде меня, – то, что среда самовыражения еще не узурпирована редакторами. Эю Всемогущий здесь еще не стал началом и концом любого дела. Какими бы ни были твой голос, музыка, поэзия, трехмерка или традиционная живопись, визуалистика, артнарктика, стиль изложения или сценические представления, тебя все равно услышат. – И дальше, сквозь жару и пот, к площади Душ. – Это один большой андеграунд, Эт. Здесь все свободны. Скорее, я покажу тебе одного сумасшедшего проповедника. Он что-то вроде суфия. Он может заглянуть

человеку в душу и убить его дух. Человек просто валится на спину, как мешок. Ужасно забавно. Когда ты видел такое в Центре Помпиду или в гребаном Ковент-Гардене? – И горели огни, и фокусничали фокусники, и проповедовали сумасшедшие проповедники и убивали людские души прямо в живом теле, вот только она со мной не стала спать.

Утром я отправился уничтожать «Аль Хак». Моим контактом был студент факультета политических наук Исламского университета, в котором, по имеющейся информации, действовала структура «Аль Хак». В качестве экспатрианта доктор Праваль обязан был каждый день вкушать ленч в одном и том же бангладешском ресторане. Тут я его и ждал, за самым дальним и самым темным столиком. Смотрел, как он изящно ест горошек и лобио из бобов и отстукивает ногой такт политически безупречной дхангра. Я позволил ему добраться до кофе и лишь потом послал записку, напечатанную в кабинке мужского туалета. Там стояло: «Подойдите к рыжеволосому мужчине в шелковом галстуке с рисунком из самолетиков». Разумеется, напечатано было шрифтом Малкхут.

– Извините, мы знакомы? – Они никогда не могут понять, почему делают то, что велит им Малкхут. Просто какой-то странный импульс.

– Не совсем, – отвечаю я и протягиваю ему через стол вторую записку. Арабская версия Малкхута приказывает: «Расскажите мне все, что знаете об «Аль Хак». Когда он закон-

чил, я вежливо его поблагодарил и с помощью Хохмаха, ангела Забвения, изъясил из его памяти все события сегодняшнего дня после ухода с семинара по политической социологии. Затем я отправился в «Наяду» пить плохое вино, слушать блюзы и ждать Луку. Как раз в эту ночь она повела меня на собачьи бои, и в крови, изуродованной плоти, дерьме и смерти я отказывался видеть аналогию того, что сам сделал во имя политической целесообразности примерно с пятьюдесятью людьми примерно в пятидесяти же странах.

Теперь, узнав Мохаммеда Бедави, основателя и лидера «Аль Хак», по имени и в лицо, я мог изучать его настолько пристально, насколько это вообще возможно для рыжеволосого европейца в городе, где преобладает оливковый цвет лица. В пятницу он уехал из города в красном «альбенице», а я следовал за ним в наемном «пежо» по пыльным дорогам, окаймленным щитами с лозунгами во славу исламского единения и рекламой французских сигар – каньябариллос. Мимо хорошо орошаемых ферм мы добрались к подножию Атласских гор. Дорога петляла и круто извивалась по склонам. Он остановился в горной деревушке, не менявшейся последнюю тысячу лет, если, конечно, не считать спутниковых антенн, солнечных генераторов и вездесущих «тойот». Шумно и прочувствованно поздоровавшись с семьей, он отправился с мужчинами на молитву, а женщины принялись готовить еду. Голограмма местного СД, в прозрачном горном воздухе выглядящая слишком бледно, парила над квадратной баш-

ней деревенской мечети. Я расспросил фермера, и он объяснил мне, что Бедави приезжает каждую пятницу, чтобы помолиться вместе с семьей. Я поблагодарил его и удалил у него все воспоминания, что он когда-либо встречал рыжего европейца.

Лука ждала меня в «Наяде».

– Покажу тебе кое-что, – сказала она и, взяв меня за руку (в перчатке, и ее рука – тоже в перчатке), потащила по лабиринтам старого города, который так неистово любила. – Узи, это чистилище, – объявила она и протолкнула меня в низкую деревянную дверь комнаты, которую она сотворила. Чистилище... где неудача, неадекватность, вина сгорает и становится прахом. Это было поразительно. Это был экстаз. Долгое, упоительное погружение в самое сердце тьмы. Секс с ангелами. Удивительно, ужасающе, прекрасно, чудовищно, и отвратительно, и грустно, и шокирующе, и забавно, и тошнотворно, и... это меня не задело. Не могло задеть. Некоторые поражения и комплексы вины лежат слишком глубоко, чтобы их можно было вычистить из закоулков души.

Всю следующую неделю, готовясь к акции уничтожения, я не мог избавиться от мысли, что Лука изготовила этот ад размерами с комнату специально для меня.

– Если бы ты мог до меня дотронуться... – с грустью проговорила она как-то вечером, когда мы сидели на кованых металлических стульях в ее заросшем папоротником саду. На ней было черное платье без рукавов, она курила «блэк

кэТС» и пускала фигурные ароматные кольца. – Я хочу почувствовать твои руки, хочу, чтобы твои руки чувствовали меня. Сними перчатки!

– Ты же знаешь, я не могу. – Я вынул из ее пальцев сигару и пару раз потянул дым из тонкой коричневой каньябариллос. – Это опасно.

– Не могу. Не буду. Ты всегда носил перчатки. Эмоциональные перчатки. Никого не касайся, и тебя не коснутся. Чего ты так боишься, Эт?

– Я не боюсь.

Вдруг она схватила мои кисти.

– Боишься. Видишь, ты испуган, ты весь холодный. – И тут она заплакала. Навзрыд. По-настоящему. Слезы так и каптились. – Я люблю тебя. Как больно! Но что я могу сделать? Ничего. Я ничего не могу сделать. Мне больше никто не нужен, Этан! Если хочешь, я всегда буду здесь. Ты всегда сможешь меня найти. Но тебе придется выбирать.

Неужели она так плохо меня знала, что забыла: для меня не бывает или/или, только и/и.

Наступила пятница. Визит к местному дилеру автомобильной компании подтвердил, что полная офисная система, встроенная в шестиместный «марк-альбениц», на котором ездит Бедави, является стандартной. Справочная служба Маракеша любезно предоставила код e-mail в его машине. Подготовившись таким образом, я отправился на наемном «пежо» в одно хорошенькое местечко на склоне доли-

ны. Присмотрел его еще на прошлой неделе, когда тащился по особенно неприятному витку горного серпантина. И стал ждать. Слушал «Новую волну», съел пакет соленых орешков. Заметив шестиместный «марк-альбениц» – в тот момент просто красное пятно на охряном фоне атласского пейзажа, я вынул переносной факс-фон. Когда красный «альбениц» стал карабкаться по крутому склону, я подсоединил карманный биопроцессор Olivetti\ICL Mark 88 к модему. Из-за поворота показался с натугой ползущий вниз трейлер-бензовоз. Когда красный «альбениц» оставил позади киоск с моими солеными орешками, я загрузил сефирот-диск и набрал на панели код инициирования фактора. Когда автомобиль обогнул поворот перед очень уж специфическим уклоном, я вызвал номер, который получил от справочной службы, нажал кнопку «transmit» – передача – и выпустил Кетера – ангела Разрушения – на дисплей передней панели «альбеница». С моего места было прекрасно видно, как шестиместный красный «марк-альбениц» вырывается прямо навстречу наползающему трейлеру с цистерной, разворачивается задом поперек дороги, пробивает невысокое ограждение из песчаника и с поразительной, балетной медлительностью летит вниз, чтобы в бешеных цветах пламени взорваться среди скал и кустарников тенистого днища долины. Я видел, как застыл на месте бензовоз, как высунулся из кабины шофер и целую минуту тупо смотрел вниз и лишь потом выскочил и, нелепо размахивая руками, побежал по дороге к киоску с орешками.

Вернувшись в Маракеш, я заказал билет на шаттл до Малаги, упаковал вещи, расплатился и уехал, ничего не объяснив, не оставив записки, не попрощавшись с Лукой.

Некоторые драконы слишком огромны, слишком сильно давят своим весом на землю, чтобы их можно было убить, пусть даже они сто раз заслужили смерть. Европа, дракониха, развалившаяся на целый континент, с лыжными курортами на ее гористой хребтине и со спрятанными за красными стеклами очков глазами, которые жадно мечутся в поисках еще одного ужина из девственных наций, она, эта Европа, вероятно, более других заслужила уничтожение, но даже моя отягощенная Кетером рука не в состоянии выжечь ее громадную, медлительную, многоголовую нервную систему. Однако здешний святой, может быть, сумеет разорвать цепь, которая приковала эту руку к пальцу дракона.

Внутренний дворик. В сумрачном рассвете ранняя трель птицы. Теперь поспеши. Пора. Я кладу ножницы, беру оружие и выхожу навстречу врагу.

* * *

Велосипед – это друг, каким никогда не станет автомобиль. Машина может быть возлюбленной – изысканной, сложной, темпераментной, но один неверный шаг – и чары развеются. Велосипед по натуре прост, нетребователен и верен, но, как и над всякой дружбой, над ним надо рабо-

тать, ухаживать за ним, при необходимости чинить, проводить с ним время, постигать характер. Постепенно я полюбил эту красно-зеленую грозу дорог – Dirt Wolf MTV. Мы начали совместный путь чужаками, Мас только что представил нас друг другу на пароме в Осаке, но в ходе взаимного непонимания и ошибок: потянутых мускулов, порванной цепи, ободранных локтей, погнутых колес, – мы сумели выстроить наши отношения. От Танацакии до штаба «Тоса Секьюрити» всего пятьдесят километров скучной, наводящей на мысли о вездесущем телевидении местности, однако удовольствие крутить педали прекрасной машины все равно приносит высокую радость. Следуя инструкциям, добытым у того акира, который еще был в состоянии дать их, я свернул с обрамленного деревьями проспекта с Очень Процветающими Телеком-зданиями, с Чуть Менее Процветающими Телеком-домами, сооруженными у них на участках, с Еще Менее Процветающим Жильем, сооруженным у них на участках, на частную дорогу и таким образом добрался до ворот «земли обетованной». Бойницы из армированного алюминия, оснащенные телекамерами Spyball и охраняемые стражами ToSec в униформе, стилизованной под mg. Нуди вплоть до вышитых гитар на эмблемах, да и как могло быть иначе?

Если у вашего врага имеется чувство юмора, это всегда опасно. Спросите у Бэтмена.

Я подъезжаю к воротам – стражники рычат, – слезаю с ве-

лосипеда (сиди на месте, добрый верный страж) и поднимаю свою голую правую руку к камерам слежения.

– Эй, там! – По-японски это звучит не так беззаботно, как мне бы хотелось. – Впустите меня. – И зеленые ворота «земли обетованной» раскрываются. Я клею биораспадающийся листок с фрактором лицевой стороной к линзе камеры. Бинах, владыка времени, позаботится о тех, кто сидит за мониторами. Удивленные стражники тянутся к внутренним карманам. Слишком медленно, ребята. Я отрываю листок с отпечатанным фрактором от демонического ящика, висящего на поясе, и приклеиваю его себе на шлем... и исчезаю, как только их окуляры доходят до области моего сердца. Потерянные акры, фрактор слепого пятна, о котором говорила Бекка. Исчезает все в радиусе двух метров, в этой зоне центры восприятия свертывают пространство. Пока охранники размахивают кулаками, как дуэт из борцов сумо, я подпрыгиваю и наклеиваю пару листков с Бинахом на их стекла из защитных забрал. Застыли. Играющие статуи. Секунда – и сзади на моем шлеме появляется второй фрактор Потерянных акров. И вот я уже готов плыть по реке из выровненного гравия меж темных рододендроновых берегов. Та парочка охранников, что попадаетея мне на пути, не имеет никаких шансов против врага, который может вынырнуть из зоны слепого пятна и заморозить их без движения, остановив время фрактором. Надо только молиться святому Дайцы, чтобы на их забралах не оказалось выведенных наружу датчиков:

в инфракрасном свете я гол, как леди Годива, и так же беззащитен. Но самая большая опасность – это собаки, вроде тех, с которыми мне пришлось воевать в сахарном тростнике. Фрактор Потерянных акров не обманет их чуткие носы, а чтобы воспользоваться, как в тот раз, Кетером, мне придется выйти из слепого пятна. Я лезу напролом сквозь рододендроны и оказываюсь на широком, прекрасно подстриженном газоне, который усеян бюстами в два человеческих роста: Будда, Эдди Кох-рейн, Чак Берри, Пэтси Клайн, Литтл Ричард, Билл Хейли. Ну и, конечно, Элвис. Рай рок-н-ролла. Среди великих теней пасутся мунтжаки с урезанными генами. Сюрреалистичное зрелище, однако карликовые мунтжаки означают отсутствие киберпсов. За газоном желтая гравиевая дорожка, за желтым гравием – здание в духе Скарлет О'Хара. Единственным знаком, что я все еще в Японии, а не в прибежище сопливой мечты – Америке, является орел-громовержец, оседлавший портик над входом.

За углом я вижу бассейн в форме гитары. Мои передвижения не остаются незамеченными, но я и не рассчитывал проникнуть в *sanctus sanctorum* – святая святых – без сопротивления. Подкрепление выстроилось на пяточке гравия: в руках автоматы, глаза устремлены к небу, как будто они ожидают нападения Супермена. Ничего сложного, надо только собраться с духом и сделать быстрый, сумасшедший бросок по грохочущему, предательскому гравию и надеяться добраться до двери до того, как они опустошат магазины на звук моих

шагов. Ну, Этан, вперед, вперед...

Они даже не повернулись. Что-то уж слишком легко. Сверхъестественно легко. Внутри земли обетованной я закрываю дверь, задвигаю засов и снимаю маску человека-невидимки. Для внутренних покоев у меня есть другое оружие: Гевурах – разрушительный страх Божий. Двигаясь по коридорам, как Божья кара, я повергаю в ужас и бегство всех, кто попадает на пути, и при этом обнаруживаю, что моя «земля обетованная» – это загадка во чреве шутки. Слащавый фасад – всего-навсего пустая раковина для офисов и проходов, а внутри, если заглянуть в окна или вентиляторные отверстия, виднеется огромное помещение, размером во все здание, крытое стеклянным колпаком и облицованное тем, что я могу описать только как видиостены высотой в три этажа. Сотни телевизоров, тысячи. На полированном деревянном полу стоят четверо неосинтоистских ворот тории; каждые смотрят на одну из сторон света. А между ними – облицованный содзи и крытый черепицей Зал Дайцы.

И в первый раз моя уверенность, моя самонадеянность дрогнули. Господин Дайцы, не оставь меня!

Почудилось или вся масса телевизоров действительно заполнена лицами?

Слишком опасно уходить, распространяя ложь. Я подношу демона Страху к огню своей серебряной «Зиппо» и держу, пока он не скрючивается и не сворачивается в смертных кольцах. Потом поднимаюсь по ступеням к двери с надписью

«АМИНИСТРАЦИЯ И БУХГАЛТЕРИЯ».

– Доброе утро, – объявляю я собравшимся секретаршам, младшим менеджерам, делопроизводителям, счетоводам и двум хорошеньким крошкам-панки в облегающих комбинезонах. – Пожалуйста, не пугайтесь. – Ласковое журчание Джеймса Мейсона из «Противной девчонки» у меня все же не выходит, но все лица поворачиваются в мою сторону, и я ловлю их души в свою правую руку. – Инструкции, которые я собираюсь загрузить в ваши рабочие станции, подлежат неукоснительному исполнению, нарушать их абсолютно недопустимо. Всем понятно? – Кивнули даже парни в модных – как у киногероев – костюмах. Я мечтал об этом с того момента, как идея пришла мне в голову, пока я крутил педали, удаляясь от Танацакии. – Вы организуете выплату каждому держателю акций ToSec суммы, эквивалентной дивидендам за пять лет. Вы выбросите на тихоокеанский рынок все акции, которые находятся в собственности компании. Все, что останется, разделите между собой, потом как можно быстрее покинете здание и отправитесь в длительный отпуск.

Разумеется, демонический ящик с фрактором Канджи на экране сообщает это значительно более убедительно, но ведь каждому мужику хочется хоть раз в жизни почувствовать себя Робин Гудом, гарцующим по Шербургскому лесу. Забрать у богатых и раздать бедным? И пусть скромный танец пальцев по клавишам не похож на величественные пассы мага

от индустрии, но он означает истинное разрушение, полный экономический крах «Тоса Секьюрити».

Двойные двери раскрываются без моей команды. Я молча скольжу по сверкающему полу к самому сердцу земли обетованной. И так же молча утыканные телеэкранами стены заполняются лицами – мужскими, женскими, молодыми, старыми. Европейцев и американцев немного. Среди лиц странной пустой экран, по которому промелькнула путаница образов, резанувшая по глазам, как фрактор. Колонны ворот тории усеяны клапанами для душ.

Создаваемая «Тоса Секьюрити» империя мечты сооружается и поддерживается руками мертвецов, украденных душ, поработанной памяти многих. Здесь десятки, возможно, сотни функционирующих систем. За ними надо следить, управлять ими, контролировать их. И все это осуществляют они. Бдительные. Неутомимые. Надежные. Вечные. Если мертвые – цифры и датчики этой империи, то кто... что же является ее движущим интеллектом? Дверь в Зал Дайцы распаивается. Что мне остается? Только войти.

Висячие бронзовые светильники озаряют ясные лики сотен буддийских святых, которые обрамляют стены. Я узнаю Кэннона, Дайницы, Бинзуру, навеки лишённого просветления из-за пристрастия к крепким напиткам. Место центрального образа в алтаре занято чем-то, напоминающим древние рыцарские доспехи с телевизором вместо головы.

– Жизнь имитирует анима? – говорю я по-английски, дви-

гаясь между боддिसатвами и боддидхармами. Теперь я вижу, что древние доспехи укреплены на корпусе популярного промышленного робота Дорнье, такого же, как Одджоб Луки Касиприадин, который сопровождал нас в калифорнийском чистилище. Я продолжаю приближаться, пока не вижу, что мое лицо полностью отражается в пустом экране под пикирующим крылатым силуэтом.

– Совсем рядом люди спокойно завтракают и смотрят утренние новости.

Лезвие кажется ужасающе ярким серебряным пятном, стальной ветер бьет мне в лицо, оно готово к удару, как и моя левая рука, тоже готовая и тоже к удару.

– Это легко могла бы оказаться и ваша голова, мистер Ринг. – Английская речь. Стандартное произношение. Достаточно идиоматичное. Совершенное, как может быть совершенным только микрочип-переводчик самого высокого класса.

Я начинаю понимать. И очень сильно пугаюсь.

– А ваша – еще легче, – бессильно бросаю я и сжимаю левую руку.

– Что-то я сомневаюсь, мистер Ринг.

Совсем как в старом мультфильме Рея Харрихаузена, машина-самурай спускается с алтаря; тонкие ноги стучат, стучат, стучат по деревянному полу. Две из ее четырех рук оканчиваются короткими острыми лезвиями. Детский кошмар: телевоспоминания о крабопауках, извлеченных со дна Япон-

ского моря, пять метров позвякивающих, хитинообразных, длиннющих доспехов. Поборов внезапную слабость, я перехожу к делу:

– Значит, все делают компьютеры, так? – кричу я боддистам и боддидхармам и массе телелиц на массе экранов. Всему, что может и будет слушать. – Как вы умерли?

– Рак, мистер Ринг. Разумеется, рак. Некоторые говорят, что такая болезнь – благословение, она дает время подготовиться к встрече с Буддой, или с предками, или с Аллахом и обрести достоинство. Но это не про меня, мистер Ринг. Но с другой стороны, я всегда был исключением из правил. Вместо достоинства я обрел гнев. Гнев, что тело, которое я так яростно тренировал, так необратимо предало меня. Гнев, что мои амбиции, моя работа станут достоянием других, не таких способных, как я. Да, гнев. Сама по себе смерть не была мучительной. Клапан моей души был разгружен в симулятор, мои дети и служащие выказали приличествующую случаю скорбь, я превратился в призрак, живую память. А потом, мистер Ринг, произошла странная вещь, которую я не могу должным образом объяснить вам потому, что она подразумевает проникновение в самую суть необъяснимости каждой личности. Я вернулся к жизни. Я превратился в нечто большее, чем просто мертвая, пассивная память. Я стал понимать, чувствовать. Стал активным, живым. Мне нравится думать, что именно гнев, сила моего негодования не пожелали умирать и реинкарнировались в машине. Ко-

нечно, только гнев и инстинкт обладания заставили меня создать компанию, напасть на других призраков, обитающих в том же симуляторе, покорить их, превратить в инструменты, оружие, которое отобрало контроль над компанией у моих наследников. Представьте себе их возмущение, когда они обнаружили, что системы им не повинуются, и увидели на экране мое лицо! Еще несколько шагов по деревянному полу.

– У всех наций, мистер Ринг, имеется определенная дата, время и место, когда каждый очень отчетливо помнит, что именно он делал. У вас – это смерть Элвиса Пресли, гибель «Челенджера». У нас – внезапный утренний свет над Хиросимой. Я видел тот свет, мистер Ринг. Видел, как вместе с дождем и пылью на землю обрушился пепел Империи. И я видел, как Империя возродилась, стряхнула с себя патернализм Америки, победила ее. И я не жалею, что сегодня мы отодвинуты на периферийные роли, боковые игроки иногда переигрывают центральных нападающих.

Теперь я понимаю и этот дом – воплощение культурной шизофрении, и это неоимперское приключение. За напудренной маской гейши живет все та же душа, неизменившаяся, неизменяющаяся и не подверженная изменениям.

– И сейчас вы поднимаете меч Мисимы.

– Требуется особое благородство, чтобы выпотрошить себя на балконе отеля, но Мисима был идеалистом, а все идеалисты – дураки. Мы, Такеда, прагматики. Для начала я хочу

получить то, что всегда было моим: земли, имя, почет.

– Я бы понял, если бы вы хотели этого во имя спасения души Японии, – сказал я, – но ведь вы просто-напросто еще один маленький гребанный даймио.

– Который хочет и получит вашу голову, мистер Ринг. Лезвие дрогнуло. На этот раз я готов. Моя правая рука поднята.

– Не думаю, мистер Такеда.

– Господин Такеда, если не возражаете. И как я уже говорил, я-то не сомневаюсь.

Дуга лезвия пролетает так близко, а мои инстинкты реагируют так медленно, что я почти ощущаю стальной поцелуй на своей глотке. Робот-самурай со щелчком принимает боевую стойку: одно лезвие высоко поднято, другое отведено для смертоносного удара.

Теплая кровь на пальцах. Я с изумлением смотрю на правую руку.

Невозможно! Невозможно! Невозможно!

Левая рука. Рука Хаоса. Рука Смерти. Костяшки пальцев прижаты к лицу. Умирай, ты, покойный ублюдок!

– Воинам известно, мистер Ринг, что путь к победе лежит через превращение в своего врага, – вещает голос с произношением диктора ВВС. Он говорит? Видит Кетера и продолжает жить? Как? Как? Я едва разбираю его слова, кровь ударяет мне в голову.

– Я знаю вас, мистер Ринг. Неужели вы думаете, что ваши

европейские хозяева позволят своему самому ценному, самому могущественному оружию безнадзорно разъезжать на велосипеде по холмам и долинам?

– Они наняли вас, чтобы следить за мной?

– Европейское посольство вступило с нами в контакт, когда вы еще только занимались покупкой велосипедов с вашим другом из анима. С тех пор как вы получили штамп в Первом храме, наше присутствие незримо сопровождало вас на всем пути паломничества. Мы двое. Пилигримы. Товарищи в пути. Вам удалось скрыться от нас в Токушимае, но мы догнали вас в Девятнадцатом храме и установили контрольный пост в Хиясе. Я до сих пор не уверен, было ли ваше отклонение от утвержденного туристского маршрута в Ахи упущением или большой удачей. Если бы не это, вам не встретила бы охрана из киберпсов и я никогда бы не понял до конца, почему европейские хозяева так высоко вас ценят.

Эти мертвые телевизоры, эти полуфракторы, вспыхивающие интерференцией. Так я и думал, кто-то управлял собаками, но только кто-то неживой.

– Если бы я наблюдал за вами по чисто визуальным каналам, моя особа была бы так же безнадежно уничтожена, как и другие ваши жертвы. Но я охочусь за вами более чувствительными средствами: инфракрасными, звуковыми, двигательными датчиками.

– Я не собираюсь так легко расставаться со своей головой, мистер Такеда. – Европейцы тоже читают откровения масте-

ров. «Бей неожиданным образом», – пишет Мииамото Мусахи. Конечности робота очень сильные, но связки у него хрупкие. Интересно, зарегистрировали ли датчики моего врага скачок тепла, мелькание цифр, когда я наношу удар между его расставленными ногами, рывком опускаю поднятую руку с лезвием, ломаю сустав о колено и когда вторая рука, сверкая, летит к моему горлу, чисто срезаю ее в первом суставе захваченным в битве мечом?

В пластиковом гнезде моего черепа хранится кое-что еще, кроме японского разговорника для туристов.

– Не следует полагаться только на один вид оружия, – цитирую я древних воителей, хватая ртом воздух и пытаюсь унять бешено бьющееся сердце.

– Разумеется, – отзывается механический Такеда, – но не только вы умеете играть в «камень – ножницы – бумага». Темный экран открывает свой единственный глаз. Фрактор Кетер не выжигает дыры вместо глаз в моем черепе лишь потому, что мне уже случилось видеть его лик и выжить. Даже доля секунды на узнавание и реакцию смертью отдается у меня в позвоночнике. Что? Где? Чувствуй! Чувствуй! Деревянный пол. Закрой! Закрой глаза! Чувствуй!!! Мои дрожащие пальцы шарят по деревянной резьбе подножия боддисатвы. Я слышу позвякивающие, семенящие шаги. Мой враг приближается, чтобы убить меня. Но теперь битва – это нечто большее, чем личная месть Этана Ринга. ToSec, владеющая паролями и командами, записанными на клапане ду-

ши, встроенном в мой череп, и распоряжающаяся факторами по своему усмотрению во всем мире! Трудно себе представить, чем может кончиться подобная историческая драма!

– Я вижу вас, мистер Ринг, а вы меня?

Ты не можешь позволить себе ни единого взгляда, ведь если ты только что задействовал Малкхут, фактор послушания... Действие Кетера ты еще мог пережить благодаря давнему знакомству, но как насчет неоспоримого приказа разрезать твой собственный желудок, сотворить харакири? Датчики движения. Инфракрасные датчики. В моей сумке-набрюшнике баллончик с аэрозольной смазкой, которую я использовал для этой проклятой коробки скоростей... Пальцами нащупываю зажигалку. Действуйте же, пальцы, чтоб вас, действуйте! Снимайте крышку! Господи, шаги все ближе! Беги, идиот, беги! Нащупываю боддисатву, вслепую обхожу... Прости меня, господин наш Дайцы! Масляный аэрозоль вспыхивает огненным факелом. Я направляю импровизированную горелку на деревянные образы... Прости меня, господин наш Дайцы! И в пламени просветления Будды устремляются вверх. Я больше не могу слышать уверенных, звякающих шагов робота Такеды. Заслонившись рукой, тушу пламя и поливаю жирным черным маслом свои велосипедные очки.

– Вот так, скотина!

Идиоты, дерущиеся в горящем доме!

– Очень впечатляет, мистер Ринг.

Голос слишком близко, слишком близко... Многосуставчатые пальцы смыкаются на моей глотке, выдавливают кровь из пореза вдоль линии волос, толкают к горящим Буддам. Я отбиваюсь баллончиком, но пальцы робота хватают мои очки, сдирают их. Моя единственная свободная рука распыляет черноту на то место, где, я надеюсь, находится экран. Пластиковые пальцы судорожно сжимаются, я ломаю суставы, как ноги у краба, и вырываюсь. Смогу ли я? Посмею ли? Смогу ли, посмею ли, смогу ли, посмею ли? Посмею.

Аэрозоль зачернил левую сторону крылатой эмблемы и три четверти светящегося экрана. Наму Дайцы хеньо конго! Я должен действовать быстро и решительно, пока Такеда не успел переформатировать фрактор для меньшего экрана.

Единственный взгляд может дать ключ к победе. На задней панели кирасы, в точности там, где, как я помню, Лука вставляла мультиплексный линейный передатчик в своего Одджоба, имеется пятнадцатиконтактное гнездо, стандартное для всех моделей роботов Дорнье Марк 15.

Такеда крутится вокруг своей оси, пытаюсь в расплывчатых пятнах инфракрасных теней поймать истинное изображение, но я действую быстрее. За мгновение до того, как двигательные датчики успевают меня зарегистрировать, я оказываюсь на нем. Зал Дайцы сейчас подобен горящему аду, но демонический ящик слетает с моего пояса, и вот уже его адаптер вставлен в гнездо питания, куда Такеда дотянуть-

ся не может.

– Ты хотел получить фракторы, – кричу я сквозь рев огня и вой пожарных сирен. – Так держи их!

И нажимаю на клавишу dump disk.

– Ввести код? – спрашивает демонический ящик. Мои пальцы, онемевшие от Кетер-шока, ошибаются.

Страшная боль в шее; пальцы робота шарят, пытаюсь оторваться от моего тела.

– Что я повторяю...

Еще одна рука ощупывает сломанными пальцами основание моего черепа, трогает, щупает, пробует...

– Что я повторяю три...

Хитиновый палец ввинчивается, ввинчивается в пластиковое гнездо микрочипа у меня на голове. Боль просто ошеломляет, но это ерунда по сравнению с тем, что будет, если господин Такеда сможет пропустить многовольтный разряд сквозь мой мозг.

– Что я повторяю трижды... Я горю, я умираю.

– является...

Он выцарапывает внутренность моего черепа, высасывает душу, заглатывает меня.

– ...истинной.

– Полная загрузка фракторной системы, – сообщает демонический ящик. В тот же момент господин Такеда ослабляет хватку, и моя душа освобождается. Боль утихает. Я, покачиваясь, отхожу в сторону. При свете сотни горящих Будд вижу

робота Такеду, его ноги сложились пирамидой, руки повисли жесткими плетями, а Сефирот, диск Маркуса, изливает на него весь страх и всю радость, всю боль и все уничтожение, и все сумасшедшее, и все излечение, и всю святость, и всю память, и все забвение, и все высоты, и все провалы, и тишину, и проклятия, и смерть всего мира.

– Гори в аду, ублюдок!

Колонны вспыхивают, пламя лижет балки и перекрытия. Стены, облицованные содзи, уже исчезли. У меня совсем нет времени, крыша сейчас рухнет, но в этой огненной церемонии надо еще сжечь две вещи. Дым и жар заставляют меня опуститься на пол и ползти, давясь и обжигая кожу, к упавшему образу Кокуцо.

Как-то раз Лука записала на видеокамеру молодого уличного проповедника, который использовал большую турецкую свечу как аллегория ада.

– Тысячу экю тому, кто продержит палец в ее пламени в течение минуты, – провоцировал он обывателей, отправившихся в воскресенье за покупками. – Одна минута... Нет желающих? Как же вы выдержите целую вечность в аду?

Однако некоторые вещи необходимо вытерпеть. Есть ад, который надо объять. Я прижимаю руку к раскаленному дереву. Боль сметает все мысли, все, кроме потребности прекратить ее, прекратить, прекратить! Но я не могу. Не могу. Наму Дайцы хеньо конго-наму Дайцы хеньо конго-наму Дайцы хеньо конго-наму Дайцы хеньо конго. Держи их. Я смотрю.

рю, как мои руки чернеют, держи их и плюй на все, держи их, и дымись, и гори, чтобы обнажились обуглившиеся хрящи. Держи их. И я держу, пока не сгорают все следы, все очертания того, что было на них выгравировано. И только тогда, преображенный болью, выбегаю из Зала Дайцы, а за спиной у меня, в водопаде пламени, рушится крыша на сверкающего в огне и плавящегося Такеду. Выбегаю между воротами тории под стеклянную крышу земли обетованной, которая трещит от внезапного приступа жара и разлетается на десятки мозаичных шестиугольников, и все они падают, валятся, летят вниз, дождем осыпая мою голову.

Легенда, связанная со скитом-бангаи, без номера, в который попадаешь утром после ночевки в Двадцать седьмом храме, пожалуй, самая необычная во всем паломничестве. Когда Дайцы шел через эту часть Сикоку, ему попался торговец с вьючной лошадью, груженной сухой соленой форелью. Кобо Дайцы попросил дать ему одну рыбу в качестве сеттаи, но сердце рыботорговца ожесточилось от многолетней греховной жизни, и он не подал даже самой маленькой рыбки, лишь подстегнул свою лошадь. В тот же миг у лошади начались паралитические колики, и тут торговец вспомнил, что на острове находится великий и святой человек, он повернул назад и стал молить Дайцы о прощении. Дайцы дал ему чашу для подаяния, велел наполнить ее водой из близлежащего источника и дать лошади. Так тот и сделал, и лошадь сразу поправилась. В благодарность торговец хотел отдать Дайцы

весь тюк с форелью, но святой принял только одну рыбку, самую маленькую. Он поместил ее в источник, помолился, и рыбка сразу ожила. Рыботорговец построил у источника часовню, которая через века стала буддистским монастырем. По сию пору в пруду, питаемом этим источником, плавают рыбы; монахи любят показывать паломникам метки по обе стороны их спинок и на хвосте, которые считаются следами пальцев Дайцы.

Согласно их предписанию я должен держать руки в этих живительных водах два раза в день: на рассвете и на закате.

Не могу сказать, что я ощутил особое просветление и благословение, может быть, целительное воздействие основано на пользе физических упражнений – ежедневной двойной прогулке к источнику, и духовному умиротворению от наблюдения за медлительными созданиями в глубокой, чистой воде. Как бы то ни было, мои лекари говорят, что когда я иду к пруду, линии биотоков на мониторе робота, который следует за мной, как больная совесть, вычерчивают более гладкие, более спокойные конфигурации.

Это отшельническое братство монахов-гомосексуалистов состоит из добрых и истинно благочестивых людей. Они живут духовной жизнью с естественной, природной грацией рыбы в воде. На свете не много вещей более привлекательных, чем природная святость, и не много столь же редко встречающихся. Многие из них – это люди, оставившие свою профессию, потому что чувствовали: сексуальная ориентация

уводит их от принятых духовных практик. Братья монастыря Форельного источника среди тех немногих, кто знает о его существовании, пользуются славой сильных мастеров щадящего лечения, очень умных счетоводов и суровых законников. После того как Мас нашел меня среди хаоса и руин «земли обетованной» и доставил назад в Танацакию, семейство Танацаки послало за братьями из монастыря Соленой форели, зная, что у них имеются возможности не только исцелить меня, но и укрыть от тех, кто может заинтересоваться человеком, в одиночку разрушившим «Тоса Секьюрити Инкорпорейтед».

Пока основные игроки этого разворачивающегося акта японского театра кабуки маневрируют и интригуют в образовавшемся вакууме после внезапной гибели ToSec, я знакомлюсь со своими новыми руками. Пластиковая кожа немного меня смущает, особенно шокирует место срастания с бледной веснушчатой кожей Этана на кистях, но брат Сайгио, мой любящий лекарь, ежедневно укрепляет мою уверенность, что под жестким клешнеобразным панцирем нарастает, уплотняется слой за слоем новая кожа. Каждую минуту, каждый час, каждый день. Пигментация, волоски, ногти, отпечатки пальцев – все будет как прежде, благодаря чуду ускоренной регенерации.

– Надеюсь, что нет, – говорю я, не объясняя брату Сайгио смысл этой маленькой шутки. Надеюсь, что нет. Думаю, что нет. Когда медицинский робот раскрывает эти пластиковые

раковины и я опускаю руки в воды источника Дайцы, то вид их способен вызвать у меня невротический шок, но чувство такое, будто они здоровые и чистые.

– К вам гость, – лукаво усмехается брат Сайгио. Я не удивляюсь. Я жду этого визита с тех пор, как очнулся от анестезии на самом пике боли и сразу вспомнил, что сказал Мас в ту ночь в Танацакии. – Вы спуститесь или отправить ее сюда, наверх?

– Пришлите ее сюда, – отвечаю я, чувствуя себя в безопасности со своим пивом, газетами, дисками и роботом на веранде корпуса для пилигримов. Я смотрю, как она идет по вымощенной плитами дорожке среди надгробий, касаясь руками камней, ощущая мягкое покалывание сосновых иголок, чувствую бессознательную сексуальность каждого ее движения, ее раскованную непосредственность, и что-то словно впивается мне в сердце. Она поднимается по ступеням веранды: первая, вторая, третья, четвертая, – обзревает мои пустые жестянки из-под пива, газеты, диски, робота.

– Ну что ж, ты прошел долгий путь, правда?

Черная длинная юбка с каймой, браслеты с индийскими колокольчиками, черные туфли, черная блузка без рукавов. Много серебряных украшений. И этот нелепый хохолок черных волос, который вечно лезет ей в глаза.

– Идешь до тех пор, пока позволяет Дайцы, – отзываюсь я. – На этот раз, в этом паломничестве, я получил благословение только на двадцать семь с половиной храмов.

Мы обнимаемся. Ее длинные, тонкие, голые руки смыкаются у меня на шее с серебряным перезвоном. Я ощущаю дрожь острого, почти болезненного чувства. Мое полуобъятие нелепо – локти, руки; возникает странное нежелание касаться ее своими пластиковыми руками.

– Как они у тебя, Эт? – Я показываю. Она смотрит с тенью отвращения.

– Господи, Эт! Я сказала Масу, что оплачу счет, то есть сделаю соответствующий взнос в фонд храма. Они ушлые ребята, эти монахи. Мас об этом и слышать не хочет, говорит, что зарабатывает в пять раз больше меня и ни за что такого не допустит, но мне все равно, я сделаю по-своему.

– Они будут помогать мне по-прежнему, дело не в деньгах, – возражаю я. – Не только в деньгах. – Потом добавляю: – Они прошли, Лука. Потому я это и сделал. Единственный способ от них избавиться. Просто выжег их.

– Вечно у тебя в голове ангелы и герои, а, Эт? – Она откидывается на ограждение веранды, вытягивает руки вдоль сучковатого дерева перил.

– Диск тоже пропал, Лука. Сгорел в огне. Все уничтожено. Все факторы. Сгорела мечта Маркуса.

– Мас рассказывает, что когда он нашел тебя, ты все время бормотал одно и то же.

– Что?

– Прости, Маркус. Прости, Маркус. Снова и снова.

– Лука.

Она улыбается мне из-под своей нелепой челки.

– Я свободен. Я умер в огне вместе с фантомом Такеды. Этан Ринг больше не существует. Закрытый файл в сером офисе города Гента.

– Нет, это дерьмо, Эт. Я не желаю скрываться всю свою жизнь. У меня есть дела поинтереснее.

– Тебе и не придется, Лука. Я уверен. Без фракторов я им не нужен.

– Но если они передумают и захотят тебя вернуть, то будут действовать через меня. – Она оглядывается на храмовый сад. – Эт, я голодна, как гребаный волк. Пустилась в дорогу еще до завтрака. Ты знаешь, Мас не хотел сказать мне, где ты прячешься. Пришлось встретиться с ним в Йаватахаме и заставить привезти сюда. Сплошные тайны. Что ты натворил? Здесь в округе все с ума посходили.

– Я тут отстал от жизни. И слава богу. Я могу достать тебе что-нибудь поесть. Но у них строгости, буддистская диета. Овощи, крупы запрещены.

– Это мне подойдет.

– Ешь, что я ем.

– Стань мною.

– Ты хочешь этого?

В первый раз мы решились взглянуть друг другу в глаза. – Да. Да.

Она притягивает меня к себе, пробегается языком по розовым шрамам на голове.

– Эти сказочные, сказочные волосы, – мурлычет она. А потом лукаво шепчет в самое ухо: – А насчет всего остального как у них тут?

– Для братии это духовное благословение. Если, конечно, есть любовь.

– Думаю, это можно устроить.

Она берет мои изувеченные руки в свои ладони, потом поднимает их вверх и широко раскидывает.

– Они исчезли, Лука. И не вернуться. Но иногда, при особом освещении, рано утром или на закате, мне кажется, я вижу, что здесь, под пластиком, что-то написано.

Она замирает, каждый мускул готов к последнему, убийственному акту предательства. А в следующий момент решается мне верить.

– И что там написано, Этан?

– Эмон Сабуро, вновь рожденный.

– И ты объяснишь мне, что это значит?

Наши руки наконец встречаются в самом низу окружности, очерченной в воздухе.

– Когда-нибудь, Лука. Когда-нибудь.